

love_sf

Яна
Ясная

Академия семи ветров. Спасти дракона (СИ)

Тереса Ривад никогда не думала, что ей, наследнице древнего магического рода, обучающейся магии с пеленок, придется искать убежище и пристанище в Академии семи ветров.

Ректор Эйнар никогда не думал, что окажется обязанным жизнью юной адептке с призраками тайн за плечами.

И этих двоих могло бы ничего не связывать, кроме случайных встреч в коридорах, если бы вышеупомянутой адептке не приспичило взвалить на себя непосильную ношу — спасти дракона!

Строго 18+
. Одномоник.

ru

Your
Name

FictionBook Editor Release 2.6.6
07 August 2018
8E648808-6653-4E4C-AB14-A31A3D7E8782
1.0

1.0 — создание файла

SelfPub.ru
2018

Ясная Яна
Академия семи ветров. Спасти дракона

Пролог

Род Ривад пресекался. Стоя над телом старой Альбы, я прощалась со своим родом. Пока она была жива — еще был шанс все исправить, бабка была сильна и хитра и за ее плечами был опыт долгой непростой жизни, она бы обязательно что-нибудь придумала — если бы была жива. Но старое сердце не выдержало вестей о смерти двух последних внуков, последних отпрысков Ривад мужского пола, и старая Альба — Альба Грозная, Альба Яростная — нынче легла в каменный гроб в родовом склепе.

Темный магический род Ривад вымирал уже давно — лет двадцать смерти шли за нами попятам. Мы скрывали это — уж что-что, а скрывать смерть мы умели! Мы вообще умели скрыть что угодно, и в реестре Темных Родов древней Империи — еще той, павшей — род Ривад имел имя «Молчащие». И только глупцы не могли бы понять, что на самом деле это означало «Хранящие Тайны».

Члены рода умирали, гибли один за одним — и над могильной плитой каждого из них, не оставивших потомства, почивших до времени, старая Альба зажигала фонарик. Фиолетовое стекло пузыря размером с детский кулачек, черный фитиль, и оплетка из чар, глядящихся черненным серебром. Могильные фонарики, мастерством старой Альбы зажженные над покойным в нужный срок, скрывали очередную смерть — и защищали оставшихся в живых от излишне алчных охотников за наживой. За родовым наследием. За силой. За знаниями, артефактами, за презренным желтым металлом...

За всем тем, что теперь стало моим приданным.

Мы всегда считались нелюдимыми отшельниками, мрачные некромансеры, «не до богов, не до людей».

Наши старшие извелись, проверяя весь род и отдельные потери на проклятия, на злой умысел, на дурной глаз — и ничего не нашли, будто просто-напросто темные боги отвернулись от рода. Последние три года стали самыми страшными. Один за другим ушли остатки родичей — от разных, непредсказуемых, не связанных друг с другом причин. Матушка моя, Каталина Светлая и самый младший из братьев, Аарон, погибли от серой гнили, привезенной из города. Ирония судьбы — сильная магичка, умелая целительница, Каталина Ривад, выбравшаяся по случаю на ярмарку, остановила магическую заразу, насланную безумцем на незащитных горожан — а себя и пятилетнего сына спасти не смогла. Они сгорели за неделю, и старая Альба зажгла в родовом склепе сразу два фиолетовых огонька — над младшим внуком и старшей невесткой... А вчера погасли свечи, которые были зажжены, когда старшие братья, Кеит Легконогий и Белтрэн Крылатый, покинули родной дом и отправились за дальние земли, за синие моря. Этой вести не снесла старая Альба — и от Ривад осталась одна я. И сейчас стоя над каменной гробницей с телом своей бабушки, и над пустыми пока гробницами старших братьев, я думала о том, что я жива — но род мертв.

Из женской ветви род не поднять.

Я собралась. Отогнала мысли, роем гудящие вокруг меня — темные, жалящие мысли — и потянулась к родовой силе.

Склеп рода Ривад, в незапамятные времена устроенный в подземельях под пришедшим в запустенье замком, слышал этот шепот сотни и сотни раз. И, как и раньше, ныне от него колыхнулись язычки свеч, дрогнуло пламя в ритуальных жаровнях, затрещал и вытянулся вверх дымными нитями огонь факелов, запах тлена и горящего масла вдруг сделался острым, а в углах и у основания колонн-подпорок сгустились тени. Сгустились, потянулись ко мне когтистыми тварями, свирепыми безглазыми мордами — и отделились от тьмы, породившей их. И легли, вскидывая острые морды, поводя короткими ушами, ожидая слова моего. Моей воли. Сторожа мою слабость — и не спеша никуда, зная, что я и так их законная добыча.

Приказ вырвался с выдохом, завихрениями воздуха в затхлом спокойствии склепа, встревожил складки длинного ритуального балахона.

«Найти. Вернуть.»

Теневые гончие, похожие на собак так же, как упырь походит на комара, неутомимые, верные, жуткие слуги темных магов, услышали слово и подчинились воле. Они вернут тела моих братьев домой, где бы те не находились, как бы ни были сокрыты.

Для погребального обряда достанет и небольшой кости, фаланги или плюсны — но гончие упорны и верны. Они возвратят домой столько, сколько смогут...

Из склепа я вышла только через двое суток, сотворив всё задуманное — в конце концов, я уходила из дома надолго, и если родовые земли были как следует защищены многовековыми

чарами, которым достаточно и того, что я жива и не отказалась от наследия, то о прочих семейных сокровища следовало позаботиться. Чтобы не пришлось возвращаться к разграбленной сокровищнице — если, конечно, придется возвращаться...

Дорога моя лежала из родных земель в далекий приморский город Тилбери, где стояла на утесе над морем Академия семи ветров, а сумку, перекинутую через плечо, оттягивала увесистая ноша — в конце концов, что не дозволено мародерам, на то имеет право прямая наследница и законная глава рода — пусть пока и не вступившая из соображений конспирации в оные законные права...

Глава 1

Я сидела на крыше уже второй час. Передо мной — море, синева, испещренная солнечными бликами, крики чаек, доносимый ветрами шум волн, разбивающихся о скалы. За моей спиной — вид на Тилбери, красные черепичные крыши, плавно переходящие в соломенные на окраинах, струйки дыма и, к счастью, не долетающий досюда невыводимый запах рыбы. Надо мной — бесконечно прозрачное небо.

Солнце на мгновение потухло, но тут же зажглось снова, а пролетевший над головой черный дракон, сделал круг над башнями и, громко хлопая крыльями, опустился на одну из них. Спустя мгновение его фигура замерцала и стремительно уменьшилась, принимая человеческую форму. Преподаватель повел плечами, будто вспоминал, как работает это тело, и направился к лестнице, ведущей вниз, в замок.

Академию семи ветров не зря называли Академией Крылатых. Здесь правили бал драконы. Именно они основали здесь тогда еще школу, тысячу лет назад. Вокруг нее потом вырос портовый городок, а сама школа превратилась в академию. Именно они преподавали здесь, передавая юным человеческим магам свои многовековые знания и умения. И отчасти поэтому мой выбор пал именно на это учебное заведение. Мне не было дела до драконьих знаний. Точно так же, как драконам не было дела до мелких человеческих дрызг. Впрочем, им и крупные были интересны исключительно с точки зрения «а можно ли тут пожить или повеселиться?». Вот поэтому теперь я сидела на крыше основного здания академии, презрев смотровые площадки всех семи башен, на которых вечно кто-нибудь был, и в гордом одиночестве наслаждалась неумолимо грядущим закатом и одним из семи ветров, которые дали название академии. Ветров, конечно, гораздо больше — «семь» это просто метафора. И магический символ. Сейчас, к примеру, за темные косы меня трепал бриз. Я улыбнулась, заправляя за уши выбившиеся из плетения пряжи, и подставила лицо еще пока ярким солнечным лучам. В целом, решение прийти сюда было правильным. Я рада, что додумалась до этого. Рада, что успела добраться до Тилбери до того, как закончился отбор адептов для первого витка обучения. Рада, что прошла его — да, могла и не пройти. Теперь смешно, а тогда, когда приемная комиссия попросила меня доказать, достойна ли я права обучаться в сих стенах, я ошепила.

Это я-то не достойна? Да я!.. Да мне!.. И чуть не провалилась: пытаюсь не открыть излишне много — показала слишком мало. Но все же прошла отбор, и прочно обосновалась за бурыми каменными стенами, изъеденными солеными морскими ветрами.

Люди, обитающие здесь, первое время на меня косились. Я — черноволосая, темноглазая и смуглая — была им непривычна. Мне же непривычно было пестроцветье одежды, терзало отсутствие привычного, родного и такого удобного темного балахона. Раздражали слишком свободные юбки и излишне узкие корсажи поверх блузок. Раздражал вынужденный отказ от привычных в повседневности чар и необходимость скрывать, прятать свою магию...

И даже самой себе с большим трудом я призналась, что, обводя взглядом скопление людей, и натываясь на сплошь светлые макушки разных оттенков с редким вкраплением рыжих вихров, я, забывшись, испытывала острый укол недоумения.

Но ничего, притерпелись и свыклись. Местные — с моей мрачной физиономией, я — с их численным преимуществом.

Нельзя сказать, чтобы меня здесь обижали. Правда, после третьей ночи из моей комнаты сбежала соседка — но так я разве обиделась? Вовсе нет, вздохнула с облегчением и, сдвинув их вместе, заняла обе кровати.

Отдельной приятной неожиданностью стали термы. Их устроили в подвальных залах замка драконы, большие любители погреться, еще когда обустроивали академию. Термальные источники магией вывели на вершину горы, создали каскад бассейнов разных размеров и температур, от почти кипящих, до еле теплых, от приятно прохладных до почти ледяных, разделили залы, обустроили купальни...

Нет, в академии было не так уж плохо!

Если бы не тоскливые занятия — было бы совсем хорошо.

А так...

Про темную магию мне судить трудно — я пользуюсь ей, как дышу, но моя мать, Каталина Ривад, урожденная Солер, вышла из светлого рода. Она обучала детей кое-каким трюкам, понимающе улыбаясь, когда светлая магия им категорически не давалась — и я искренне считала, что усвоила до изумления мало, но по сравнению с тем, чему меня учили — путались учить! — на занятиях, это была прорва знаний. Бездна просто.

Я была готова, что меня ткнут носом в полную несостоятельность по части Света, а они... Они учили меня общей магии!

Общей!

Взрослых людей!

Как младенцев!

От изумления, разочарования и протеста я на первом же занятии расколотила чашку, в которой следовало подогреть воду. И вторую.

Выдавая мне третью и наливая в нее воду, наставник-дракон с волосами, отливающими прозеленью, выговорил мне, что в Академию семи ветров принимают более-менее обученных студентов, и меня взяли только из-за высокого потенциала Тьмы, но долго только на нем я выезжать не смогу, и, если не хочу быть отчисленной, должна наверстать чудовищное отставание.

С трудом расцепив зубы, сведенные от абсурдности ситуации, я пообещала, что наверстаю.

Всенепрерывно. Вот как начну — и пока не закончу, не встану.

И даже сказала это вежливыми словами.

А на задворках сознания в это время мерзко хохотали дребезжащим старческим голосом.

Пр-р-редки!

Потом приноровилась и подобные казусы стали приключаться реже. В первые ученицы я не выбилась, но преподаватели хвалили меня за усердие и прилежание.

Тяжелее всего на уроках было не зевать. Но, сдастся мне, еще пара месяцев и я научусь дремать с открытыми глазами и выполнять нехитрые задачки учеников первого года, не просыпаясь.

Я вздохнула и оторвала юбку от насиженного места. Если практические самостоятельные занятия меня миновали, то теоретические работы никто не отменял, и нужно было подготовить на завтра доклад о видах стихийной магии и областях ее применения...

Основное здание было главным образом отведено под учебные аудитории, так что в его коридорах сейчас было пусто. Мне встретились только ректор с одним из пока незнакомых мне преподавателей. Я прошмыгнула мимо них серой мышкой, услышав лишь невнятные обрывки разговора, а потом за спиной раздались торопливые шаги, и дракон обогнал меня, не обратив внимания на короткий вежливый поклон в спину. Ректор направлялся к Красной башне, которую чаще всего драконы использовали в качестве взлетной площадки.

Ректора в академии любили, кажется, все. Бурные страсти юности в нем давно откипели, осталось спокойствие, мудрость, опыт и любовь к жизни. А еще — любопытство. Наш ректор был любопытен, как мальчишка. И именно это — мальчишеская искра и любовь к жизни — притягивало к нему взгляды, а вовсе не бронзовая шевелюра или высокая, широкоплечая фигура. Впрочем, неугасаемый авантюризм и жажда новых впечатлений — неискоренимая черта всех драконов.

Старая Альба терпеть их не могла. По ее мнению, это племя гораздо было что рушить тщательно выстроенные планы, что девиц портить. Девицы портились охотно, и порой без усилий со стороны крылатых — за спокойную, грозную силу, за щедрость, за тот самый мальчишеский блеск в глазах.

Я вздохнула. Наверняка, навстречу приключениям дракон и спешил, а я... а меня ждал скучнейший доклад.

Закончила я его далеко за полночь, но спать не хотелось, и, поразмыслив, я решила вознаградить себя походом в термы. Особенно прекрасным тем, что в такое время там почти наверняка не было ни души. Понезжить в горячей водичке перед сном — то, что надо. В подвалах было пусто. Теплый, тропически влажный воздух оседал на коже невесомой водяной пылью, пахло сыростью и нагретыми камнями. Короткое заклинание-импульс сообщило, что здесь и правда в этот час никого нет. Я поудобнее перехватила полотенце и двинулась к дальним дверцам, из-за которых слабо тянуло магией источника. Привычно, как щеколду, откинула замок-заклинание с легким приступом ностальгии — мы таким двери дома запирали от сквозняка — вошла внутрь, повесила полотенце на крючок и уже потянулась к шнуровке, как внутри кольнуло странное ощущение — что-то не так. Мазнув взглядом по купальне, я с изумлением уставилась на наполовину вывалившееся из нее безвольное тело, лежащее на бортике лицом вниз.

Но... я же проверяла! Здесь не было ни живых, ни, упасите темные боги, мертвых!

Стрелой метнувшись к телу, я опустилась рядом на колени, с трудом, натужно перевернула его и с изумлением уставилась на лицо ректора. Из-под полуприкрытых глаз тускло мерцала золотая радужка, но в ответ на прикосновение он даже не шелохнулся. Руки сами собой полезли щупать пульс, в то время как губы шептали заклинание диагностики.

Пульс, хоть и слабый, нашелся, а вот заклинание вернулось с неутешительными вестями.

Сильнейшее магическое истощение и продолжающаяся потеря сил. Магический источник под купальней щедро вливал их в тело дракона и только благодаря этому он был еще жив, но жирный черный паук проклятия, оплетшего ректорскую грудь выкачивал энергию быстрее, чем она прибывала, и дракон... умирал. Медленнее, чем мог бы, но неотвратно.

Драконы из-за своих способностей к гигантской трансформации куда менее зависимы от телесной оболочки. Они — магия. Маг с истощением будет испытывать дискомфорт, но его жизни это угрожать не будет, а вот дракон...

Эти мысли метались в черепной коробке, легкая паника смешивалась с обрывками теоретических знаний, порождая понимание того, что надо что-то делать и делать быстро!

...не удивительно, что мое заклинание его не обнаружило, ректор сейчас и был ни жив, ни мертв, зависнув на тонкой грани между...

Я попыталась, просто попыталась как-то дотронуться до проклятия, и тут же получила по рукам. От удара на руки онемели на несколько мгновений до самого локтя и то, отдача отпустила почти сразу только потому, что я была предельно осторожна. Нет, с этим зверем мне не справиться. Не хватит опыта.

Бежать за помощью? Я могу просто не успеть. К тому же ночь, пока разыщу хоть кого-нибудь, пока разбужу, пока разыщут и разбудят того, кто разбирается в подобных вещах... на это нет времени. Я буквально чувствовала, как оно ручейками воды убегает из сложенных горсткой пальцев.

Вот что мне нужно. Время. И выиграть его можно довольно просто. Правда, это сметет напрочь все мое инкогнито. Более однозначного способа сообщить ректору, что в его академии прячется беглая девица темного рода, пожалуй, и не придумаешь.

Я колебалась. Но недолго.

«Разделение силы» древний родовой обряд. Я использовала его много раз, щедро делясь своим резервом с братьями. Отец и бабка гоняли нас одинаково, просто по женской линии его объем всегда был больше. Зато мне не давались филигранные атакующие чары, настолько стремительные, что остановить их было невозможно...

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания, собрав силенки, спихнула ректора еще больше в воду, придерживая на поверхности только голову, облепленную длинными, ставшими от влаги почти черными волосами с рыжим отливом. Вода — великолепный проводник так сила источника будет быстрее вливаться в тело.

С губ сорвались слова древнего языка, больше похожие на кладбищенское воронье карканье, и моя собственная сила полноводной рекой хлынула в тело дракона.

Ректор выгнулся дугой, едва полностью не уйдя под воду, распахнул глаза и закашлялся, как едва не задушенный человек. Проклятие сердито заворочалось и сильнее сдавило грудную клетку, заставив дракона замереть, стиснув в кулаке мокрую насквозь рубаху.

— Адептка... Давир? — изумленно произнес он, прислушался к себе и добавил с еще большим изумлением: — Это... вы?!

Ректор вел у учеников первого года основы ментальной магии и, судя по всему, на память не жаловался. А вопрос-уточнение касался отнюдь не моей личности, а того, что я только что сделала.

— Я, — терять время на разговоры сейчас было бы глупо. — Моих сил надолго не хватит...

— Не больше получаса, — спокойно кивнул дракон. — И это если я продолжу принимать ванны.

— ...скажите, где мне найти того, кто может вам помочь? Я сейчас же...

— Нигде, — ректор провел по лицу, убирая с него волосы. — Алвиса нет в академии сегодня, а кроме него с подобным никто не справится.

— Тогда я позову кого-нибудь другого, и мы будем вливать в вас силу, пока наставник Алвис не вернется.

— Нет, — твердо произнес дракон. — Вам очень повезло, адептка Давир, что вы человек.

Запомните на будущее, что не стоит лезть помогать умирающему от незнакомого проклятья.

Если со мной попробует поделиться силой дракон, заклинание размножится.

Я смотрела на него и не верила тому, что он говорил — так спокойно и невозмутимо отметал варианты спасти собственную жизнь. Искать среди учеников того, кто может поделиться резервом, как я? Но это родовая магия, я не знала, есть ли общие заклинания подобного типа и кто в школе ими владеет. Раз ректор молчит, значит, тоже не знает...

Я думала, думала, думала, но каждая новая идея упиралась в ограничение в полчаса. Ректор молча смотрел на меня со своим неугасающим любопытством, чуть склонив голову на бок, как будто счет его жизни не шел на минуты.

И тут меня осенило.

— Вы дракон! — выдала я, просветлев лицом.

— Спасибо, я в курсе.

Я пропустила ироничное заявление мимо ушей.

Мозг лихорадочно просчитывал плюсы-минусы и перспективы. Родовой алтарь я из поместья не захватила (какая непредусмотрительность, право слово!) — это минус. Но подобный обряд в любом случае высвободит такое количество силы, что ее должно хватить на пару дней. К тому же рядом источник, пусть дикий, но достаточно мощный. Я, совершеннолетняя, глава рода, значит имею все права. Стоит ли оно того?..

Я покосилась на ректора... и выпалила:

— Я могу вам помочь. Но в обмен на защиту.

— Какую? — мягко спросил дракон, кажется, даже с умилением. Усиленная работа мысли на моем лице, очевидно, впечатления на него не произвела и всерьез он меня не воспринимал. Ну, ему же хуже.

— Вы не будете задавать вопросы. Вы не выдадите меня тем, кто будет их задавать. Поможете, если я единожды попрошу о помощи.

— Что так мало? Я бы на вашем месте настаивал на трижды как минимум.

Может, передумать, а? Пока не поздно.

— Раз вы так настаиваете, то давайте трижды! Я девственница, — твердо отчеканила я, глядя в нечеловеческие глаза. — Я могу провести жертвенный обряд.

Драконий взгляд полыхнул надеждой в золоте радужки и тут же был приглушен темными ресницами. Он, кажется, боялся меня спугнуть.

Ну, уж этого не дождется — не из пугливых вышли.

Не подымая ресниц, стараясь не ожечь меня жадным взглядом, дракон с выверенным спокойствием в голосе уточнил:

— Моя помощь нужна?

Подразумевая, очевидно, подготовку.

— Без немощных справлюсь, — отмахнулась я.

Драконий взгляд все же полыхнул, ожег мою щеку раздражением и задетой гордостью, и снова погас, прикрытый веками, как жар — золой.

Я спрятала улыбку. Злиться — это хорошо, злость ему понадобится. Здесь достаточно одной неуверенной и смущенной девицы — и уж это место я дракону не уступлю. Так что, придется ему побыть злым и решительным.

Я выпрямилась, чувствуя, как стекает по телу вода, как неприятно липнет к нему мокрая ткань. Огляделась в поиске подходящей площадки, мысленно ориентируя ритуальный рисунок по сторонам света.

Выбравшись из купальни, я порадовалась, что необходимости таиться уже нет, и высушила на себе одежду, не заботясь о том, что формула пусть и эффективна, но для первогодки слишком сложна.

Ритуальное или жертвенное, кому как нравилось называть, лишение девственности — обряд древний, драконами и изобретенный. От него и пошла во всему миру слава о драконах, как любителях непорочных девиц. Впрочем, скоро к нему стали прибегать и не только драконы. Во многих древних магических родах, например, первая брачная ночь супругов всегда проходила на алтаре. В момент соития высвобождалось такое количество силы, что ее можно было черпать горстями и по кувшинам разливать, а капли девственной крови, пролившись на родовую землю, усиливали ее защиту...

Я вздохнула, а потом по-простецки послонявила палец, встряхнула им в воздухе, и зажегшимся на кончике мертвенно голубым огоньком принялась вычерчивать нужный рисунок, от души добавляя в стандартную конструкцию символы, знакомые по родовому алтарному камню. Пусть моя кровь прольется и не там, где полагается, и не с тем, но хоть что-то все же должно быть по правилам.

Чем ближе был к завершению рисунок, тем большая робость на меня накатывала. Потому что собственно рисунком и общими представлениями о человеческой (и немножко драконьей) физиологии мои знания и ограничивались! Но про драконов я больше знала, как их разделять, и по каким декоктам расфасовывать...

Пока я занималась художественным творчеством, ректор тоже времени не терял. Когда я обернулась сообщить, что все готово, то обнаружила его пусть по-прежнему в воде, но стоящим и... полностью обнаженным.

— Все готово, — произнесла я, с трудом разлепив пересохшие губы и стараясь смотреть дракону в глаза.

Но взгляд не слушался и сам собой стекал за каплями воды с темной копны волос, по бронзовой коже, по литым мышцам груди, по рельефному животу, по тонкой дорожке жестких кучерявых волос... что ж, пожалуй, драконья физиология отличается от человеческой в этом вопросе разве что размерами!

Ректор сделал шаг вперед, и мой взгляд тут же панически снова метнулся вверх, куда и намеревался вообще-то изначально смотреть!

— Раздевайтесь, — спокойно скомандовал дракон, выбираясь из воды.

— А задранных юбок будет недостаточно? — с тоской уточнила я.

— Недостаточно.

— Мне кажется, вы издеваетесь... — я, неуверенно взялась за кончик шнурка на вороте блузки, не спеша его развязывать.

— Я издеваюсь, вы — раздеваетесь, все при деле! — выдохнул ректор, подходя вплотную. К пересохшим губам добавились пылающие щеки. Все же в термах очень душно...

Я все еще колебалась, когда поверх моей руки легла широкая шершавая ладонь, чуть сжала, заставляя стиснуть пальцы, и потянула. Другая, тем временем ненавязчиво распутала пояс юбки, я почувствовала только как тяжелая ткань стремительно соскальзывает с моих бедер, обнажая ноги, и невольно переступила ими.

Блузка, державшаяся на честном слове, поползла с плеч, задержавшись немного лишь на холмиках груди, но сорвалась и с нее, когда я нервно, прерывисто выдохнула. Драконий взгляд тек по коже расплавленным золотом, он обжигал, заставляя сердце биться все чаще. Чаще дышать, острее чувствовать.

Обострившимся восприятием я ощутила и этот взгляд, и движение влажного воздуха в купальнях. Тихое журчание воды, дрожание бликов света на стенах и потолке, особый запах горячих источников и сырых подземелий — все сплелось в неповторимую картину, впечаталось в мое сознание первой нотой приближающегося обряда...

— Вы очень красивы, — со всей серьезностью заявил мне ректор, не торопясь прикасаться.

— С-спасибо, — запнувшись отозвалась я. Вот уж время и место для комплиментов!

Но прежде, чем я успела нервно поторопиться, дракон опустил передо мной на колени, поднял руку и коснулся моего живота. Прикосновение кольнуло неожиданным холодом, я вздрогнула и с трудом удержала порыв отстраниться.

— Что это? — спросила я, глядя как дракон вычерчивает по моей коже цепочку символов. Те колотятся и оставляют после себя медленно тающий голубоватый след.

— Это? Ну, я полагаю беременность в ваши планы все же пока не входит.

— Не входит, — подтвердила я, чувствуя нарастающую неловкость.

Дракон кивнул и продолжил свое дело. А завершив последний символ, окинул мой подрагивающий живот оценивающим взглядом, и неожиданно подавшись вперед, прижался к нему губами! Цепочка горячих поцелуев по еще помнящей холод коже породила какое-то странное тянуще-зовущее чувство, я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и прерывисто выпалила первое, что пришло в голову:

— Это тоже от беременности?

Дракон поцеловал пупок, заставив все внутри томительно сжаться, и вскинул на меня лихорадочно блестящие глаза.

— Это — как правило для. Не нравится?

— Нравится, — честно призналась я, но потом поспешила сдать назад, а то подумает еще что не то! — Наверное...

— Давайте уточним, — невозмутимо кивнул дракон и снова прижался губами к моей коже.

Две тяжелые ладони легли на мои бедра, огладили, чуть сжали, пока губы продолжали выцеловывать мой живот. Напряжение, прочно сковавшее все тело, постепенно отпускало. Мне действительно нравились осторожные, ласкающие поцелуи, от каждого из которого по телу разбегался ворох мурашек. И, словно почувствовав это, дракон принялся медленно, но неотвратимо подниматься вверх.

Когда губы сомкнулись вокруг сжавшегося в горошину соска, я тихо всхлипнула от новых незнакомых ощущений и сама удивилась тому звуку, который у меня вырвался. И другая грудь словно заныла... тоже требуя прикосновения?

Оно не замедлило последовать. Широкая ладонь накрыла нежное полушарие, чуть сжала, выпустила, погладила. И я испытала легкий укол разочарования, когда дракон выпустил сосок изо рта и поднялся еще выше. Горячее дыхание щекотнуло шею, а потом по ней прошелся язык... длинный и шершавый!

Я тихо ойкнула, но вместо того, чтобы отшатнуться, вцепилась в маячащие перед носом плечи. Плечи на ощупь оказались горячими, гладкими и приятно твердыми, а сам ректор стал занимать неожиданно много места в пространстве, заслонив собой весь окружающий мир. Он вдохнул, шумно выдохнул, опалив кожу там, где коснулся ее жарким дыханием, чуть отстранился, заставляя меня вскинуть голову. Золотой взгляд изучающе пробежал по моему лицу, и я закрыла глаза, не в силах его выдерживать.

Что случится дальше, я знала.

И все равно, когда губы дракона коснулись моих, я на миг сжалась, одеревенела всем телом, где-то на задворках сознания все еще не готовая к тому, что происходит сейчас, происходит со мной. Но поцелуй оказался таким осторожным, таким нежным, таким... едва ощутимым, что через несколько мгновений я поймала себя на том, что уже сама тянусь за ним, размыкаю губы, подаюсь вперед, прижимаюсь грудью, животом к могучему телу и чувствую, как в меня упирается горячий твердый ствол. И от этого ощущения мне было одновременно страшно и томительно, и приятно дергало внизу живота.

Ладонь дракона, протиснувшись между нашими телами, легла на лобок, мягко и сладко сжала его, огладила и снова сжала. У меня снова перехватило дыхание, сердце бахнуло в грудную клетку и суматошно заколотилось в рваном, пьяном ритме. А драконья рука двинулась чуть ниже и дальше, невесомо касаясь набухших складок, раздвигая их, дразняще проникая внутрь на какие-то миллиметры. Все тело пронзило молнией остро, никогда доселе не испытываемого удовольствия, когда пальцы дракона, покидая мое лоно, задели скрытую в складках, невероятно чувствительную точку.

— Вы готовы? — поинтересовался низкий, с хрипотцой голос, и чужие пальцы снова мазнули по промежности, заставив судорожно стиснуть ноги. Не в испуге, нет, а чтобы удержать, продлить прикосновение.

Я была готова ровно до того момента, как меня об этом спросили, но все же нашла в себе силы, прикусив губу, кивнуть.

Но вопреки стремительно нарисовавшимся в голове страшным картинам, ректор не выдохнул облегченно и не швырнул меня на пол, чтобы скорее получить причитающееся. Наоборот, он снова припал к моим губам, едва давая возможность вдохнуть, а руки скользили по телу, зарывались в волосы, сжимали, гладили ягодицы...

...и я даже не заметила, как он увлек меня в центр рисунка, заставляя опуститься вместе с ним на холодный пол.

Опомнилась я только тогда, когда вдруг осознала себя сидящей на крепких мужских бедрах, а ректор, вдоволь приласкав налившуюся, напряженную грудь, откинулся назад и лег на голубые линии и знаки, головой ровно в символ жизненной силы. Лежащие на моих бедрах ладони расслабились и опустились на гладкие камни пола, а тело подо мной замерло в неожиданном покое, не принимая участия в дальнейших действиях, и в душе разыграл оскорбленный протест: — Вы что, хотите, чтобы я сама себя девственности лишала?!

Он даже глаза прикрыл! Еще захрапел бы!

Впрочем, прикрытые глаза тут же распахнулись.

— Адептка... — дракон осекся, вздохнул. — Тереса, правильно?

Я кивнула, с неприятно ощущая, как от неожиданно холодного после горячих объятий воздуха купальни кожа покрывается пупырышками. Расслабленная нега стремительно улетучивалась.

— Тереса, для подобных обрядов всегда нужен алтарь. Всегда.

— Но...

— Но на мое счастье, дракон ничем не хуже алтаря, но только в том случае, если хорошенько им прикинется. То есть будет лежать и не дышать. Так что, боюсь, что для моего спасения от вас потребуется еще одно решительное усилие.

«Темные боги, ну кто меня вообще за язык тянул?» — с тоской подумала я. «Раздвинула ноги, закрыла глаза, раз-два и готово!». Что-то в этом плане определенно пошло не так...

Я нервно поерзала на мужских бедрах, метнув в дракона недовольный взгляд и медленно, почти мучительно перевела его на ту часть тела, которой предстояло оказаться внутри меня. Мужской член, возвышающийся передо мной, прямо между моих разведенных ног сейчас показался просто огромным.

Ох, Тьма...

Я неуверенно коснулась напряженного ствола рукой. Погладила. Кожа на нем оказалась удивительно нежной и бархатистой, приятной на ощупь. На выступающей головке блестела влага, кончиками пальцев я дотронулась до нее и провела вниз, интуитивно размазывая ее по всей длине. Дракон шумно, прерывисто, хрипло вздохнул, и я метнула в него обеспокоенный взгляд — мы же совсем забыли про время! Он не помирает ли там, часом, пока я тут вожусь?! Ректор лежал, запрокинув голову, из-под прикрытых глаз сверкала ярким золотом радужка, побледневшее лицо блестело от пота, напряженные мышцы сжатых в кулаки рук вздулись. Кажется, ему и впрямь поплохело!

Эх, потерпите еще немножко, я сейчас...

Я снова обхватила горячую плоть вспотевшей от волнения ладонью. Провела вверх-вниз, примеряясь. Горячий какой. Интересно, он всегда такой горячий или это потому что ректор — дракон? Или, может быть, у него жар?

Мужчина издал сдавленный стон, приподнял бедра, вместе со мной на них, и я машинально сжала «добычу» в руках чуть сильнее.

— О боги... Тереса, я, конечно, все понимаю, но вы не могли бы поторопиться?!

Я досадливо прикусила губу. Поторопиться! Можно подумать, он тут помрет от моего промедления!

Ой...

Ладно. И правда, чего тянуть?

Я приподнялась, неуверенно направила блестящую головку себе между ног, мазнув по влажным складкам, задев чувствительную точку, прикосновения к которой буквально минуту назад порождали такие удивительные ощущения. От воспоминаний низ живота скрутило болезненно-сладкой судорогой, отступившее было желание возвращалось, сердце снова забилось быстрее. Руки дрожали все ощутимее. Я чуть опустила, надавливая своим весом на твердую мужскую плоть, и почувствовала, как тугие мышцы медленно раздвигаются под горячим давлением.

Темные боги, страшно-то как!

Я выпустила член, оперлась уже обеими руками по обе стороны от мужской груди, зажмурилась и одним решительным движением опустила вниз.

Сорвавшийся с моих губ вскрик потонул в громком стоне дракона. От резкой боли, к которой я пусть и была готова, на глаза навернулись слезы, но мне тут же стало не до нее.

Горячие длинные пальцы, до этого безвольно лежавшие на камнях, впились в мои бедра, скользнули по ним, сжали ягодицы, удерживая на месте. Да я и сама бы не пошевелилась, ошеломленная множеством наслаивающихся друг на друга ощущений.

Вокруг стремительно разворачивалась воронка силы.

Сила стекалась отовсюду. Из малейших закоулков пространства и фона. Из источника, из камней. Буквально из воздуха! Ее холодные ручейки с пенистым шипением вливались в общий расширяющийся поток, а тот закручивался головокружительной спиралью. Мне никогда в жизни не доводилось видеть такого количества силы, стянутого в одном месте в столь короткий срок, а я, между прочим, воспитанница старой Альбы!

И в центре этого потока была я. Мы.

Прав был ректор. Дракон ничем не хуже алтаря.

Где-то на грани восприятия кольнул теплом странный образ-ощущение, будто тоненькая струйка крови, скользнув по телам, впиталась в камни, как вода в губку, и будто пол под нами от этого нагрелся и дрогнул, но этот образ был тут же смыт новым.

Сила, уже моя сила, которую я выкачала почти до дна, щедро делясь ей с драконом еще в воде, разворачивалась теперь огромными крыльями, будто я и сама была драконицей. Только вот ее средоточие ощущалось не в груди, как обычно, а внизу. Там, где моя плоть сжималась вокруг чужой.

Я внезапно осознала, что боль уже утихла, смылась новизной ощущений, и теперь сосредоточенно пыталась понять, нравится мне или нет это ощущение растянутости и наполненности. Я уставилась вниз, на живот дракона, расчерченный квадратиками напряженных мышц, на тонкую дорожку курчавых волос, тянущуюся от пупка. Туда, где тело дракона сливалось с моим. От этого зрелища в животе снова дернуло, и я вздрогнула, ощутив, как в ответ на этот спазм внутри шевельнулся горячий ствол.

— Адептка, на что вы смотрите?! — выдернул меня в реальность голос ректора.

— На силу... — брякнула я. Не признаваться же!

— Нашли время!

— А когда бы еще?! Лишение девственности один раз бывает! У девственниц, — уточнила я справедливости ради. — У драконов, конечно, чаще...

Ректор поперхнулся, кашлянул и тут же строго отчитал:

— Адептка Давир, прекратите меня смешить. Во-первых, мне неудобно сейчас смеяться, а во-вторых, просто — никогда не смешите мужчину во время занятий любовью.

Поток полностью влился в тело дракона, и хоть все вокруг звенело от бушевавших только что сил, я очень ясно поняла — обряд завершился. С этим пониманием, пришло и другое, и запоздалое смущение, и острая неловкость.

— Ну... я тогда пойду? — растерянно пробормотала я и даже попробовала приподняться.

— Куда?! — ректор рыкнул так, что под потолком охнуло эхо и дрогнули огоньки светильников, а пальцы на моих бедрах сжались сильнее, удерживая на месте.

Ответить очевидное «обратно в общежитие» я не успела. Впрочем, есть подозрения, что вопрос был риторическим...

Дракон рывком сел, и я охнула и зажмурилась, ощутив движение внутри. И болезненным или неприятным оно не было, скорее даже наоборот, захотелось приподняться и опуститься снова, чтобы снова ощутить, как твердая горячая плоть раздвигает сладко сжавшиеся мышцы.

Я распахнула глаза и оказалась нос к носу с драконом. Глаза в глаза. Золотая радужка, переплавляющаяся в темно-янтарный цвет ближе к вытянутому, подрагивающему зрачку. И чем дольше я смотрела в эти глаза, тем четче видела в них собственное отражение. Сияющие глаза, губы-вишни, едва заметный румянец на смуглых щеках, растрепавшиеся волосы, рассыпавшиеся крупными кольцами по обнаженным плечам. Никогда еще это отражение не было таким... красивым. Ярким. Излучавшим ярость, отвагу... страсть. И мир на какое-то время замер, сузившись до моего отражения в драконьих глазах.

А потом ректор шевельнул бедрами, и я, застонав от жгучего желания получить больше, не таясь, подалась вперед навстречу поцелую. Это было так сладко, что кружилась голова. И я пьянела от вседозволенности, от того, как живо отозвалось на мой поцелуй могучее тело, от того, как оно приняло, подхватило мои неуверенные, неумелые движения, помогая, направляя, придерживая. Я терлась грудью о драконью грудь, как кошка, зарылась пальцами в копну бронзовых волос, и целовала, исступленно целовала жесткие мужские губы. Мир перевернулся как-то незаметно. Только что я сидела верхом на драконе, а теперь уже лежу на спине, но не на камнях, а на какой-то мягкой воздушной подушке, как на перине, а ректор, нависнув надо мной огромной тенью движется теперь сам, глубоко, резко, полностью покидая мое лоно и снова врываясь в него. А я хрипло стонала пересохшим, нахватавшимся воздуха горлом.

Ладони сами собой скользнули по рукам, опирающимся по обе стороны от меня, с упоением погладили, обрисовали напряженные мышцы, и я с изумлением почувствовала, как под моими пальцами на гладкой горячей коже вдруг проступают шершавые чешуйки.

Впрочем, это зацепило мое внимание лишь на мгновение, и оно вновь было полностью поглощено разгорающимся внутри жаром. Каждый толчок в глубине моего тела усиливал напряжение, и я все отчаяннее подавалась навстречу дракону, чувствуя приближение чего-то совершенно нового, за гранью всего, что мне доводилось испытывать раньше.

Ощущения нарастали океаническим приливом, стремительной волной, неотвратимо несущейся к скалистому берегу, затапливали, заставляя кровь грохотать в голове, заставляя меня со всхлипами втягивать воздух пересохшим ртом, гигантская неукротимая волна приближалась, и ударила в прибрежные скалы, взорвавшись белыми брызгами, и откатилась, оставив меня, оглошшую, ослепшую, висеть в немом небытии.

Здесь, в первозданной тьме и тиши, струились потоки питающих магию сил, и один из них был точно моим. Сейчас он разворачивался в полную мощь, из стремительного, но капризного горного ручья становясь полноводной рекой, спокойной, глубокой, темной — ни берега, ни дна. А другой был ректорским, и казался сейчас изрядно потрепанным, тут и там в нем виднелись мерцающие заплатки, медленно растворяющиеся в основном течении — отголоски проведенного обряда. А еще в нем тонули, распадаясь, растворяясь черными кляксами — остатки проклятия, которому столкновение с моей силой и проведенным обрядом явно не пошло на пользу. Злые чары не выдержали напора, который их просто-напросто выжег. И кляксы эти знакомые, темные невероятно злили, а потому мысленно ухватив след распадающегося заклинания, я потянулась к своему все пребывающему потоку и от души зачерпнула силы. Формула развоплощения возникла словно сама собой, заклинание сплелось легко и просто, так же легко свернулось в компактный клубок, уютно улеглось в ладонь. Ну, размахнись рука, раззудись, плечо, подумала я в лучших традициях былинных героев, да и отправила заклинание от всех щедрот своей темной души по отчетливо виднеющемуся следу. А нечего чужих драконов проклинать!

— Адептка Давир, что вы делаете? Все в порядке? — словно сквозь вату донесся до меня голос ректора.

— Делюсь силой, — невозмутимо отозвалась я. — Они же ее так хотели. Нехорошо оставлять страждущих без ответа.

Вокруг меня медленно и неохотно проявлялся реальный мир, заслоня собой безбрежные океаны магической энергии.

Первой проступила передо мной фигура ректора, все так же нависшего надо мной массивной тенью. Он тяжело дышал, на лбу блестел пот, а чешуйчатый рисунок, проступивший немного даже на скулах, медленно таял, оставляя после себя чистую ровную кожу. Я машинально коснулась широкой груди, провела по ней кончиками пальцев, будто пыталась поймать, удержать исчезающие чешуйки, попыталась подцепить одну ногтем, но тут же опомнилась и отдернула руку, прижала к груди и вообще захотела куда-нибудь стремительно провалиться. Но провалиться я при всех своих выдающихся способностях не могла. Зато могла скатиться с воздушной перины и юркой мышкой метнуться к валяющейся на полу одежде. Нырнув в ворот блузки, я уже почувствовала себя увереннее и смогла повернуться к ректору.

— Как вы себя чувствуете? — чинно осведомилась я голосом опытной сиделки.

— Превосходно благодарю, — столь же чинно отозвался обнаженный дракон, поднимаясь на ноги. И, несмотря на полученное только что удовольствие (или благодаря ему?) у меня внутри

все томительно заняло при взгляде на то, как движется сильное красивое тело, ничуть в отличие от меня, своей наготы не смущающееся. — А вы?

Я прислушалась к себе и честно ответила:

— Вы знаете... странно.

— Ничего, — понимающе отозвался дракон, небрежным движением раскрытой ладони стирая мои напольные художества, даже как будто собирая их в ладонь. Страхнул невидимый комок, и успокоил меня: — Перенасыщение. Это пройдет. Вот что, адептка Давир, вы бы шли скорее спать, хватит с вас на сегодня переживаний. Утром встанете, сила уже успокоится.

Я кивнула и, стараясь больше на дракона не смотреть, потянулась за юбками. И то верно, что-то я сегодня распереживалась...

Мы оба одевались молча, лишь под тихий плеск воды и гулкой — случайных капель. С завязками мне пришлось повозиться — руки подрагивали, пальцы путались. Но в конце концов одежда была побеждена, и я украдкой бросила взгляд на дракона, который закончил быстрее, но не торопился уходить, замер у края купальни, глядя на воду, будто гадалка в хрустальный шар. Не решившись отрывать его от дум, я не стала прощаться и тихонько направилась к выходу, но низкий голос меня остановил.

— Адептка Давир, вы позволите задать один вопрос?

В голове стремительно промелькнуло множество вариантов того, что ректору могло от меня понадобиться, и ни на один из них я отвечать прямо сейчас была не готова, но я все же кивнула, глядя на дракона настороженно. Водные отсветы плясали на его все еще немного бледном лице, придавая вид загадочный и немножко пугающий.

— Что вы здесь делали?

Я недоуменно сморгнула.

— Искупаться пришла.

— В закрытые от учащихся термы?

— А они были закрыты?.. — удивилась я и тут же ойкнула.

Ректор ничего на это не сказал, только ухмыльнулся.

— Идите, адептка, отдыхайте. И зайдите, пожалуйста, ко мне завтра после занятий.

И я послушно пошла.

Глава 2

На удивление я заснула быстро. Сказалась, наверное, усталость после проведенного обряда да и — от этой мысли к щекам прилиwała кровь — физических упражнений. И, едва моя голова коснулась подушки, я почти сразу погрузилась в яркий, красочный, удивительно живой сон. Мне снилась Академия.

Высокие башни и красные черепичные крыши с позолоченными флюгерами. Древние стены, бурые, изъеденные ветром и солеными брызгами. Темные коридоры и светлые анфилады. Жилые комнаты и просторные аудитории, пропитанные магией. Мощные защитные чары, вплетенные в стены, в пол, в Их присутствие никогда не ощущалось, но сейчас, во сне, я видела их рисунок так четко, будто сама создавала — там истончились, надо подновить, а здесь поправлены недавно, вон как сияют...

А взгляд скользил дальше, будто я окидывала хозяйским взором владения.

Гранитное снование, плавно переходящее в скалу, в самом сердце которой бил, пульсировал мощнейший природный источник. Хитрецы-драконы провели к нему тонкие каналы из нескольких подвальных терм и принимая ванны еще и восполняли резерв. Именно те купальни, в которые вел источник и были закрыты для адептов.

Утесом земли Академии не ограничивались, ей принадлежали и пригревшийся под боком Тилбери, и каменистые пастбища, и гранитный пляж, уходящий тонкой полоской на север. Вся земля здесь дышала магией, древней и вечной.

Сон приблизил меня к самому источнику, от света которого слепило глаза, а от концентрации силы кружило голову. Я протянула руку, коснулась теплого, дышащего сгустка энергии...

И проснулась.

В комнате было темно. Густо-синее небо за окном едва-едва наметило светлую полосу на горизонте, и я торопливо соскочила с кровати и принялась одеваться. Сегодня у меня было важное дело. Шестой день шестого месяца — родовой день памяти, день Мертвых. В идеале я должна была бы встретить его в семейном склепе, но, за недоступностью оно, подойдет и обычное кладбище. Предки поймут. И простят.

Я вышла за ворота школы, держа подмышкой свернутый кулек необходимых принадлежностей, и, ежась от зябкого тумана, набежавшего с моря, зашагала по узкой дороге в сторону Тилбери. А потом, не доходя до города, свернула направо, шагнув на едва заметную, поросшую папоротником тропку.

Кладбище крепко спало. Его никогда не тревожили ни злые духи, ни беспокойные восставшие, ни озлобленные потревоженные. Я провела кончиками пальцев по ближайшему изъеденному ветром надгробию и камень под моими пальцами будто потеплел. Хорошее место. Подходящее. Убедившись лишней раз, что меня окружают лишь мертвые, я скинула с себя одежду и прямо на голое тело надела черное ритуальное одеяние, ощутив небывалую легкость и свободу. Глубокий капюшон скрыл черные кудри и половину лица. Взяла в руки длинную свечу. Фитиль вспыхнул маленьким, неестественно ровным и зеленым огоньком, и я побрела по периметру кладбища, осторожно ступая босыми ногами по мокрой холодной траве.

Первой пришла Старая Альба.

Тени за моей спиной беззвучно пришли в движение, соткав из воздуха высокую, не согбенную ни временем, ни потерями фигуру. Я ощутила, как мое плечо сжали сухие узловатые пальцы, улыбнулась и продолжила ход.

Белтрэн и Кейт. Маленький Макарио. Мать. Отец...

Все новые и новые тени сгущались позади и мой одинокий ход превращался в торжественное многоликое шествие. Над могильными плитами завыл не выходящий за пределы кладбища ветер и в этом вое, если прислушаться, можно было различить сотни голосов, обрывки разговоров. Приветствия, объятия, гулкий потусторонний смех. Мои губы снова тронула улыбка, но лежащие на плече пальцы тут же сжались, впиваясь в кожу костлявыми фалангами. «Пустое то». Ветер скрипуче закачал старый разошедшийся клен. «Делом займись».

С огромным трудом я оторвала мысленный взор от сияющих даже сквозь тени глаз Каталины Светлой, и глубоко вздохнув, не останавливая шаг, закрыла глаза и скользнула сознанием по тонкой темной паутине, сплетенной под землей миллионами отошедших за Г рань душ.

В родовом поместье царил порядок. Погруженные в долгий, но чуткий сон стены поведали, что нога чужака в них не ступала. А вот граница...

Граница чернела подпалинами, оборванными кое-где нитями заклиний. Некто отчаянно бился в накрепко запертые ворота, но обломал зубы и ушел ни с чем. Я зло сжала челюсти и занялась восстановлением порушенного, с удивлением чувствуя, что от щедрот проведенного в купальнях обряда мне перепало знатно. Сила едва не рвалась с кончиков пальцев стремясь скорее вырваться из тесной оболочки.

Кто пытался проникнуть на земли рода Ривад, мне выяснить не удалось. Но я, пользуясь негаданным драконьим подарком, щедро добавила несколько новых узоров в причудливых витках заклиний, чтобы в следующий раз, он уже не ушел так просто.

И вернулась обратно, скользнув по тонким нитям за тысячи миль — нужно было завершать ритуал.

Когда я вернулась, горизонт уже зарозовел, и туман отползал, боязливо поджимая свои полупрозрачные щупальца. Времени оставалось мало, и я затянула прощальную песню, под звуки которой под землей заворочались старые кости тех, кто никогда не знал темных магов из рода Ривад, но сейчас готов был вечно им служить — только попроси.

Я не видела, но чувствовала, как фигуры за моей спиной начали таять, растворяться в предзакатных сумерках, с невнятным шепотом, тающим в высокой траве. Медленно, одна за другой. Костлявые пальцы снова сжали плечо. Напоследок.

«До встречи, Тереса Ривад, нареченная родом Темною...».

Я дунула, гася огонь свечи, и в то же мгновение над горизонтом показался краешек солнца. За моей спиной никого не было, только трава была вытоптана так, будто по ней прошли десятки людей, а не одна босоногая адептка Академии семи ветров.

Переодевалась обратно я в состоянии крайней задумчивости.

Темная, надо же. Себя я мысленно называла Последней — а как еще, если так оно и есть? Но бабка решила по-своему, как всегда. Быть Темной в темном роду — величайшая честь, заслужить которую я еще точно никаким образом не успела, а значит, имя это мне дали не за заслуги.

Это вера. Старая Альба верила в меня...

Когда я прошмыгнула в тяжелые ворота академии замок уже просыпался. На мое счастье, на сверток в моих руках никто не обратил особого внимания.

...а слезы по дороге высушил ветер.

Сегодня я была даже рада тому, что занятия так медленно и скучно тянутся. Перспектива отправляться после них в ректорский кабинет одновременно пугала, смущала и зарождала затаенное любопытство. Я знала, что ректор Эйнар будет задавать вопросы, даже подозревала, какие. Продумывала ответы. Крутила их так-сяк, периодически склоняясь к непродуктивному, но проверенному партизанами методу «молчать как рыба об лед». А что? Он мне защиту обещал? Обещал! А я ничего рассказывать не обещала. И вообще...

Дальше мысли скатывались почему-то в воспоминания о проведенном обряде, выдергивать их оттуда приходилось с усилием, и вновь возвращать на круги своя.

Так что к ректорскому кабинету в четыре часа пополудни я подошла в более чем растрепанных чувствах, так и не определившись с моделью поведения и мужественно решив действовать по обстоятельствам.

К моему удивлению и некоторому облегчению, ректор оказался в кабинете не один. Одно из стоящих напротив широкого стола кресел занимал смуглый, темноволосый и черноглазый наставник Алвис, черный дракон. Он вел только старшие витки, начиная с четвертого, и специализировался весьма символично на темной магии.

— Присаживайтесь, адептка Давир, — спокойным доброжелательным тоном предложил ректор, указывая на второе кресло.

Я молча подчинилась и села, смиренно опустив ресницы и сложив руки на коленях — ученица первого витка обучения, робкая, примерная, целиком и полностью приличная, если не сказать невзрачная. И вообще давайте мы меня отпустим и вспомним о случившемся, только когда мне действительно понадобится драконья помощь? Может, еще и обойдется и вспоминать не будет нужды...

— Я хотел бы выразить вам огромную благодарность за спасение моей жизни, — торжественно и серьезно произнес дракон.

Я знала, чувствовала, что он на меня смотрит, но сама глаз поднять не могла. Это пристальное внимание смущало, заставляло сердце биться чаще. Кровь прилиwała к щекам, а пальцы наоборот — холодели. В голову начинала закрадываться мысль, что уж лучше бы он взял меня вчера, не заботясь об удовольствии! Потому что смотреть на ректора и не думать о том, как сильное красивое тело прижималось к моему, как руки ласкали грудь, как губы целовали, как язык... ох, Тьма!..

— Преподавательский состав в моем лице к этой благодарности присоединяется, — кивнул наставник Алвис, обрывая мучительно сладкие воспоминания. — Вы совершили очень благородный поступок, адептка Давир.

«Ну вот и весь преподавательский состав в курсе...» — тоскливо подумалось мне. Но прежде, чем я успела додумать до конца эту мысль, ректор Эйнар поспешил ее подкорректировать.

— Я был вынужден сообщить детали наставнику Алвису, как вы понимаете, для того, чтобы разобраться в произошедшем. Но остальные драконы знают только то, что была попытка меня убить. Поскольку неизвестно, кто и зачем пытался причинить мне вред, я обязан предупредить преподавателей, чтобы они были осторожнее.

Драконы и осторожность! Ха! Очень смешно.

Но тут не поспоришь, склонность к Тьме или Свету у драконов редкость, они больше стихийники, и привлечь к выяснению ситуации специалиста ректор действительно был вынужден. Впрочем, этому дракону я по умолчанию доверяла. Темный темного без поддержки не оставит.

— Наставник Алвис хотел бы задать вам несколько вопросов о случившемся, если вы позволите. А потом мы обсудим ваше вознаграждение.

Я кивнула, все так же не поднимая глаз. Право слово, за такое смирение с моей стороны Старая Альба многое бы отдала!

Вляпалась ты, Тереса, в чужие проблемы по уши! Можно подумать, тебе своих было мало?

— Я так понимаю, спрашивать у вас, откуда такие обширные познания в сразу нескольких разноплановых областях магических знаний, смысла не имеет? — дружелюбно и доброжелательно поинтересовался черный дракон.

— А это может помочь в расследовании? — осторожно уточнила я на всякий случай.

— Нет, — с сожалением признал наставник. — Но интересно!

— Меня обучали магии с детства. Так устроит?

— Допустим. Вы разглядели проклятие? Могли бы его описать?

Я все же перевела взгляд на ректора и, встретившись им с янтарными глазами, почувствовала, как сердце пропустило удар.

— Дайте, пожалуйста, бумагу. И карандаш.

Образ лоснящейся черной твари, сдавившей драконьи ребра, жирной и неповоротливой из-за огромного количества выжранной силы, намертво отпечатался в памяти. Его-то я и набросала на бумаге, тщательно уделяя внимание деталям.

Окинула рисунок критическим взглядом, потеряла нахмуренный лоб кончиком карандаша, добавила еще несколько штрихов и протянула лист наставнику.

— Исчерпывающе, — уважительно присвистнул он.

— Я пробовала подрезать нити, чтобы отсечь заклинание от... от источника, который его питал. Хотя бы частично. Но там стояла защита. Я с такой незнакома.

— Я подозреваю, что справиться с ней мог бы только опытный малефик, поэтому вам не в чем себя винить, адептка Давир. Вы мне очень помогли.

— Вы знаете, кто наслал проклятие? — с надеждой уточнила я.

— Пока нет. Но заклинания подобного уровня всегда содержат почерк создателя. Я сравню ваше изображение с исходной формулой, вычислю этот почерк, и нам останется только выяснить, кому он принадлежит.

Звучит легко и просто...

— Ректор Эйнар упомянул, что вы что-то сделали уже после того, как проклятие распалось.

— Отправила по следу формулу Развоплощения, — нехотя призналась я в мелкой мстительности. Я прекрасно понимала теперь, да и тогда, наверное, что никакого серьезного вреда она создателю чар подобного уровня не причинит, но удержаться было просто выше моих сил!

Черный дракон хохотнул, запрокинув голову, оценив жест сполна.

— Тайфун мне в спину, адептка Давир, куда вы, говорите, планируете идти после третьего витка?..

— Алвис, — ректор строго одернул подчиненного, и тот тут же вновь принял серьезный вид.

— Вопросов больше не имею, — он аккуратно сложил мой рисунок и сунул в карман камзола.

— Почему оно рассеялось? — не утерпела я и выпалила собственный вопрос, который мучал со вчерашнего дня.

— Не выдержало силы двойного ритуала, — отозвался черный дракон, почему-то улыбаясь.

— Двойного? — я нахмурилась. — Какого двойного?

— Первый — более крупный, всплеск силы, — ответил вместо наставника Алвиса почему-то ректор, — случился, когда была принесена жертва. А второй... мы же не покинули пределы магического рисунка, так что когда...

Он замолчал, и я почувствовала, как щекам стало горячо-горячо. Оба дракона старательно прятали глаза и улыбки, пытаясь удержать вид серьезный и бесстрастный, а у меня возникло совершенно детское и неуместное желание кинуть в обоих чем-нибудь темномагическим.

На границе реального и потустороннего неодобрительно молчали.

— Ну, я пойду, — черный дракон легко подскочил с кресла. Он вообще двигался стремительно и в комплекции бронзовому явно уступал. — Всего доброго, адептка Давир, да пребудет с вами Тьма!

Росчерк черного плаща, так похожего на взмах крыльев и удаляющиеся шаги уже за дверью.

В кабинете повисла мрачная тишина. Вот и надейся на темных, взял и кинул...

Я уставилась на носки собственных туфель, выглядывающие из-под ярко-синей юбки.

— Ну же, посмотрите на меня, Тереса, — дракон неожиданно назвал меня по имени, и я удивилась, как сочно, звучно прокатилось оно по его языку. — Я не кусаюсь. Извините, что так неловко вышло с вашим вопросом, но вы сами его задали.

— Могли бы не отвечать! — вскинулась я, и мой взгляд наконец встретился с расплавленным золотом глаз дракона.

— Вы бы решили, что мы скрываем от вас что-то страшное.

— Тогда не ухмыляться!

— Я вовсе не...

— Вовсе да!

— Ладно, приношу вам свои самые искренние извинения, — мирно отозвался дракон... ухмыляясь еще шире. Но так доброжелательно, что я почувствовала, как на лицо лезет ответная непрощенная улыбка, а потому шумно выдохнула и насупилась, удерживая неприступный вид. — Как вы себя чувствуете?

— Неловко, — прямо глядя дракону в глаза признала я.

Я никогда раньше не обращала особенного внимания на ректора, а вчера было как-то не до разглядываний, и теперь единожды вскинув голову, я ее уже не опускала, с затаенным интересом рассматривая своего первого мужчину. Бронзовые волосы — густые и мягкие — сегодня собраны в хвост. Расшитый серебром камзол украшает широкие плечи. Белая рубашка контрастирует с загорелой кожей, делая ее еще смуглее. Внимательный взгляд, жесткая линия подбородка. И никакой вам чешуи.

— Хотите, мы поговорим в другой день?

— Нет уж, давайте сейчас! Я готовилась! — от одной мысли, что мучиться ожиданиями Большого Разговора, придется дни и недели, меня передернуло.

— Разговаривать готовились? — иронично уточнил дракон.

— Молчать! — объявила я и поджала губы, приготовившись демонстрировать натренированный навык.

Дракон сдержанно кашлянул, пряча смех в глазах за ресницами.

— Мне хотелось бы отблагодарить вас, адептка Давир, за оказанную мне и академии услугу.

— Вы пообещали мне защиту! И три желания.

— Мне казалось, речь шла о помощи в ответ на просьбу... — ректор задумчиво потер подбородок раскрытой ладонью.

— Мало ли в чем мне помощь понадобится, — я пожала плечами. — Может, я сокровищницу вашу решу ограбить! Поможете?

— Лично на своем горбу перетащу к вашим ногам. Мне уже лететь?

— Не, — я поморщилась, — у меня в комнате места не хватит для ваших сокровищ. Спать на драгоценностях удовольствие то еще, как вы это делаете? Я, конечно, понимаю, чешуя, все такое... но жестко же!

— Зато профилактика ревматизма, — без тени улыбки отозвался ректор.

Я прыснула в кулак, тут же сама себя одернула. Темные боги, эти драконы вообще умеют быть серьезными? И как с таким руководством эта академия до сих пор стоит?

Драконы жили долго. Очень долго. Насколько долго, наверное, никто толком не знал, даже сами драконы, потому что от старости они, по-моему, вообще не умирали, а умирали вот так, как мог умереть ректор — вляпавшись крыльями туда, куда вляпываться не стоило. Наверное, безудержная тяга к поиску приключений на хвост прилагалась к долгожительству как предохранитель от скуки. А к этому предохранителю матушка-природа жалостливо приложила немеряную силушку, а то уже повымирили бы все к бесовой матери!

...но какие же они все-таки красивые! Хотя тут, пожалуй, смотря какого дракона взять.

Наставник Алвис вон так, ничего особенного в человеческом виде, даже несмотря на то, что дракон красивый — черный, блестящий, длинная изогнутая шея, шипастый хвост. А вот ректор...

Я еще раз окинула дракона оценивающим взглядом и мысленно вздохнула — ну как же хорош!

— Вы не голодны? — и не подозревая о мыслях, витающих в глупой женской головешке, поинтересовался дракон.

— Нет, спасибо, — машинально отозвалась я, даже не осознав до конца вопрос, несмотря на то, что обед был давно, а до ужина оставалось еще полтора часа.

Не знаю, что затеял бы ректор, скажи я «да», но в любом из вариантов — еще чего не хватало! Однако простой вопрос, заданный заботливым, располагающим тоном, определенный эффект возымел — я почувствовала, как напряжение, сковавшее спину деревянной осанкой, потихоньку отпускает.

Никто не желает мне здесь вреда. Он просто искренне хочет отблагодарить.

— Хорошо. — Ректор кивнул. — Тогда вы можете сказать, кто или что вам угрожает? Я неопределенно пожала плечами. Ответить на этот вопрос я бы не могла, даже если бы и хотела.

Охотники за родовым наследством? Слишком расплывчатое определение, чтобы дать дракону возможность что-либо предпринять.

Король? Род Ривад до сих пор являлся верным вассалом, мы связаны клятвой с королевской династией, и если король вдруг узнает о том, что в живых осталась только одна девица девятнадцати лет от роду, то он может пожелать распорядиться моей судьбой, и вряд ли мне это понравится. Но втягивать драконов в противостояние с короной я бы не хотела.

«По крайней мере, с ходу», — шепнул из глубины души прагматичный голосок.

— Меня... могут искать, — тщательно подобрав слова, сформулировала я. — И если найдут — тогда мне может понадобиться помощь. Пока что мне достаточно обучения в вашей академии.

— Не заметно, чтобы вы здесь учились, — иронично заметил дракон.

— Хорошо, мне достаточно пребывания в этих стенах, — легко исправилась я.

Чего греха таить, учеба и впрямь не значилась среди моих приоритетов. Но за те деньги, которые драконы берут за обучение, они точно не могут поставить мне в упрек то, что я заняла лишнюю кровать. Ну ладно, две кровати!

— То есть в самое ближайшее время мне не ждать осады Академии полчищами нежити во главе с некромантами, требующими выдать кровиночку? — дракон откинулся на спинку стула, сцепив руки в замок. — Я не то, чтобы возражал, но долг перед учениками, все такое, надо подготовиться...

— Я не сбежала! — фыркнула я, задрав нос. — Я вольна быть там, где пожелаю! Но есть те, кто может попытаться меня этого права лишиться, только и всего. Если найдут.

И тут до меня дошло, что именно сказал дракон. Некроманты. Темная магия многогранна и многолика, почему он упомянул именно некромантов?

Вопрос, наверное, настолько явно читался на моем лице, что ректор с улыбкой пояснил.

— Вы были на кладбище.

— Может, я там папоротник собирала! — возмутилась я, досадуя про себя на собственную неосторожность — все же кто-то да заметил.

— Может, — легко согласился ректор. — Но тогда вы сейчас не выглядели бы такой оскорбленной тем, что один настырный дракон лезет не в свое дело.

— Папоротник — это, между прочим, очень личное!

Дракон не выдержал и, запрокинув голову, расхохотался. А мне захотелось спрятать лицо в ладонях.

Тьма, Тереса! Лучше бы ты и впрямь молчала!

Я честно постаралась сделать лицо как можно более бесстрастным, искренне надеясь, что оно при этом выглядит не слишком по-дурачки, и терпеливо дождалась, пока ректор отсмеется.

— У вас есть еще вопросы? — поинтересовалась я, скопировав сухой тон Старой Альбы.

— Есть, — кивнул дракон. — Но я боюсь, что если их задам, то потом буду до конца дня смеяться. Это у вас, адептка Давир, занятия закончились, а мне еще работать! Поэтому вместо вопроса у меня предложение.

Он выдвинул один из ящичков стола, запустил туда руку, вытащил и продемонстрировал мне украшение на тонкой витой цепочке — хрустальная роза ветров, в прозрачной глубине которой светился теплый желтый огонек.

Я не успела даже озвучить вопрос, а память предков уже подсказывала — «Драконий глаз», тончайшей работы артефакт, который...

— ...позволит вам мгновенно сообщить мне, если потребуется помощь, а мне — создать переход, чтобы вас найти. Вам даже не нужно будет открывать рот, достаточно мысленного посыла. Я также узнаю, если вы окажетесь без сознания или попадете под угрожающий жизни удар.

— Это очень дорогая вещь, — машинально отметила я, прислушиваясь к отзвучавшему эхом голосу.

— Не дороже моей жизни, — просто ответил дракон, но потом ухмыльнулся и добавил: — И уж тем более — моей сокровищницы, которая значится в ваших планах на разграбление. Вы позволите? — он поднялся. — Я должен лично его надеть на вас, чтобы чары заработали.

Я тоже поднялась, чтобы дракону не пришлось слишком сильно наклоняться. И все равно, когда он встал передо мной, мне показалось, что на фоне этой махины я просто букашка. Ректор расстегнул хитрый замочек на цепочке, и через несколько мгновений моей кожи на шее коснулся одновременно холод металла и горячие пальцы. Мимолетное прикосновение обожгло, щеки запылали. Дракон стоял так близко, что мне казалось, я слышу его сердцебиение — тоже ускоренное. Но наверняка, это просто собственный пульс стучал в ушах. Замочек щелкнул руки вынырнули из-за шеи, поправили цепочку и саму розу на груди, и прикосновение к ней я ощутила даже сквозь ткань блузы.

Дракон вздохнул и присел на край стола, оказавшись со мной почти на одном уровне.

— Будет лучше, пожалуй, если вы не будете носить ее у всех на виду.

Я кивнула и тут же, чтобы не забыть, заправила артефакт за ворот. Обнаженную кожу хрусталь на удивление не охладила, а взгляд дракона, с интересом проследившего за этим жестом, более того — обжигал!

В кабинете повисло молчание. Я смотрела на дракона, он — на меня. И я бы не сказала сейчас, что молчание это было неловким. Скорее... выжидающим.

— Ну... я тогда пойду? — ляпнула я. И тут же покраснела.

— Идите, адептка, идите... — ухмыльнулся дракон, не двигаясь.

Покидая ректорский кабинет, взгляд его обладателя я ощущала так, будто он ко мне приклеился.

Глава 3

Мерзкая письменная работа никак не хотела завершаться. Теоретическую часть я бездумно переписала из учебника, пользуясь уже отработанным приемом: через каждые пять слов меняя одно книжное на свое. Так создавалась впечатление, что я не списываю все всплошную, но и мое собственное мнение ниоткуда не выпирало. С расчетной частью и того проще — берем формулы из учебника, берем цифры из задания, подставляем одно в другое... Формулы были незнакомые, и я бы воспользовалась совершенно иными приемами — проще и удобнее, на мой взгляд, но присутствовало смутное ощущение, что мои приемы ничуть не проще. Удобнее — да.

А вот проще они мне кажутся только потому, что я уже около десяти лет ими уверенно оперирую. Но даже с использованием неудобных, корявых и разлапистых формул из учебника, расчетная часть заняла около пятнадцати минут.

Дольше теорию списывала, ей-ей.

Теперь оставалось самое сложное — вывод. В выводе следовало написать свои мысли. Мои мысли нельзя было писать не то, что в письменную работу в Академии семи ветров, а и устно пересказывать кому-либо в ней же не рекомендовалось. Во-первых, не пристало владельнице рода матерно изъясняться при посторонних. Во-вторых — выгонят.

Я посидела, вперившись пустым взглядом в стену над огромным столом — я решила, что раз уж меня, бедняжку здесь не любят, то и мне негоже стесняться, и столы тоже сдвинула, превратив два средних в один приличный. На стене никаких подсказок не появлялось. Не выдержав, я выдернула из стопки черновиков обрывок листа, и бегло накорябала на нем выводы, которые вертелись в голове. Аккуратно подправила во фразе «после проведения данных расчетов я пришла к выводу, что данный метод не рационален и громоздок» два хвостика — у букв «ц» и «д». Полюбовалась сухими, четкими формулировками, выверенными и обкатанными годами использования, и вздохнув, отодвинула его подальше, от соблазна, вернувшись к тягостным раздумьям и созерцанию стены.

Так. Ну, должны же у этого метода быть какие-то достоинства? Не оскорбительные.

Негромкий стук в двери, сопровождающийся занятным магическим эхом, я восприняла с радостью.

Стук повторился, и я убедилась, что нет, не показалось — неожиданный гость пользовался каким-то способом направленного подавления звука, стук в дверь был слышен только мне, находящейся внутри комнаты.

Я подобралась и насторожилась — на всем этаже жили адепки первого и второго витка обучения, и стучать ко мне в дверь столь магически затейливо было абсолютно некому. Да и незачем. Но даже это меня не расстроило — по сравнению с унылой письменной работой и набившим оскомину выводом, даже встреча с превосходящими силами Короны, обнаружившей подлог и решившей призвать главу мертвого рода к ответу, выглядела неплохо.

К тому же, в эту перспективу я не очень верила.

Совсем не верила. Вообще.

Тени, откидываемые двумя магическими лампами на столе, стали глубже, обрели графическую четкость. Вытянулись. Едва заметно, но так успокаивающе. Не тени, но тьма. А кто знает, что водится во Тьме? Разве что я... На пальцах правой руки замерло. Не люблю угроз. Так что я никому не угрожаю. Просто... просто обезопасила себя.

В тенях шевельнулись, напоминая о своей поддержке, и затаились, подчиняясь моему мысленному «Лежать!».

— Кто там?

— Адепка Давир, вы позволите мне войти? — отозвались из-за дверей знакомым низким голосом, я сморгнула от неожиданности и открыла.

Какой все-таки он красивый мужик. Бронзовые волосы, собранные в строгую косу, лежали волосок к волоску, темный загар, редкий и непривычный в здешних краях. Нос с легкой горбинкой, рот, челюсть, короткие ресницы... Вот вроде ничего особенного — а красиво. Только глаза выбиваются из «ничего особенного» — желтые, яркие, как у филина, жившего в заброшенной башне у нас... у меня дома. А еще, он большой. Выше меня — а я девица рослая. Массивный. Тяжелый — толкнулось в мысли непрошенное воспоминание.

Я сглотнула, растерянно разглядывая ректора и спрятав за дверь правую руку.

— Я могу войти? — серьезно уточнил он, и я замешкалась.

— Да, конечно...

Раз — пальцы на правой руке напряглись, нащупывая замершее. Два — согнулись крючками. Три — расслабились, позволяя тому, что замерло, соскользнуть в небытие, во Тьму. В тенях с сожалением ворохнулись, уточняя — что, сегодня ничего не будет?! «Да ну вас всех! Место!».

Мое досадливое повеление коснулось теней и вернулось ко мне легким разочарованием. Один выдох. Три удара сердца.

— Проходите, не стойте, — я шагнула в сторону, шире открывая дверь и освобождая ректору проход.

Что-то часто оно у меня колотится.

Выглянув в коридор, я окинула его беглым взглядом, убедилась, что некому обнаружить неурочного посетителя, и закрыла двери.

— Меня никто не видел, я прикрылся чарами отвода глаз, — бодро успокоил меня ректор, как будто это и было то, о чем, я беспокоилась.

Нет, я-то еще как беспокоилась — но вовсе не о соседках, а о том, что он здесь, рядом, слишком близко во внезапно ставшей тесной комнате. О том, что его запах — запах горьковатой осени, морской соли, морозного ветра поднебесья, и чего-то еще неповторимого, будоражащего, характерного только для него, пленительно близко. О том, что его голос вибрирует в костях, гудит в жилах, сбивает сердечный ритм, и оно то замирает, то колотится как сумасшедшее. О да, это меня беспокоило!

А соседки... чхать я на них хотела, и им самим лучше бы тоже на меня чхать, ибо вздумай какая-то проявить несвоевременное дружелюбие — видит Тьма, пустила бы дуру прахом.

Очнись, Тереса, ты же темный маг! Циничная некромантка в конце концов!

Мысленная затрещина самой себе несколько разогнала томную одурь, и я, наконец, додумалась поинтересоваться, что нужно уважаемому ректору в общезнании первоодок:

— Что-то случилось?

— Да как вам сказать, — протянул дракон, вильнув взглядом куда-то в сторону.

— Что?! Опять! — вскинулась я в тревоге, ничего не поняв толком, но зато взбодрившись достаточно, чтобы стать самой собой, — Ну, посидите тихонечко, я сейчас вам девственницу найду!

И даже обозначила телом движение в сторону двери.

— Что... — опешил ректор, а потом изумленно уточнил, — Адепка Давир! Вы издеваетесь?!

— А что? Это можно только вам? — Тьма знает, зачем он явился, но мне внезапно стало от этого как-то легко и хорошо, и тело мыльным пузырем стремилось взлететь под потолок, сквозь перекрытия, этажи, крышу, прямо в звездные небеса. А на земле меня удерживали только янтарно-желтые глаза, приковывая надежнее цепей.

Оные глаза одарили меня великолепно-надменным взглядом, ноздри породистого носа раздулись — единственный и неповторимый ректор всея Академии нашей, бронзовый дракон Эйнар, изволил презрительно фыркнуть на дерзновенную студентку, и не успела я возгордиться, достал из-за спины пушистый маленький букетик — короткие стебельки, нежные фиолетовые венчики цветков с лепестками, похожими на аккуратные ноготки благородной дамы.

— Шафран осенний, — уверенно опознала я. — Действующее вещество — колхицин, воздействует перорально, противоядия не имеет.

Я взглянула вниз, на выглядывающие из кулака хвостики, и уточнила:

— Только они без корней, я извлечь его могу не успеть, — продолжила я, прикидывая, сколько времени мне нужно будет на подготовку, и пытаюсь на глазок определить, и что с ними нужно будет сделать, и почему именно мне. — Да и доза маловатая получится...

И еще договаривая фразу, поняла какая же я... недалекая девица.

Дура! Тебе первые в жизни цветы принесли!

Закрыв глаза, я вдохнула, выдохнула, аккуратно забрала у ректора букетик, и, пробормотав «Спасибо!» принялась пристраивать их в чашку с питьевой водой, отчаянно радуясь, что смуглые люди краснеют редко и незаметно. На ректора я смотреть боялась.

А зря — дракон улыбался, широко и сокрушительно беззлобно, и открытая белозубая улыбка на смуглом лице что-то сделала с моей головой, и меняхватило только на то, чтобы взглянуть на него укоризненно — я и так уже дышу от его присутствия с трудом, так он еще и улыбается, это бессердечно!

В ответ на мой немой укор бессердечный (и бессовестный) дракон только пожал плечами, и улыбнулся еще шире:

— Ну, их ведь не обязательно есть, верно?

Я сердито засопела и отвернулась к столу, скрывая смущение от своей глупой ошибки. И потому пропустила момент, когда гость, чувствующий себя в моей комнате совершенно непринужденно, шагнул к столу, и благожелательно спросил:

— Готовитесь? Я вас не отвлекаю, надеюсь?

Я независимо пожала плечом:

— Мне все равно только вывод остался...

— Вы позволите? — поинтересовался ректор Эйнар и, дождавшись неуверенного пожатия плеч, взял мою работу. — Весьма неплохо. И в чем загвоздка?

Я кисло улыбнулась, имея ввиду, что никакой загвоздки нет, и вообще, дела там для меня на пять минут.

— Нет ничего постыдного в том, чтобы попросить помощи, если она вам нужна, адептка Давир...

Я не знаю, почему он спросил то, что спросил — но вопрос прозвучал, и вышиб меня из колеи:

— Вы бастард?

Мой взгляд против воли метнулся к его лицу и опал, а я стремительно соображала, с чего он это взял, что мне ему ответить, и надо ли отвечать вообще — вариант с бастардом отлично объяснил бы оба обряда, проведенные мной в термах, да и вообще... удобнее прикинуться побочным отпрыском какого-то магического рода, чем объяснять, почему у меня порой вылезают знания, никак не доступные скромной сироте, адептке первого витка обучения — но и опускаться до прямого вранья мучительно не хотелось...

Да и попросту страшно было — не дай Тьма, распознает!

К моему счастью, это и не понадобилось.

Ректор, глядя с высоты своего роста куда-то мне в макушку, тихо сказал:

— Вы морщитесь каждый раз, когда слышите свою фамилию. Вам неприятно ее слышать.

Надо же... А я и не замечала. Перевернутое задом наперед имя рода Ривад звучало вполне привычно на велибарский слух и вписывалось в местные традиции — и все равно меня ужасно раздражало. Но я не думала, что это написано у меня на лице. Я растерянно вскинула взгляд — и попала в плен янтарных глаз. Сочувствующих, чуть грустных. Теплых.

Ректор кивнул, подтверждая свои слова, и добавил:

— А в совокупности со всем прочим...

Я снова опустила голову (макушку ощутимо жгло под драконьим взглядом) и дернула плечом, давая понять, что не хочу это обсуждать. Просто не желаю.

— Какое драконам до этого дело? — огрызнулась я, чувствуя себя правой.

Драконы декларировали невмешательство Академии семи ветров в дела, творящиеся снаружи ее стен — и такие расспросы не очень-то соответствовали этим заявлениям...

— Никакого, — миролюбиво согласился дракон за всех своих собратьев разом. — Я не за этим пришел, адептка Тереса. Я пришел сказать, что принял решение перевести вас к целителям четвертого витка обучения.

— За что?! — вызвался из моей груди негодующий возглас.

Я открыла рот, как распоследняя простолюдинка. Закрыла его. Снова открыла — и опять закрыла. Слов, более полно описывающих мое отношение к происходящему, не находилось.

— Вы же, кажется, задаетесь вопросом, когда вас начнут учить чему-нибудь интересному — вот на четвертом витке всё интересное и начнется.

Невозмутимость ректора выводила меня из себя — в конце концов, несмотря на то, что он выглядел бесстрастной каменной глыбой, я чувствовала, что внутри он веселится. И от этого я злилась еще больше — ну как, как можно быть таким бессовестным и привлекательным одновременно?!

И, даже если забыть про целителей — целителей, простите меня темные боги! — то мне, может, просто нужны эти уплывшие из-под носа три года в безопасном месте.

И пусть я собиралась определиться, что дальше делать с этой жизнью, куда раньше, всё равно — это не давало ректору права так беспардонно вмешиваться в мои планы!

Права, ох, права была старая Альба, в очередной раз мелькнула мысль — и на границе реального и потустороннего послышался ехидный дребезжащий смешок.

— Вы обещали мне защиту! — зашипела я, подобрав, наконец, слова, глядя дракону прямо в наглые желтые глаза — и плевать, что для этого мне понадобилось встать на цыпочки, а ему ссутулиться.

— Вот именно. А потакать вашей лености — не обещал. Четвертый виток, адептка Тереса, и без разговоров! Обменяете учебники, утрясете расписание и сразу приступаете к занятиям!

Мы стояли нос к носу, и кулаки у меня сжимались сами собой от желания поколотить эту бесчувственную глыбу, когда он вдруг усмехнулся:

— Не упрямитесь, адептка Тереса. Можете рассматривать перевод как законную возможность не дописывать работу, а на четвертом витке вы уже имеете полное право писать, что формулы первого витка — сущая ерунда!

Я закрыла рот, и почувствовала, что глаза у меня стали круглыми, как две кофейные чашки. Он что... он видел мой черновик? Видел тот листок?

Мне захотелось провалиться сквозь пол. Какой позор! Нечего сказать, хороша! Конспиратор, Тьма её побори!

— Вы не имеете права меня заставлять, — прошипела я гадюшкой, злясь и на себя, и на ректора с его непрошенным вмешательством в мою судьбу, и на дурацкие бумажки, которые он умудрился заметить, когда его никто не просил.

Я сжала и разжала кулаки и, глядя на дракона исподлобья, сообщила:

— Мне надо закончить работу. У вас все?

Ректор одарил меня долгим гипнотическим взглядом, словно прикидывал, как лучше поступать со строптивыми адептками — зажарить и съесть или связать и сбросить в море с академической башни. Не определился и, разорвав зрительный контакт, направился к двери.

Я последовала попятам, чтобы скорее ее за ним закрыть (и подпереть парой-тройкой заклинаний), а потому, когда дракон неожиданно замер и резко обернулся, врезалась в него, как птица в стекло. Изумленно вскинув голову и открыв рот, сказать я все же ничего не смогла.

Бережно обхватившие мое лицо ладони напрочь лишили дара речи.

— Нет, не все, — сообщил мне ректор Эйнар. И поцеловал.

Пол поплыл у меня из-под ног, я ухватилась за широкие плечи, чтобы не упасть — и, вцепившись в них, с жалобным всхлипом сама подалась навстречу нетерпеливым губам.

Он отпустил мое лицо — и горячие ладони скользнули по моей спине, огладили ее, нежно спустились вниз, и я тихо взвизгнула, когда дракон подхватил меня на руки, и, в два шага

достигнув постели, опустил меня на незатейливое студенческое покрывало. Навис надо мной, замер, опершись коленом на кровать, жадно любуясь мной, пожирая взглядом — и волосы цвета бронзы водопадом стекли с его плеча.

Надо же, а я и не заметила, когда успела расплести его косу.

Да и мои собственные волосы сбились кольцами вокруг головы, освободившись от плена ленты неведомо когда.

Я потянулась пальцами к его лицу — и замершее было время понеслось вскачь, а томительная неподвижность взорвалась движениями, касаниями, поцелуями...

Я судорожно стаскивала с Эйнара рубашку, больше обрывая мельенькие пуговицы, чем расстегивая, а он ничем не помогал мне, слишком занятый моей грудью — целовал, ласкал, покусывал нежную плоть, растянув ворот белой блузы, и плотный корсаж не был ему помехой. Ощущения были непередаваемые — ласковые губы и грубая щетина, легкие укусы... В голове звенело, воздуха не хватало, и когда по нежной коже полуобнаженного полушария прошелся шершавый язык, я выгнулась навстречу этому движению дугой, со всхлипом вцепившись в твердые плечи, не зная, что именно пытаюсь сделать — остановить или притянуть к себе.

С задавленным рыком — ответом на мой всхлип — дракон рывком поднял меня с кровати, и усадил к себе на колени, желтые, янтарные, медовые глаза, расчеркнутые дышащим веретенном зрачка, встретились с моими карими, он обвил руками мою спину, подхватил под ягодицы, и вдруг оказалось, что я — маленькая-маленькая рядом с ним, и полностью умещаюсь в его объятиях, вписываюсь в них, как когда-то потерявшееся стеклышко из огромного витража, и вот наконец-то нашлась, и только здесь мне и место...

Дракон неспешно опустил темные ресницы, разрывая единение взглядов, медленно склоняясь к моим губам, точно спрашивая разрешения, словно не он только что целовал мое тело как тот, кому позволено всё... И я тихонько вздохнула, и потянулась к нему сама, обвивая руками его шею, соглашаясь и давая разрешение.

Теплые, твердые губы по-хозяйски накрыли мой рот. Неторопливо. Уверенно. С полным осознанием своей власти. Силы.

У тебя нет хозяев, Тереса Ривад, напомнила я себе, ты сама себе владетель! А в животе сладко екнуло от неожиданного ощущения.

Эйнар неспешно провел руками по моему телу — от поясницы вверх, с силой прижимая ладони, с удовольствием осязая меня сквозь одежду, и не думая таить это удовольствие. По лопаткам, плечам — к предплечьям, и на предплечьях сомкнул пальцы стальными капканами, потянул меня на себя — и я покорно подалась вперед, прогибаясь в талии. Нежное, беззащитное женское местечко между ног прижалось к твердому и набухшему мужскому, и вверх от средоточия женственности к груди стрельнула короткая молния, прошив мимолетным удовольствием, пересушив губы. Я быстро облизнула их, и поймала короткий драконий взгляд, и его рот снова нашел мои губы, а руки с предплечий скользнули к локтям, талии — и как-то неожиданно ладони оказались под блузкой, плотно стянутой корсажем.

Касание грубых ладоней к разгоряченной коже отозвалось еще одним всплеском удовольствия, заставившего охнуть в целующие губы, выгнуться и замереть встревоженным зверьком.

Эйнар провел языком по моей верхней губе, прихватил зубами нижнюю — и тут же отпустил, прикладывая цепочку жгучих поцелуев по моей шее, рисуя языком линии и петли, и одновременно потирая ладонями кожу под блузкой — по нижним ребрам, большими пальцами по животу, поглаживая выемку пупка... Заставляя жалобно всхлипывать, покачиваться в легком пьянящем ритме, чувствовать, как моя промежность соприкасается с налитой твердой плотью сквозь слои одежды.

Эти ощущения словно сковали мою волю, лишили инициативы, утягивая в тягучую негу, где есть только неподвижность и томительное удовольствие.

Когда руки дракона вынырнули из-под блузки, и принялись распускать шнуровку корсажа, я очнулась. И к тому моменту, когда с меня стянули блузку, вспомнила, что у меня тоже есть руки, а у дракона — рубашка.

Время медленной нежности прошло — теперь во мне зарождалось нетерпение, клокотало в груди, прорывалось нетерпеливым рычанием... Я не понимала толком, куда спешила, но нацелованными губами, ставшей невероятно чувствительной кожей, ноющей в томительном предчувствии грудью, томительным, пульсирующим узлом внизу живота знала, что мне туда надо! Скорее, скорей! Немедленно!

Устав сражаться с неподатливыми пуговицами, я просто дернула плотную ткань, выдергивая ее из-под ремня, содрала ее, недорасстегнутую, через драконью голову, под протестующий треск, и отбросила в сторону, тут же забыв о ней, жадно уставившись на широкую литую грудь с тяжёлыми мышцами, плоскими темными сосками, на уходящую вниз от пупка, под ремень с фигурной пряжкой, дорожку темных волос. С трудом оторвав голодный взгляд от упоительного тела, подняла глаза выше, встретив такой же голодный взгляд — и в следующий миг оказалась на спине, бешено извивающейся, чтобы помочь дракону стащить с себя юбку.

Она улетела куда-то в сторону письменного стола, и тяжелое тело, на котором из одежды остались одни штаны, прижало к постели мое, полностью нагое. Руки, губы, язык Эйнара были, кажется, везде — гладили бедра, целовали грудь, ласкали соски, я бешено извивалась, стараясь прижаться к нему ближе, больше, горячее, тело к телу, кожа к коже, сильнее, ярче, еще! Гладя широкую спину, путаясь пальцами в волосах — длинных, темных, тяжелых... И когда несколько прядей этих волос упали на мою грудь, щекотнув кончиками кожу, задев сосок, я вдруг и разом лишилась разума, и вцепилась ногтями во влажную кожу, выгнулась, рыча, вдавливая себя в его тело, кусая близкое, незащитное горло губами, языком чувствуя мужской сладостный стон.

Щелкнула пряжка ремня, Эйнар приподнялся, снимая штаны, гася мой разочарованный стон поделуем, а в следующий миг снова придавил меня к постели своим благословенным, необходимым весом, и мужская плоть вошла в меня одним ударом, рывком, до упора.

Дракон замер, и я не шевелилась, прислушиваясь к этому теперь знакомому — и все равно новому ощущению. Заполненности. Уместности. Когда внизу, внутри меня тесно, и горячо, и так упоительно-необходимо...

А потом Эйнар начал двигаться, и я отвечала, принимая все ускоряющиеся толчки, и весь мир сузился до моих ощущений, рождавшихся от того, что жаркая тугая плоть скользит во мне, и яростные рывки рождали такое же свирепое наслаждение, и оно прибывало, росло, быстрее, и быстрее, и быстрее, пока вдруг замерло на пике сладким мгновеньем — и взорвалось ослепительно-яркими спазмами...

Эйнар замер, переживая мою кульминацию, дожидаясь, пока мир перестанет крутиться вокруг меня. Поймал мой взгляд — и в несколько быстрых, резких движений догнал меня, извергнувшись горячими пульсирующими толчками.

Когда тяжелое, горячее тело, практически полностью навалилось на меня, я и не подумала протестовать. Тяжело, да — но эта приятная тяжесть была из разряда тех, что не хочется с себя спихивать. Я вздохнула, и провела ласково ладонями по широкой влажной спине, зарылась пальцами в волосы. Огладила могучие плечи. Положила ладонки на грудь — снова изумляясь масштабам. Дракон, кажется, принял это за попытку вырваться — и перекатился на бок, под мой протестующий вскрик:

— Эй! Холодно!

Мерзкий ящер издал звук, подозрительно напоминающий смешок, и вместо того, чтобы вернуть девушке ее одеялко (тяжелое, зато с подогревом!), провел ладонью вдоль моего тела. Мелкие искорки бытовых чар в огненном исполнении очистили и просушили.

Ну, так еще более-менее — хотя лучше бы просто сделал, как было, подумала я, и завозилась, пытаясь устроиться удобнее на сбитых простынях. Брыкнула ногой, спихивая на пол невесть как оказавшуюся под ногами подушку. Или это мы лежим ногами в изголовье?.. Я повертела головой, сориентировалась в пространстве, убедившись, что мы лежим правильно, это подушка в корне не права, и снова откинулась на простыни. Дракон, кажется, уже пришедший в себя, с интересом наблюдал за моей возней.

— Как вы? — ласковый вопрос Эйнара разбудил нешуточный интерес.

А действительно, как я?

Хм. В потоки сил в этот раз не проваливалась, изменения уровня потенциала не чувствую (да и то — не каждый же раз, в самом деле, жирновато будет!). Выходит, я нормально?

— Пить хочу, — сообщила я дракону, развалившемуся на боку и с удовольствием меня разглядывающему, попутно попытавшись вытащить из-под него одеяло, прикрыться. — И одеяло!

— Зачем? — невинно хмыкнул ректор, — Здесь жарко!

Я фыркнула в ответ — и сползла с кровати, хотя была уверена, что мне ни за что не хватит на это сил. Их хватило даже на то, чтобы добыть из шкафа чистую блузу, прикрывшую меня до

середины бедра. По зрелом размышлении, юбку я решила не надевать, все же перебор, зато, раз уж все равно встала — то решила заодно перестелить и очистить постель, с мстительным удовольствием согнав с нее дракона. А нечего было мне одеяло жалеть!

И только после этого уселась на кровати, подоткнув под спину отловленную беглую подушку. Эйнар, бесстыдно развалившийся на постели сразу же, как только я закончила стелить постельное белье, поймал мой укоризненный взгляд, и ухмыльнулся. У меня в животе, там, где после недавней любви разлилось сытое довольство, сладко и тревожно екнуло.

Захотелось пнуть его ногой и спихнуть с кровати — но, к сожалению, после всех моих перемещений, дракон лежал возле стены. Я разочарованно вздохнула.

Эйнар понимающе хмыкнул и сел в постели — а потом протянув руку, достал из воздуха пару бокалов и вручил их мне, а сам встал с кровати и подхватил лежащие на полу штаны.

Усевшись повыше, я с неприкрытым интересом уставилась дракона, который, одеваясь, повернулся ко мне филейной частью — видимо щадя мою стыдливость. Зрелище открылось... завораживающее. Вцепившись в ножки несчастных бокалов, я напрочь позабыла, что хотела пить. Что там — пить, я и дышать, кажется, позабыла.

— Что вы на меня так выжидательно смотрите? — подозрительно уточнил ректор, поворачиваясь ко мне лицом и застегивая ремень с массивной фигурной бляхой.

— Жду, откуда вы вино доставать будете! — доверительно сообщила я, будто вовсе и не пьялилась только что на драконий зад.

Ректор расхохотался, и достал глиняную бутылку с опечатанным горлом оттуда же, откуда и бокалы — из воздуха.

Ну вот! А мог бы оригинальность проявить!

Густая красная жидкость полилась в бокалы, дракон провел ладонью, и воздухе возле меня, сантиметрах в тридцати над кроватью, появилась светящаяся, прозрачносиняя полоса. Эйнар поставил на нее бутылку и свой бокал, небрежно, бедром, подвинул меня с пригретого места к стене, и хозяйски расположился на моей постели.

Рубашкой он пренебрег, и выглядели мы с ним так, будто нам на двоих достался один комплект одежды, и тот не полный. Как смогли — так и поделили.

С удовольствием вдохнув запах старого вина, я пригубила его и, припомнив недавно изученный устав, ехидно сообщила:

— А алкоголь в Академии семи ветров запрещен! — но бокал, на всякий случай, взяла в обе ладони, покрепче — чтобы вредный дракон, если вдруг что, так просто не отобрал.

— В академии много чего запрещено. Например, вламываться в преподавательские купальни, — коварно обманул мои ожидания вредный дракон, тоже смакующий вино из своего бокала.

— Запирать надо нормально! — тут же взвилась я.

— Они были закрыты заклиниванием. Стыдитесь, адептка Тереса, приличные учащиеся взламывают преподавательские купальни не раньше третьего курса!

Я давилась смехом, пытаюсь спрятать его в бокале, а дракон, посмеиваясь, пристроил вино на импровизированную полку, соединил вместе пригоршни и принялся что-то нашептывать пустоте внутри.

— Она не развеется? — опасливо уточнила я, скептически изучая прозрачную полосу.

— Не-а, — легкомысленно отозвался серьезный, взрослый мужчина, целый ректор академии (тоже, как ни странно, пока целой), и чуть приоткрыл ладони.

Из них выпорхнула крохотная сияющая птичка — яркая, как южный цветок, переливающаяся, как драгоценный камень. Зависла в воздухе, часто-часто маша крылышками, и сорвалась с места, когда я, замороженная нежным чудом, протянула к ней руку. Я проводила птаху взглядом — и озадаченно замерла, изучая стены моей комнаты. Точнее, то, во что они превратились. Их почти не было видно под тугими лозами зеленых лиан, поросших нежными орхидеями, бело-розовыми с яркими алыми каплями на лепестках, с пышными розетками свисающих вниз белых воздушных корней.

Ну, вот, знает же, как девушке приятное сделать! Зачем крокус ядовитый притащил, с толку меня сбил?

А воздух в комнате сделался влажным, как в академических оранжереях, с запахом мокрого дерева и терпких незнакомых цветов, и из-под потолка в дальнем углу шумел прозрачный водопад, падая в каменную чашу в полу, обложенную камнями...

Я не утерпела — перебралась через дракона, и полезла щупать иллюзию на плотность и сопротивляемость. Рука в равной мере легко проходила и сквозь водный поток, и сквозь одеревеневшие узловатые стебли лиан, а вот магическому воздействию иллюзия сопротивлялась весьма успешно. По крайней мере, я бы сходу обвалить ее не смогла. Но воздушная магия, будем честны, никогда не была моей сильной стороной. А этот — запросто, одним усилием воли сотворил! Да еще с воссозданием запахов... Силен, чешуйчатый! Пока я исследовала магически-оптический объект, к переливчатая птичка подлетела к одной из нарядных орхидей, и зависла, маша крыльшками так часто, что они виделись двумя смазанными полосками, и уткнувшись в глубину цветка.

Нет, ну надо же такое придумать!

Вот это детальность проработки! Вот это исполнение! Завистливо-восхищенно вздохнув, я отправилась обратно в постель.

— А почему, когда вы иллюзию на стенах создали, я даже не заметила, а птичку с вербальным компонентом? — не удержалась я, примеряясь, как бы перелезть через дракона обратно. — И на сколько их хватит? А птицу вы сами выдумали, или?..

Сдвигаться эта гора и не думала, а повторить его трюк со спихиванием я смогла бы разве что при помощи тяжелой магической артиллерии. И пока я пыталась преодолеть внезапную робость и смущение, прикидывала, как перемахнуть препятствие — оно вдруг дернуло меня за руку, и повалило на себя.

Я брыкнулась, пытаясь вывернуться из железных (бронзовых!) ручищ, и дракон перекатился по постели, подмяв меня под себя. Я забилась вдвое энергичней, извиваясь и мотая головой во все стороны — это не помогало освободиться, но драконьи волосы лезли в лицо и невыносимо щекотали! Я попыталась пихнуть наглеца коленкой, выгнуться дугой и скатить его с себя, подтянуть колени к животу, и оттолкнуть его, но драконья туша казалась воистину неспихуемой. Деловито подтолкнув под себя мои конечности, выглядывающие кое-где на свободу, он с удобством устроился на поверженной добыче, и кое-как собрав волосы в кулак, откинул густые длинные пряди за спину, но одна, особо непокорная прядь тут же упала обратно, закачавшись в опасной близости от моей щеки.

Нет, так дело не пойдет! Прикинув, что терять мне давненько нечего (даже девственность — и ту уже профукала!), я шепнула формулу на гортанном мертвом языке — и длинная тень, отбрасываемая ножкой стула, уплотнилась, стала четче, а потом от нее отделилась полоса тьмы. Узкая, плотная и материальная, она протекла от пола по кровати и по дракону, скользнула ото лба к затылку, на ходу собираясь в петлю, и основания шеи завязалась вокруг получившегося хвоста лентой.

Придирчиво изучив полученный результат, я осталась довольна своей работой.

Но вовремя вспомнила, что я — беззащитная жертва, угнетенная и терзаемая, торопливо сделала нужное выражения лица. Дракон с хохотом обмяк поверх меня, уткнувшись лбом мне в ключицу.

И пока я увлеченно брыкалась и извивалась, пытаясь воспользоваться временной слабостью дракона и освободиться, он совершил подлый финт — и перекатился на спину, придерживая меня в объятиях и усадив верхом на свой живот. Живот был голый, я себя бельем тоже не утруждала, поэтому бурный протест сам собой сошел на нет, вытесненный непристойными и пикантными ощущениями.

Дракон же, немного повозившись подо мной и вызвав непроизвольные спазмы в моем животе и пониже, утвердил меня на себе удобнее, подтянулся повыше, опершись спиной на подушку, как я недавно, утвердил руки на моих бедрах, и принялся обстоятельно и последовательно отвечать на мои вопросы. Те самые, про которые я успела напрочь забыть:

— Такие птицы действительно существуют, адептка Тереса, и называются «колибри», — кажется, ему ужасно нравилось называть меня на «вы» и адепткой, в тот момент, когда я, наполовину голая, сидела верхом на нем, голом на другую половину.

— Иллюзия на стенах — пассивная и наведенная, поэтому гораздо проще в исполнении, несмотря на масштабность, — со вкусом продолжил объяснения Эйнар, — А колибри — иллюзия активная, динамичная, со сложным паттерном действий, это гораздо сложнее в выполнении, но схема, в принципе, не сложнее вашей ленты, и если хотите, я вас научу. Ну и наконец — иллюзии на стенах продержатся, пока я не уйду, потому что питаются непосредственно от резерва сотворившего их мага, а в динамические иллюзии при плетении

вкладывается некоторый резерв энергии, поэтому они способны существовать без внешних источников подпитки некоторое время, зависящее от ряда факторов, в нашем случае — около восьми часов. Если желаете, я волюю в них силы дополнительно, и срок увеличится. Еще вопросы, адептка Тереса?

— Да! Куда делось вино?

— Я убрал его под кровать, когда собирался вас ловить, — с видом бесконечной мудрости, и такого же терпения, объявил дракон.

И с хохотом отодвинулся от возмущенного шлепка, когда я сообразила, что он все это запланировал заранее. Но не тут-то было! Если Тереса Ривад решила кого-то побить — то ее так просто не остановишь! Я увлеченно пыталась стукнуть хитрую рептилию, но удары постоянно натывались на подставленные ладони — широкие, шершавые, с твердыми бляшками мозолей. В конце концов, мое буйство ректору надоело, и он попросту поймал мои руки, стиснув запястья, как в браслетах кандалов — не больно совершенно, но и не вырваться никак.

— Адептка Тереса!

Я насторожилась, услышав вкрадчивые нотки в голосе ректора.

— Либо вы сейчас же прекратите по мне елозить, либо спать вы сегодня не будете. А завтра кое-кому переводиться к целителям четвертого витка обучения!

— Ну почему к целителям, зачем к ним, — заныла я, замерев, тем не менее, неподвижно, на всякий случай. — Не хочу к целителям, они мне не нравятся!

— А так? — твердые крепкие ладони нырнули под рубашку, шершавый язык прошелся по шее от плеча до мочки уха, вызвав пробежавшие по спине мурашки и короткий, но яркий спазм внизу живота.

— Так — нравится! А целители — не нравятся! И вообще, вам тоже завтра на занятия! — я сурово свела брови, и с легким уколом разочарования ощутила, как восхитительные руки выскользнули из-под рубашки.

— Не хотите — не надо, — сдался ректор Эйнар, и я уже было обрадовалась, что можно не переводиться и тихо спать на занятиях дальше, как он продолжил, — Выбирайте специализацию на свое усмотрение, но в темномагических я вам сразу откажу, так и знайте. Не надо идти по самому легкому пути. Да и с боевой магией связываться бы не рекомендовал, хоть и по другим причинам. И подумайте, все же, о целителях!

— Но... но почему к целителям! Вы можете заподозрить во мне милосердие?! — задала наконец вопрос, мучивший меня с того момента, как Эйнар озвучил мне будущую специализацию.

— Меня вы отлично исцелили! — отрезал дракон. И задумчиво добавил. — Но для закрепления эффекта...

Он огладил мои бедра, и это хозяйское движение отозвалось щекочущим ощущением в напрягшихся сосках.

— Но я больше не девственница! — озвучила я очевидное, по инерции продолжая спор, в котором дракон уже оставил решение на мое усмотрение. Хотя прикосновения Эйнара и то, как отзывалось на них мое тело, интересовали меня сейчас куда больше разговора.

— Вот там вас и научили бы, что лечить можно не только так! — закруглил тему он.

Загорелые ладони легли мне на грудь, легонько стиснули ее сквозь рубашку — ослепительно смуглые на фоне белой ткани, с маленькими бронзовыми чешуйками, проступившими на костяшках, и я с непроизвольным стоном прогнулась навстречу этим рукам, накрыв их ладонями, погладила костяшки самыми кончиками пальцев...

— Ладно, адептка Тереса. Если мы не прекратим, то к осмысленному выбору вы завтра точно будете неспособны. Давайте, что ли, я вас колибри плести научу... — предложил дракон, убирая руки под себя. Лицо у него было грустным-грустным.

Я утешающе царапнула крупные чешуйки, полосой проступившее на плече. Эти, крупные, отличались наощупь от маленьких, гладких и как будто отполированных, которыми поросли фаланги. Я увлеченно трогала их, сравнивая впечатления — эти были словно гранеными, и чувствовались чуть шероховатыми. Я провела пальцами по линии роста, удивляясь контрасту ощущений на стыке — теплая гладкая кожа и твердые, грубые монетки чешуек.

— Чешую не обдирать! — ворчливо влез в мои исследования голос ректора. — А то знаю я вас...

— Кого?! — подобралась я, позабыв возмутиться, что и не думала даже!

Но про себя отметила, что это, оказывается, в принципе возможно.

— Вас, адептка Тереса! Надругаетесь над драконом, и «Ну я тогда пойду?»! — очень похоже изобразил мои интонации Эйнар, и замер, когда я неожиданно даже для самой себя наклонилась к нему и поцеловала в губы. Мягко, ненапористо...

А в следующий миг мир рухнул, и я осознала себя вцепившейся в широкие плечи, и дракон уже сам целовал меня — яростно, свирепо, без следа прежней осторожности, и его руки шарили по моему телу, напористо и грубо. И я отзывалась на каждое касание голодным удовольствием, жадно выгибаясь навстречу, охотно принимая бесстыдный язык в свой рот, непроизвольно двигаясь верхом на его бедрах, с упоением ощущая, как трусь голой плотью о его напрягшуюся плоть и на каждом движении туда-сюда, при особо удачном касании, меня, кажется, стреляла маленькая молния. Я вскрикивала, и снова приподнималась, чтобы опять опуститься, и чувствовала себя дикой и всесильной. Эйнар на миг оторвался от меня чтобы расстегнуть ремень, штаны, я поймала его взгляд — и в нем горел первобытный голод, один на двоих. Он зачем-то содрал с меня ничем не мешавшую ему рубашку, а в следующее мгновение вошел в меня одним толчком, до упора, и удовольствие пронзило меня копьём от средоточия женственности до самого мозга.

Хотя какой там у меня мозг? Так, студень!

И в понимании этого тоже было темное блаженство.

Я стремительно, неистово двигалась на нем, чувствуя приближающуюся ослепительную черту, и Эйнар не пытался замедлить меня, а подгонял ударами вглубь меня, где было так тесно и горячо, укусами в шею, в грудь, мелкими, острыми, сладкими. Руками, стиснувшими мою грудь почти до боли — и допряного хмельного удовольствия. Я двигалась, и в какой-то момент поняла, что вот сейчас знакомая белая волна рухнет, сметая мир, и замерла...

И волна рухнула. Мир сгинул под напором моих ощущений. Ни звуков, ни света. Только внизу, там, где меня растягивал дракон, сжималось вокруг его плоти мое тело в чистом наслаждении — одним на двоих.

Потом мы валялись в постели, я поверх него, и новую рубашку я подманила чарами, не желая сползть с належающего места, и было так лениво, так хорошо, так приятно устыло, что я так и не поняла, в какой момент Эйнар начал объяснять мне схему создания многокомпонентной, сложносоставной иллюзии «Колибри», а я — пытаться её повторить.

Получалось у меня не очень — во-первых, иллюзии действительно не мой конек, во-вторых, мне мешала сладкая дрожь во всех внутренних мышцах. Но некромантов трудности не пугают, они их раззадоривают.

Дракон, вольготно развалившийся на моей кровати, подсказывал и ободрял, периодически показывая правильное исполнение заклинания на собственном примере. По комнате мельтешила уже стайка пестрых птиц, переливающихся самыми разными цветами сочных, чистых оттенков, и сейчас дракон сосредоточенно творил очередную. Сосредоточенно — потому что когда он колдовал расслабленно, я за ним категорически не успевала. И сейчас, пристально вглядываясь в его идеально-выверенные манипуляции и колебания магических потоков, я в уже примерно поняла, где ошибаюсь. Осталось только дождаться, пока Эйнар закончит схему, убедиться, что лажала я только в одном месте — и успешно повторить чары. Ошибка действительно была одна, убедилась я, когда Эйнар закончил работу и раскрыл пригоршни, выпуская в стаю пичуг новенькую. И снова я протянула к ней, похочей на драгоценность руку, надеясь, что она окажется покладистее всех предыдущих. Эйнар закинул руки за голову, и, посмеиваясь, наблюдал за моими попытками добыть сокровище, и когда вредная мелочь упорхнула из-под самых моих пальцев, в жалких миллиметрах до прикосновения, сжалился, и подозвал беглянку коротким движением.

Крохотная птица послушно подлетела и села на мой палец. Иллюзия была выполнена тончайше — плотная, осязаемая, она оставляла ощущение крохотных коготков на коже, и частого невесомого сердцебиения, перышки проминались и переливались под пальцем при поглаживании...

Вдоволь насмотревшись, я слегка подкинула драконью пичугу в воздух, отпуская, и, сосредоточившись, принялась за создание своей собственной.

Ну, что сказать... Почти удалось. Моя колибри, созданная по драконьей схеме, получилась в мельчайших подробностях, во всех деталях.

Только черная.

Изучив свое творенье, полностью черное, с радужными переливами на перьях, я со стоном прижала ладонь к лицу, признавая поражение. Подо мной трясся от беззвучного смеха дракон. Я со вздохом упала на него, уткнувшись лицом в широкую грудь, но тут же устыдилась и скатилась на постель. Дракон повозился, и одним движением подтащил меня повыше и к себе поближе, под бочок, и сунул в мне в руки бокал. Выдержанное вино щекотнуло нежным ароматом, обволокло теплом и оставило виноградное терпкое послевкусие.

Дракон сделал глоток из своего бокала, поставил его на вновь возникшую «полочку», и соединил пригоршни, готовясь выплетать новую иллюзию.

— Кстати, как так вышло, что вы живете одна? Первокурсники почти все живут парами. Я смотрел списки расселения — у вас была соседка.

— Сбежала, — доверительно призналась я. И также доверительно сообщила: — Меня тут не любят почему-то!

— Очень... неосмотрительно с их стороны! — попенял ректор, поудобнее устраиваясь на одной из двух моих подушек.

— Обижают? — спросил ректор будто про между прочим, безразличным тоном, закончив шептать в ладони.

— Куда им! — хмыкнула я.

— А вы их? — невинно уточнил дракон, огреб тычок локтем в ребро, дернулся — и очередная колибри, неудачно сорвавшись с пальцев, получилась с длинным светящимся хвостом.

Н-да, ректорское вино оказалось на редкость коварным! Иначе как объяснить, что кое-кто распустил язык? И локти...

Ректор рассмеялся, заставив меня проглотить сбивчивые извинения, и с явной неохотой встал. После второго раза одеться он так и не удосужился, и поэтому я теперь замороженно глазела на шикарную спину, красивые руки и сногшибательный зад. И оторвать от этого зрелища взгляд я не смогла, пока Эйнар не натянул белье. Потом стало легче — но картина все равно была сокрушительная.

Нет, природа драконам бессовестно подсуживала!

Темная ткань брюк скользила по сильным ногам, ремень, светлая рубаха, контрастная на фоне бронзовых плеч, щелчок пряжки ремня.

Когда Эйнар обулся, я встала проводить его до дверей, и уже собиралась открыть их, когда он, обернувшись, неожиданно взял мое лицо в руки, и после головокружительного, томительного поцелуя, прошептал мне в губы:

— В следующий раз я вам белладонну подарю!

С этими словами гад чешуйчатый выскользнул в коридор, а я осталась стоять, не зная — смеяться или злиться. Заперев двери на привычные заклинания, я заново поправила белье, воспользовалась очищающими чарами, и собралась раздеваться и спать. Потом вспомнила про недописанный вывод в практический вывод, и наоборот, стала одеваться, чтобы писать. Потом вспомнила, что на первом витке больше не учусь, ругнулась и стащила свеженадетую юбку и забралась под одеяло. Наведенная драконом иллюзия медленно таяла, но вместо проступающих привычных стена перед моими глазами стоял одевающийся дракон, спокойный, уверенный, восхитительный.

Нет, определенно, ректорское вино демонски коварное!

Глава 4

Проснулась я под яростный щебет.

О, Тьма, в присутствии ректора эти коварные твари были молчаливее!

Внутренние часы говорили, что я имею полное право спать еще час — и вообще, я сегодня легла поздно, а до этого много и тяжело трудилась, и должна бережнее, бережнее относиться к своему бедному-несчастному организму. Я перевернулась на живот, и накрыла голову подушкой. Лучше не стало — назойливый гомон проникал и туда. И, кажется, еще и приблизился.

Расслабив все тело, я сделала вид, что крепко-прикрепко сплю — и когда источник звука приблизился, стремительным прыжком взлетела на ноги, одновременно взмахнув подушкой...

Стая порскнула врассыпную, но вместо того, чтобы затаиться, в ответ на мой бросок разразилась и вовсе непристойным ором, на все корки костеря меня на своем птичьем языке. Подушка полетела в обнаглевших красавиц — и рухнула на письменный стол, не причинив им вреда, зато опрокинув чернильницу, а к птичьей ругани добавилась еще и человеческая отборная брань. Кое-как удалив чернила с подушки, двух письменных работ, стопки учебников и письменного стола, я призадумалась. Зверски хотелось есть.

А что? Я вчера вечером много и тяжело работала!

На границе реального и потустороннего, живущей в моем сознании, отчетливо зафыркали. К сожалению, до завтрака оставалось еще полтора часа, а в моей комнате было съедобным было только ректорское вино и его же крокусы — но и то, и другое, употреблять с утра было бы верхом неосмотрительности. Тяжко вздохнув о суровости и несправедливости жизни, я убрала в комнате, собрала и почистила вещи, собрала в одну стопку все учебники, а между делами пару раз попыталась развезть ректорский птичник. Получалось — но по одной штучке, а одну штучку, перед развейванием, еще отлавливать приходилось. И, мать моя, Тьма Предвечная, как же они при этом орали!

А тут еще бывшая соседка некстати явилась за какой-то забытой вещью, и очень удивилась, когда я не дала ей войти в комнату. Она бы еще не так удивилась, если бы я ей это позволила! Так что в итоге, к ректору я пришла в крайне — можно даже сказать, в бескрайне! — воинственном настроении.

— Адептка Тереса Давир? — уточнил у меня после обмена приветствиями ректорский секретарь, человеческий маг изрядно в годах.

— Да, почтенный, — я вежливо склонила голову набок.

— Ректор сейчас несколько занят, — ответив на мой кивок, продолжил секретарь, и вытащил из стопки бумаг перед собой несколько листков. — Вот, заполните пока по образцу.

Прошение о переводе с витка на виток, прошение о предоставлении индивидуальной комнаты, положенной всем адептам с четвертого витка обучения включительно. Как хорошо, что моя соседка от меня уже сбежала!

Заявление о переводе, которое мне предстояло заполнить, пришлось как нельзя кстати.

Настроение у меня было самое боевое, и пусть подумать о выборе специализации мне было некогда, но переписывая строчки заявления с образца, я не колебалась ни мгновения.

Боевое настроение не должно пропадать даром!

Боевое настроение пропало, как только я вошла в кабинет ректора. Он сидел, склонившись над столом, строгий камзол, бронзовые волосы, собранные в сложную косу, перо стремительно чиркало по развернутому свитку. Мучительное томление разлилось тягучей волной от низа живота к груди, по шее, свело затылок, помнящий властное прикосновение крепкой ладони...

Я на миг прикрыла глаза, сгоня наваждение, и подала свои заявления.

И, глядя на нахмурившееся лицо дракона, думала — вот зачем мне непременно надо было уязвить? Ну, колибри. Ну, разбудили. Могла бы к алхимикам пойти. Или вот к артефакторам еще.

Хотя к артефакторам, пожалуй, лучше не надо — старая Альба Ривад за голову хваталась, пытаюсь передать внучке свои немалые умения, и клялась, что у нее последние волосы в седину перешли от моего антиталанта.

Ну, что поделаешь — с артефактами у меня хронически не вытанцовывалось, что не мое — то не мое. А с алхимиками могли бы и поладить...

— ...Боевая магия? Боевая! Тереса! Я же просил вас! Я же объяснял! Боевая магия — это слишком опасно! — обреченно выговаривал ректор Эйнар.

На этих словах там, на незримой грани, существующей лишь внутри моего сознания, на той грани, где постоянно и неумолчно звучал тихий шепот нездешних, недоступных голосов, воцарилось недоверчивое молчание. Там, на грани между жизнью и смертью, обитали те, кто считал, что опаснее хорошо обученного темного мага из старого рода нет ничего, и заявление чешуйчатого об опасности для меня боевой магии встретили с легким недоумением и чувством собственного превосходства.

Я, если честно, была с предками вполне согласна.

Но у данного конкретного чешуйчатого были достаточно веские аргументы — укор в янтарных глазах и четкий контур пленительных губ.

— Я буду толковым боевым магом! — вклинилась я в драконье негодование.

— Не сомневаюсь! — едко откликнулся ректор.

Я смотрела на сердитого Эйнара, объясняющего, что боевики бывают либо толковыми, либо мертвыми, и была бесконечно далека мыслями от ужасов боевой магии. В конце концов, про темных магов можно сказать то же самое, а ректор, уходя вчера ночью, сказал — «в следующий раз». И у сомнительных рисков боевого обучения не было ни малейших шансов вытеснить из моей головы эту мысль.

— Тереса, я сейчас с вами не как ваш ректор говорю, и даже не как ваш любовник. Я говорю, как разумное существо, прожившее гораздо больше лет — оставьте вы эту затею. Выберите другую специализацию.

Не знаю, какого эффекта собирался добиться этим заявлением Эйнара — я уже после слов «ваш любовник» с трудом удерживала деловое выражение лица. Губы пытались расплыться в самовольной улыбке, и дурацкая голова норовила счастливо закружиться.

— К целителям не пойду! — услышала я свой голос словно со стороны.

— Да, я уже и сам вижу, что так будет лучше и для вас, и для целителей! — съехидничал дракон.

— Это вы еще пациентов не вспомнили! — я не упустила случая поддакнуть.

Дракон проглотил неуместный смешок, и сдался:

— Небо с вами, адептка Тереса. Я по-прежнему считаю, что у темных магов вас ничему не научат, и вы так и будете спать на занятиях с открытыми глазами...

— Я не!..

Да-да, наставник Инголф все видит, что бы вы там не думали! — прервал мои отпирательства ректор. — Но, если вы хотите, я переведу вас к темным.

Я удивленно уставилась на ректора — кто-то еще вчера был категорически против, и вообще... Потом прислушалась к себе, и с удивлением поняла, что нет, не хочу! Не хочу еще четыре года тарашиться пустым взором в стену, когда остальные будут увлеченно изучать что-то новое.

Эйнар понял се по моему лицу, и мне осталось лишь извиняюще пожать плечами:

— Ну, раз уж я всё равно явилась в Академию семи ветров, то можно бы чему-нибудь и поучиться, верно ведь?

Дракон обреченно прижал ладонь к лицу, словно признавая — она безнадежна, потом обмакнул перо в чернильницу и двумя стремительными витиеватыми росчерками подписал оба моих заявления.

А потом внезапно оказался не за своим столом, а рядом со мной:

— За первую же травму — выпорю. Это я вам как ваш любовник говорю!

И с этими словами ректор обхватил мое лицо ладонями, и поцеловал. Его язык скользнул ко мне в рот, легко коснулся моего языка раз, другой, влажно, горячо заскользил внутри, рождая невыносимое желание, заполняя меня жаром...

Из ректорского кабинета я выходила на деревянных ногах и с ощущением влаги между ног.

Все-таки, я умница, и специализацию себе выбрала отличную!

К боевикам четвертого витка обучения я пришла ко второй второй лекции — после посещения ректора, деканата и библиотеки. Первую сожрали драконы и бюрократия.

— И, если кто-нибудь из вас еще раз посмеет обнести академическую оранжевую, я лично, слышите вы, лично, испепелю мерзавца, а все его одноклассники будут сдавать травологию до самого падения Небес! — бесновалась возле доски аловолосая драконица, сверкая на всю аудиторию полосами алой чешуи на лице и шее и острейшими когтями вместо ногтей, отгеснив за кафедру стушевавшегося преподавателя.

В первый момент я подумала, что ошиблась — даже выглянула за дверь, чтобы убедиться, куда я попала. «Кабинет общей и боевой заклинательной магии» гласила табличка на ней, и я вынуждена была признать, что попала, куда и собиралась, и теперь мялась на входе, не желая лезть в эпицентр скандала. Эффектная наставница не вызывала желания ее прерывать.

Гневную даму я несколько раз видела в коридорах, и знала, что она преподает что-то растительное, но занятий с ней у адептов первого витка еще не было, и оттого чести быть с ней знакомой я не имела. И, право слово, сейчас бы не лучший момент, чтобы это исправлять!

Но наставник боевиков рассудил иначе, и радостно воспользовался возможностью вклиниться в диалог алой:

— Вы что-то хотели, адептка?..

— Тереса Давир! — бодро отрапортовала я, — Переведена в группу 43Б распоряжением ректора Эйнара!

— Да-да, проходите, давайте ваши бумаги! Наставница Адамина, у вас всё? Тогда, с вашего позволения, мы продолжим занятие!

Драконница воинственно развернулась (черные юбки взметнулись, алый корсаж сверкнул черной вышивкой), и поплыла к выходу гордо подняв голову. Я скромно посторонилась, давая дорогу наставнице, всем своим видом показывая, что уж я-то — приличная девушка, у которой просто неоткуда взяться ворованным крокусам.

У дверей наставница обернулась, обвела прижавших головы магов тяжелым взглядом:

— Смотрите! Если я только узнаю... — и вышла.

А я подумала, хорошо всё же, что у меня в комнате сидит призванный Пожиратель. Если вдруг зайвится на наш этаж наставница Адамина с досмотром (а я почему-то не сомневалась, что алая может), то авось и не прорвется еще!

Теперь, когда непосредственная угроза здоровью, а может даже, и жизни всех присутствующих была устранена, всеобщее внимание обратилось на меня. Я подошла к наставнику, чей цвет кожи отдавал нездоровой голубизной, а глаза были не желтыми, как у большинства драконов, а рубиново-красными, и продемонстрировала ему бумаги о переводе. Он едва глянул на них, куда больше уделив внимание моей скромной персоне от смоляной макушки до простенькой вышивки по краю подола. Взгляд не был скептическим или недоумевающим, просто — оценивающим.

— Меня зовут Ивар, останетесь после занятия на краткий инструктаж. Я не задержу надолго, на следующий класс вы успеете. Присаживайтесь, адептка Давир.

Я кивнула и послушно заняла одну из первых, пустующих, парт — адепты традиционно жались подальше от грозных наставничьих очей. Любопытные взгляды новоиспеченных сокурсников сверлили спину. Большинство из них принадлежали парням, но я заметила в аудитории и пару кос, что уже было много. Боевой факультет, вот странность, популярностью среди представительниц прекрасного пола не пользовался...

— Адепты, адепты, — наставник Ивар щелкнул пальцами. — Внимание на меня. С адепткой Давир у вас еще будет возможность познакомиться, а вот второй раз услышать про основы построения воздушных щитов — вряд ли, я не люблю повторяться. И если кто-то на практикуме мне потом не продемонстрирует всю глубину своих теоретических познаний, то вылетит с факультета и отправится искать себя на другом поприще. Боевой маг бывает либо толковый, либо мертвый, нам в академии трупы не нужны.

Я улыбнулась себе под нос уже раз услышанной присказке, а еще больше тому — кем и как она была сказана, и вооружилась пером, приготовившись проникаться боевой мудростью. Основ построения воздушных щитов я и впрямь не знала — мы пользовались темными, а в удачных местах еще некротическими, они были мощнее.

После занятия, собрав писчие принадлежности в сумку, я прилежно подошла к преподавательскому столу.

— Во-первых, форма одежды, — дракон даже не стал дожидаться, пока все адепты покинут аудиторию, и заговорил, не поднимая головы от внимательного изучения каких-то своих свитков. — На теорию — как вам угодно. На практические занятия — только брюки. Волосы — в пучок. Сапоги — без каблука. На время занятия выдается заговоренная кольчужная рубашка. Вы можете, если желаете, пользоваться артефактами, но только защитными или усилительными, при этом никаких агрессивно-защитных, никаких атакующих. Это понятно?

— Понятно, наставник Ивар.

По поводу последнего пункта я испытала облегчение — расставаться с «драконьим глазом» не хотелось, а к классу агрессивных он явно не относился. Если, конечно, не считать агрессией злющего дракона, который вывалится из портала в случае, если моей жизни будет угрожать опасность. А в том, что он обязательно вывалится — я сейчас не сомневалась.

— Прекрасно. Во-вторых, найдете меня после занятий в деканате, я дам вам список тем, изученных за те недели, что вы протирали юбки на первом витке. На сокращение разрыва с другими адептами вам дается две недели. Если не успеете — переводитесь на другой факультет. Если вам необходима помощь с освоением этого материала, вы можете смело обращаться за ней ко мне или к наставнику Ульффу в любое время.

Получив мой согласный кивок в подтверждение того, что его слова были услышаны, дракон закончил:

— И в-третьих, я предупреждаю об этом всех adeptок выбирающих мой факультет — не ждите поблажек. Ни от наставников, ни от своих соучеников. Никто не будет к вам намеренно придирааться, но и делать скидку на ваш прекрасный пол — тоже никто не будет.

Я едва сдержала возмущенное фырканье — сдались мне ваши скидки! Свою шкуру берегите! А наставник, окончательно оторвался от бумаг и посмотрел мне в глаза:

— В таком случае, можете быть свободны. Увидимся на практике во второй половине дня. До той поры будьте любезны раздобыть соответствующую одежду.

Я кивнула в третий раз и, поправив сумку на плече, вышла из аудитории. Что ж, по крайней мере, скучать мне тут точно не придется!

Вечером, вернувшись после ужина в свою, отвоеванную у деканата комнатку (ну, правда, зачем меня переезжать, если я и так живу одна!), я закрыла за собой дверь и привалилась к ней спиной, опершись затылком на гладкое дерево. Напомните-ка мне, Тереса Ривад, великая и непобедимая, зачем вам сдались боевики?..

Тело ненавязчиво ныло — занятия на боевом факультете включали в себя ежедневную физподготовку. И не сказать, чтобы она была столь уж выматывающей, но не сказать и что я к таким нагрузкам привыкла! Впрочем, руки-ноги не отваливаются и то хорошо.

Зато порадовал список изученных соучениками тем, предоставленный наставником Иваром. До четвертого витка все adeptы изучали одно и то же — общую магию и, совсем немного, основы специализированных направлений, чтобы понять, к чему лежит душа. По общей магии мой уровень в принципе опережал даже выпускников, а в том, что касается специализации, несколько тем однозначно были уже знакомы, так что нагнать оставшееся за две недели не составит никакого труда. Надо только собраться, сесть и...

Я с задумчивым видом покосилась на заманчиво накрытую покрывалом постель, мою славную, двуспальную постельку, в которой так сладко лежать, раскинувшись звездочкой, как мне в затылок — вообще в дверь, но мне показалось, прямо в затылок — постучали.

Я оскорбленно потеряла пострадавшую часть тела и открыла дверь.

Первым, что я увидела, был куст. Крупный куст. Темно-зеленые мохнатые листочки и цветы-колокольчики с темно-бордовой серединой и нежно-кремовыми лепестками, пронизанными такими же бордовыми прожилками. Снизу куста был горшок, который сжимали две широкие ручищи, а сверху — донельзя довольный собой Эйнар.

Я обреченно закатила глаза, пряча рвущийся наружу смех, и посторонилась, пропуская ректора с белладонной в комнату.

— Вам не стыдно грабить оранжерею наставницы Адамины?

— Я ректор и юридически вся академия относится к зоне моей ответственности, а значит, это и моя оранжерея, — ухмыльнулся дракон, пристраивая горшок на столе рядом с крокусами.

— Что-то мне подсказывает, что наставница с вами не согласится... — пробормотала я себе под нос, подходя ближе и поворачивая горшок той стороной, где цветов было больше всего. Мои пальцы ненавязчиво задели руки дракона, все еще лежащие поверх глиняных боков, и по телу пробежала теплая волна предвкушения, разгоняя кровь, и выталкивая из головы все мысли о недавней немогости.

— Поэтому я и не стал ее спрашивать. Чтобы у нее не было возможности со мной не соглашаться! — Эйнар выпустил горшок, и сильные пальцы тут же сомкнулись на моей талии, с легкостью приподнимая вверх и усаживая на стол рядом с цветком.

Я положила ладони на широкие плечи и погладила выпуклую причудливую вышивку на плотной ткани, опустив ресницы и внезапно немного робея под жгучим янтарным взглядом. Дракон склонился ко мне, но неожиданно вместо губ, коснулся поцелуем щеки, нежной кожи возле самого уха. Невесомо и до невозможности щекотно.

— Как прошел первый день на боевом отделении? — хрипловатым голосом спросил Эйнар.

Драконьи зубы легонько куснули меня за нижнюю губу, потом по ней прошелся шершавый язык, раз, другой... Крепкая рука властно ухватила меня за затылок, заставив запрокинуть голову, и язык скользнул в рот.

Я всхлипнула и слабо застонала, ощущая ласкающие движения. Голова пошла кругом, воздуха не хватало.

Дракон отстранился, и я еще некоторое время пыталась вспомнить, где я и кто я.

Ух ты!

Вот это поцелуй!

Отдышавшись, я вспомнила, что язык у разумных не только для того, чтобы целоваться, уточнила:

— Так какой там был вопрос?

— Насущный! — внушительно отозвался ректор, и дернул мою рубашку вверх, из-под пояса свободных штанов. Руки с проступившей на фалангах чешуей скользнули под слои плотной ткани.

Шершавые ладони погладили кожу, заставляя ее покрыться мурашками, большие пальцы обвели выемку пупка, мазнули по ребрам, упрямо подбираясь под корсаж, но цели не достигли — и выскользнули. Только для того, чтобы распушить шнуровку блузки на груди и проникнуть под белый хлопок.

Я прогнулась в спине, подставляя умелым рукам грудь, наслаждаясь ощущением. Кожа к коже, без преград. Чуткие пальцы делали то, чего мне больше всего хотелось — пусть даже я сама этого не понимала. Сминали, гладили, пощипывали. И снова сминали гладкие полушария в требовательной, властной ласке.

Я беспокойно заерзала на столе, изнемогая, желая прижаться, притереться еще ближе. Пальцы сами собой зарылись в бронзовые пряди, распуская косу, перебирая гладкие тяжелые волосы, сжимая в кулак и наслаждаясь ощущением какой-то... силы. Маленькой женской власти.

— Как. Прошел. Первый день. На боевом. Отделении? — внятно повторил вопрос Эйнар, и, пока я тарасилась на него бессмысленным взглядом, пытаюсь сообразить, что означают эти нелепые, неуместные звуки, наклонился — и куснул меня за грудь.

Прямо сквозь ткань.

Мой мозг, и так пребывавший уже в изрядно размягченном состоянии, окончательно разжижился и стек в промежность.

— Ну же, адептка Тереса, соберитесь! — укорил меня Эйнар.

Голос его звучал глубоко, гортанно, и отзывался во мне сладкой предвкушающей дрожью, но даже официоз обращения не мог вернуть мне сейчас возможность ясно мыслить.

Га-а-ад! Какой же гад, подумала я, сладко прогибаясь ему навстречу, когда мерзавец переключился на вторую грудь, прикусывая теперь довольно ощутимо. Каждый болезненный укус отзывался острым удовольствием там, где сосредотачивалась моя женственность.

Я выпустила косу, и волосы змеей выскользнули из ослабевшей ладони, рассыпавшись по плечам. Мои пальцы сами собой, уже куда проворнее, чем в прошлый раз, пробежались по пуговицам, открывая доступ к горячему драконьему телу, и когда мои ладошки легли на твердую грудь, Эйнар хрипло выдохнул и с силой провел по моим бедрам, обтянутым штанинами.

— Вот поэтому я был против боевого факультета!

Я хихикнула, припала к его губам, не разрывая поцелуй стекла со стола, тут же ощутив тяжелые ладони на ягодицах, и в этот момент раздался громкий стук в дверь.

Мы оба застыли, будто нас огрело оглушающим заклинанием, и, кажется, даже перестали дышать.

Стук настойчиво повторился. А следом за ним раздался громкий мужской голос:

— Тереса, это Саймон. Наставник Ивар должен был предупредить вас, что я зайду.

Я тихо застонала и обреченно ткнулась лбом в драконью грудь. Не-ет. Староста! Конспекты! Нагон отставания! Я забы-ы-ыла...

— Тереса?

— Может быть, вас здесь нет? — шепотом предложил наставник и между прочим ректор, серьезный многосотлетний дракон.

— Но я есть! — прошипела я в ответ, чувствуя, как весь томный настрой стремительно улетучивается.

— Тереса! — чего-чего, а настойчивости старосте было не занимать. Любой другой уже ушел бы, а он стоит и упрямо ломится в запертую дверь.

Еще немного, и он прошибет ее лбом, а у меня тут дракон и ворованная флора. Ладно, флору можно накрыть заклинанием. А дракона? На движущиеся объекты его накладывать рискованно. Может в шкаф?..

Я метнула взгляд в угол, потом на Эйнара, и вынуждена была то ли с сожалением, то ли с некоторым самодовольством признать, что в шкаф дракон не влезет.

— Тереса!

— Минуточку! — обреченно пискнула я, только чтобы заставить наконец этого неугомонного заткнуться.

Эйнар недовольно фыркнул и мотнул головой. Бронзовая шевелюра сверкнула мягкими бликами, как и проступившая на скулах чешуя. Красиво...

Так, а если под кровать?..

— Тереса! — на этот раз мои имя, произнесенное грозным шепотом, прозвучало по эту сторону двери. — Прекратите так многозначительно примерять на меня все предметы интерьера! Я просто выйду под отводом глаз, пока будет открыта дверь.

Несколькими торопливыми пассажами я превратила беладонну в розовый куст, сунула крокусы под кровать, растерянно огляделась, пытаюсь сообразить, что еще могло выдать пребывание в моей комнате неурочного гостя, и дракон, закатив глаза, лично затянул и завязал шнурок ворота почти полностью открывшей грудь блузки.

Низ я, смутившись, заправила сама и вскинула голову.

Совершенно гипнотические драконьи глаза смотрели на меня так, что мне хотелось выставить за дверь пожирателя, а не ректора. И пусть староста Саймон тренирует свои боевые навыки, раз ему, кроме учебы, вечером заняться больше нечем. Желание это усилили ладони, легшие на талию и притянувшие вплотную к могучему телу, заставив ощутить всю силу неудовлетворенного мужского желания. А жесткие губы, накрывшие мои властным поцелуем, едва окончательно не лишили рассудка, но ректор все же был ректором и ставил знания адептов выше удовлетворения собственных (и в данном конкретном случае, между прочим, и адептских!) нужд.

Поэтому он отстранился, сорвав с моих губ полный сожаления стон, ухмыльнулся, и исчез, растворившись в воздухе будто его и не было. Виртуозное владение оптическими чарами все же. Вир-ту-оз-но-е.

Я вздохнула по несбыточному — наслаждению и мастерству — и поплелась открывать дверь. Староста Саймон — высокий, худощавый и белобрысый, как большинство велибарцев, с хищным орлиным носом и недовольным изгибом рта (что-то мне подсказывало, что это черта не наследственная, а приобретенная за последние пять минут...) — посмотрел на меня с укором, не торопясь заходить. И продолжая загораживать проход, несмотря на широко распахнутую дверь.

— Ну, чего застыл? — не слишком приветливо спросила я дверное препятствие. И пока парень набирал воздуха в легкие, чтобы обрушить на меня свой сокрушающий (хаха!) гнев, буркнула: — Я одевалась.

Саймон выдохнул, и шагнул в мою комнату с таким лицом, будто оказывал мне величайшее одолжение.

Вообще-то, я была неправа, и, да, оказывал — только я его ни о чем не просила, так что все счета — к декану. А я особой благодарности к нему сейчас испытывать не могла категорически!

— Нет, дверь не закрывай, — опередила я действие старосты. И на его удивленный взгляд пояснила, — Саймон, я не останусь с посторонним молодым мужчиной при закрытых дверях. Тебе, положим, я вполне доверяю, но соседки... Они на пустом месте такое придумают...

Саймон понимающе кивнул и во взгляде его появилось даже нечто, отдаленно похожее на уважение. А я в тот момент могла думать только о том, покинул уже ректор мою комнату или нет? От одной только мысли о том, чего я сегодня лишилась, хотелось вытолкнуть старосту вон. А Эйнару, наверное, было еще обиднее. Старался, белладонну воровал... и на тебе! ...впрочем, дракон и сам виноват! Надо было по-быстрому того-этого, а не игрища устраивать и дурацкие вопросы задавать. Я вот совершенно не возражала бы...

Ну, и будет теперь ходить голодный!

А если не будет?..

А-а-а-а!

Мысль была такой внезапной, острой, что я с трудом задавила внутреннюю панику.

Боги-боги-боги, что делать, что делать?! Надо же что-то делать!..

На границе здешнего и потустороннего в кои-то веки молчали, но молчали настолько ехидно, что сомневаться в точке зрения предков не приходилось.

Пройдя к моему столу, староста, не подозревающий о моих внутренних метаниях, сбросил с плеча сумку на пол, потянул к себе выданные наставником конспекты, и, бегло просматривая их, оседлал стул, развернув его другой рукой задом наперед.

— Значит, так. Делаем вот что: я читаю тебе название темы, ты рассказываешь мне все, что по теме знаешь. Если можешь выполнить заклинание — выполняешь. К концу вечера мы определимся, с чем ты справишься сама, чему следует уделить дополнительное внимание, по каким вопросам понадобится помощь наставника...

Кое как отогнав видения, от которых зрение заволакивала красная пелена, я сосредоточилась на словах Саймона.

Его предложение звучало вполне разумно. Я кивнула, повернулась к столу, но успела отследить боковым зрением неясную тень, качнувшуюся на выход, и ощутила щекой ласковое прикосновение сквозняка, подозрительно напоминающее поцелуй.

От сердца отлегло.

Остаток вечера мы со старостой вполне плодотворно поработали, установив, что по теоретической части мне предстоит наверстать примерно треть материала, а по практической части — гораздо больше, но усваивала я заклинания легко, сегодняшний щит выполнила уверенно, и перспективы выглядели вполне прилично. Пожалуй, за предоставленные две недели я успею наверстать недостающее, даже не особенно напрягаясь — останется время и на личные дела...

Глупо было надеяться, что Эйнар будет караулить за дверью до того самого момента, пока Саймон не уйдет, чтобы продолжить начатое. Я и не надеялась. Но все равно, укладываясь в постель и закрывая глаза, испытала легкий укол неудовлетворенного разочарования.

Глава 5

А личные дела мои включали в себя далеко не только визиты многоуважаемого ректора, который и следующим вечером меня своим присутствием не почтил. Вернувшись с дополнительного занятия с Саймоном, на этот раз практического, я села готовить теоретическую часть, поминутно ожидая стука в дверь, но так и не дождалась. Досадливо фыркнув на вновь красующуюся на моем столе белладонну, я запретила себе думать о всяких чешуйчатых гадах и, дождавшись наступления темноты, снова отправилась на кладбище. Воспоминания о покореженной границе имения Ривад не давали мне покоя, и я должна была убедиться, что кто бы ни пытался проникнуть на мои земли, он оставил свои попытки и убрался по добру по здорову.

В прошлый раз легко скользнуть сознанием за многие-многие километры мне помог обряд памяти и сила всех призванных предков за спиной. В этот раз требовалось кое-что другое. Установив четыре толстые ритуальные свечи по сторонам света, я заклинанием зажгла в них огонь, взяла в руки четки с гладкими, как галька, выбеленными, почти сияющими в темноте позвонками и, перебирая их, принялась молча произносить формулу призыва, лишь едва шевеля губами.

Одна из могил — та, от которой остался лишь едва заметный холмик, поросший травой, самая старая могила на кладбище — вздулась горбом. Наружу показалась сначала острая длинная морда с кривыми, торчащими во все стороны клыками, будто их было так много, что они не убирались в пасть. Потом — лобастая голова-череп с бездонными провалами глазниц. Потом — гибкий, хищный скелет, обтянутый прозрачной кожей. И, наконец, длинный шипастый хвост. Призрачный шакал встряхнулся, скидывая с себя комья влажной земли, вскинул голову к звездам и издал высокий скулящий вопль, к счастью, слышный только за гранью.

За этот вопль их и называли шакалами, хотя среди некромантов, эти твари куда чаще выполняли роль ездовых лошадок, благодаря способности за скромную плату увезти дух призывающего в любое место на планете.

Я бросила твари огромный шмат мяса, купленный в Тилбери еще неделю назад и сохраненный под чарами для подобной надобности. И шакал, смачно облизываясь, с чавканьем его умял.

После чего позволил взгромоздиться на костлявую, ужасно неудобную спину и обхватить себя руками за шею, и, повинувшись, мысленному приказу, рванул с места, выдергивая мое сознание из ставшей ненужной сейчас телесной оболочки.

Тело в черном балахоне повалилось на траву, а сознание уже мчалось вне времени и пространства туда, где покоились кости членов рода Ривад.

Границу снова атаковали. И, несмотря на сюрпризы, оставленные мной в прошлый раз, падкий до родовых сокровищ маг, ушел живым. Я это знала, чувствовала. В этот раз он действовал осторожнее, словно искал уязвимые места в защите, которую на протяжении несколько сотен лет ковали несколько десятков магов. Ха. Если бы он повторно явился сюда с армией, может, у него и были бы шансы. А в одиночку... если не получилось первый раз, уже и не получится. Но, надо отдать должное — тип упорный.

Я снова подновила заклинания, будто заботливой рукой стряхнула пыль с мебели пустующего поместья, и сделала то, что не сообразила сделать в прошлый раз — установила на границу сигнальные маячки. В следующий раз, если этот неизвестный воришка снова попытается вгрызться в защиту, я узнаю. И, возможно, успею примчаться, чтобы выяснить, кто же это такой.

Хор предков поддержал — им тоже категорически не нравились всякие проходимцы с претензиями на наследие темного рода.

Закончив, я снова вскочила на спину шакала, окружающая обстановка знакомо смазалась, превращаясь в круговерть звезд безвременья, а буквально через секунду в ушах громко шелкнуло, будто кнутом, и меня вышвырнуло из «седла».

Шакал с воем улетел в одну сторону, я в другую. Мир, к счастью, нематериальный, закружился, я с трудом остановила это верчение, зависнув в воздухе. Толком еще не понимая, что произошло, я свистнула, подзывая шакала, но прежде, чем успела даже снова вцепиться в его загривок, в безвременье шагнула высокая фигура в темном балахоне, держащая в руке сияющий разрядами молнии энергетический кнут.

Еще шелчок, и кнут врезался в выставленный темный щит.

Шакал, издав очередной визгливый вопль бросился на обидчика, но снова был отброшен ударом. Десяток дымных копий вспорол щиты отвлекшегося мага, темный смерч закружил, отбрасывая в сторону, а сверху рухнул молот Богини Смерти — связка, отработанная до того, что мне не пришлось даже думать, чтобы ее воспроизвести. Но противник успел откатиться в сторону, в последний момент избежав смертельного удара. Снова вскочил на ноги и новую связку заклинаний встретили новые щиты.

В ушах звенел хор голосов. Сила рода за моими плечами медленно разворачивалась всей своей несокрушимой мощью, которая готова была смести человечешку, вздумавшего ей противостоять, с лица земли. То один голос, то другой, шепча на ухо, подсказывал верное действие, и маг медленно отступал под градом ударов, ошеломленный обрушившейся на него лавиной...

Короткий панический визг на периферии сознания заставил выпустить из рук очередное заклинание и судорожно оглядеться, чтобы понять — вокруг незаметно выстраивалась полусферой огромная ментальная клеть. Маг плел ее незаметно, делая вид, что весь сосредоточен на отражении моих ударов. И почти успел закончить — еще несколько мгновений и она сомкнулась бы за моей спиной, отрезая от возможности когда-либо вернуться в свое тело, запирая в безвременье. Если бы не предупреждение прапрабабки, в честь которой меня назвали, я бы бездарно попала.

Яростно рыкнув сквозь стиснутые зубы, я вскочила на жмущегося ко мне шакала и рванула прочь, едва успев вырваться за пределы сомкнувшейся клетки и тут же почувствовала, как все волоски на теле встали дыбом, потому что следом за мной из клетки вылетело необратимое. Выругавшись сквозь зубы, я по привычке сжала пятками бока шакала, будто хотела прищипорить, забыв, что призванный — не лошадь.

Я не могла колдовать на ходу, не здесь. Если я выпущу шакалью шею, он остановится, а останавливаться было нельзя ни в коем случае. Необратимое надвигалось неумолимо, уже почти хватая шакала за хвост. И мне казалось, что я задыхаюсь от нависшей надо мной угрозы. Быстрее, быстрее, быстрее.

Зажмурившись, я потянулась к Академии всеми фибрами души, всеми мыслями, всеми чувствами, всем сознанием, чувствуя, как мертвенный лед необратимого уже касается спины, готовясь уничтожить мой дух...

И с огромным изумлением ощутила, как академия отозвалась. В лицо пахнуло теплым, меня сдернуло со спины шакала, вырывая из почти сомкнувшегося смертельного кольца, и с жутким хрипом я выгнулась всем телом, распахивая глаза, перед которыми возникло не смазанное свечение безвременья, а темное ночное небо с крапинками звезд.

Долго любоваться звездами мне не пришлось, почти сразу их заслонили две золотые луны — драконьи глаза, а потом мир в принципе померк — потому что моя голова безвольно ткнулась в крепкое плечо.

Чувствительность возвращалась постепенно. И я осознала, что лежу уже не на земле, а в драконьих объятиях. Что меня трясет крупной дрожью, так, что аж зубы клацают, но не от страха, и не от резкого возвращения в тело — а от того, что необратимое все же успело чуть-чуть коснуться. И теперь Эйнар, безжалостно вспоровший и разметавший все охранные заклинания, которыми было окружено мое тело, сгреб его в охапку и колдует. И магия дракона растекается по венам раскаленной лавой, выжигая ледяной след прикосновения, не позволяя ему проникнуть глубже в кровь и засесть ядовитой занозой, отравляющей кровь.

Я, наверное, могла бы и сама это сделать — стиснула бы зубы, собралась и смогла. В конце концов, это неприятно, но не смертельно, по крайней мере, на краткосрочную перспективу. Но расслабиться, успокоиться и отдышаться в сильных объятиях, пока кто-то другой заботится обо всем этом, было куда приятнее.

...а «драконий глаз»-то работает. Эйнар почувствовал и пришел...

И от этого на душе тоже делалось легко-легко.

Я осторожно, с усилием, практически по одному, разжала судорожно вцепившиеся в драконью рубашку, скрюченные пальцы, когда жар заклинания угас, оставив после себя уютное тепло и сонную негу. Глаза слипались и ужасно хотелось так и задремать на руках у дракона, будто младенец в колыбели. Но серьезный, наверное, даже суровый голос, прозвучавший над ухом, выдернул из этой сладкой дремы, заставляя встрепенуться.

— Не делай так больше.

Я вскинулась возмущенно, разом взбодрившись. Кровь вскипела, разбуженная нападением ярость выиграла, рот сам собой открылся для резкой отповеди — мол, сама решу, что мне делать, а что нет, и не позволю никаким там драконам указывать Тересе Темной из рода Ривад!

— Не делай так больше одна, — уточнил ректор, спокойно глядя в мои пылающие глаза.

Раздувшийся за мгновение до невероятных размеров гнев лопнул как мыльный пузырь.

Наверное, он понял. Не все — но очень-очень многое. Тяжело не понять, когда все вокруг кричит о свершившемся ритуале призыва такого уровня, который в академии даже не изучают, наверное. Да еще и без жертвы, без крови — таких нужных подпорок, когда не хватает сил, или практики, или знаний. Когда приходится взламывать многослойные щиты с филигранно встроенным в них отводом глаз. Если бы не амулет, он ведь даже не увидел бы меня на этом кладбище — о сохранности тела, пока душа путешествует, я умела позаботиться — спасибо предкам за науку...

Наверное, только сейчас он до конца воспринял всерьез мою просьбу о защите и со всей серьезностью теперь и собирался к ней отнестись.

И, прислушавшись к себе, я поняла, что никаких кардинальных возражений на этот счет у меня не имеется. Даже наоборот. Вокруг всегда была моя семья — моя опора, и только сейчас, впервые за долгое время вновь ощутив чью-то поддержку, помощь, я поняла, как мне этого не хватало. Мне вовсе не нужно было перекладывать свои проблемы на чужую голову, но знать, что в трудную минуту кто-то может подпереть плечом, было важно.

Я кивнула и, обвив руками драконью шею, прильнула к нему всем телом, почти сразу ощутив на губах горячее дыхание, а следом — обжигающий поцелуй. Обнаженное тело под свободной тканью балахона тут же заныло. Дракон сжал меня сильнее, губы скользнули вниз, по запрокинутой шее, целуя, посасывая, прикусывая, почти наверняка оставляя на нежной коже следы, которые не исчезнут так просто. Ладони гладили меня по спине, вдавливали в сильное тело, и я тихо постанывала, терлась грудью о грубую ткань, сжимала каменные мышцы плеч, ерзала, пытаясь притереться теснее и ждала, что вот-вот меня опрокинут назад, задерут подол

мешающего балахона и возьмут одним движением, наполняя до конца. И от одной только мысли этой — жаркой, непристойной — внутри все горело и почти болезненно сжималось. Эйнар сжал пальцами мою талию и с усилием отстранился.

Я смотрела на него, тяжело дыша, недоуменно хлопая ресницами — такого красивого, такого великолепного, а он смотрел на меня и в янтарных глазах пылало драконье пламя, которое совершенно не вязалось с тем, что произнесли потом безжалостно красивые губы:

— Надо возвращаться в академию. Вам стоит отдохнуть.

Отдохнуть?.. Отдохнуть?! Он издевается?!

Дракон поднялся — прямо как был, со мной на руках — и осторожно поставил меня на землю. Холодная трава неприятно коснулась босых пяток. Колени почему-то подрагивали и хотелось продолжать цепляться за дракона, как за канат во время шторма на море, но я поджала губы и непреклонно выпустила опору, делая вид, что не очень-то она мне и нужна.

Отдохнуть... ха!

Я отошла туда, где на земле были ровной стопкой сложены мои вещи и, демонстративно не обращая больше на Эйнара ни малейшего внимания, скинула ритуальное одеяние и принялась одеваться. Руки дрожали, пальцы путались в завязках, раздражение и без того захлестнувшее меня с головой — росло.

Отдохнуть! Ящерица хладнокровная. Гад чешуехвостый. Сейчас пойду и буду отдыхать. И так отдохну, так отдохну, что...

Что именно я пока не придумала, но была уверена — придумаю обязательно.

Закончив одеваться, я обнаружила, что ректор успел собрать все принадлежности ритуала в мою сумку и теперь протягивал ее мне с совершенно невозмутимым видом, только в янтарных глазах мне мерещились пляшущие смешинки.

Я взяла сумку и принялась запихивать в нее балахон, искренне представляя на его месте дракона. Наверное, поэтому балахон уподобился вредному ящеру и в сумку лезть отказывался. Я к нему... а он, а он... а он меня отдыхать отправил!

У него точно еще кто-то есть. Раз здесь не надо, значит, в другом месте получил...

Черная ткань вдруг верткой змеей выскользнула из моих рук. Эйнар ловко свернул ее в маленький валик и без труда упаковал в сумку. Я буркнула под нос «спасибо» и перекинула ляжку через плечо.

— Я открою переход, — сказал Эйнар. — В комнату?

— Не надо, — я поправила сумку, сунула ноги в туфли. — Я пешком. Мне надо пройтись.

Подумать... отдохнуть, — прибавила я язвительно и зашагала по кладбищенской тропинке к выходу.

Меня никто не удерживал. Только через минуту за спиной громко хлопнули кожаные крылья и в ночное небо взвился дракон. Он пролетел над моей головой, воздушной волной швырнув мне в лицо собственные волосы, я вскинула голову, собираясь от души кинуть в чешуйчатого чем-нибудь безвредным, но ярко демонстрирующим степень моего негодования (сходу не нашла в арсенале безвредного, пришлось утешаться гневным взглядом), и увидела, как вместо того, чтобы полететь в сторону академии, ящер заложил крутой вираж и снова пронесся надо мной, только уже выше.

Я фыркнула, тряхнула кудрями и возобновила свой путь.

Вот возьму сейчас и к Саймону пойду. Растолкаю его и заставлю заниматься. Магией! А что?

Самое подходящее время, мне же надо нагонять отставание? Да и вообще в боевой магии поднатореть лишним не будет, а то чуть не попала в любезно расславленную ловушку. И кому? Самому обычному темному, выходцу из простых, на которого я должна была со всеми своими знаниями, со всеми умениями, просто плюнуть и растереть.

Ладно, он застал меня врасплох. Нельзя недооценивать противника. Я еще думала, какой дурак будет ломиться второй раз теми же силами, а он дураком и не был. Понял, что защита была подновлена и восстановлена, а значит, хозяйка время от времени в поместье навевается, вот и решил перехватить. И ведь сумел же. Да еще и в безвременье.

Силен. Умен. Работает с энергией. Не некромант. И призывы ему не даются, иначе бы он просто развеял шакала, а не отшвырнул. Что еще? Лица я не видела — это плохо, это жаль... но я теперь буду осторожнее. С визитами домой пока подождем

— второй раз на те же вилы наступать я не буду. Все равно защиту ему не прогрызть, а других желающих, вроде, пока не имеется.

Интересно, как он узнал?..

Этот вопрос сейчас волновал куда больше. Если узнал один — могут узнать и другие. Да и кто гарантирует, что прямо сейчас, повторно обломав зубы, этот тип не идет и впрямь собирать армию?

Нет, это вряд ли. Он же почти победил. Почти. Наверняка сейчас уверился в собственной неоспоримой силе и думает, что в следующий-то раз уж точно со мной справится, а значит — зачем делиться с кем-то уже маячащим перед носом наследством? Убить девчонку, и ее тень, тень последней из рода Ривад, переродится в неподкупного стража, обреченного верно служить тому, кто оказался достойным владеть тем, что Ривад не уберегли.

Нет, спасибо. Перспектива не для меня, откажусь, пожалуй...

В следующий раз, мерзавец, когда мы встретимся, я буду готова. У меня будет тело и понимание того, что мне противостоит всего лишь обычный маг, тогда как на моей стороне — вся мощь рода. И поверь, встреча с моими родственниками тебе не понравится!

С этой воинственной мыслью я ускорила шаг, торопясь скорее добраться до стен академии. Ноги гудели, дыхание сбилось. Даже простая ходьба не пошла на пользу, и попробуй дракон пристать ко мне сейчас, я бы, наверное, легла на землю и прикинулась трупом, но этого признания он от меня не дожидается!

Крылатая тень снова пронеслась над головой и повернула на очередной круг.

Разлетался. Чего, спрашивается? Можно подумать, я сама до комнаты не дойду.

И мне хотелось злиться на Эйнара, но злость отказывалась разгораться, наоборот утихала, смываемая усталостью и холодным ветром с моря, обдувающим горячую голову.

Башни академии уже были рядом — рукой подать, и глядя на них я вдруг испытала необъяснимый прилив теплоты. Какое-то неуловимое ощущение родства, причастности, принадлежности. Такое же, только куда ярче в сотни раз у меня возникало всякий раз, стоило ступить на родовые земли. Вот только академия к роду Ривад не имеет совершенно никакого отношения, ни один из моих предков на эти земли даже ни разу не ступал до меня. Откуда же? Почему?

Почему тогда, в безвременье я потянулась к этим башням, а не к собственному телу, лежащему на кладбище?

Потому что мне подсказали. Потому что это шепнул на ухо один из сотен голосов — и тут же растаял, прежде чем я успела его осознать. Потому что этот голос знал наверняка — земля, на которой стоит академия крылатых, отзовется и вытянет к себе ту, с которой теперь неразрывно связана.

Я поднималась по узкой тропинке на утес, украшенный высокими башнями, и мучительно размышляла о том, какова вероятность, что драконы не сожрут меня, если узнают, что некая адептка, сунувшись спасать ректора, случайно привязала «бесхозные» с точки зрения крови земли академии к владениям рода Ривад.

По всему выходило, что мизерная...

Мне не спалось.

Вернувшись в академию и с трудом добравшись до своей комнаты, я думала, что разденусь, упаду на кровать и мгновенно провалюсь в беспробудный сон, но в этом плане что-то пошло не так. То ли виновато было перенапряжение, то ли еще давало о себе знать злое прикосновение, то ли что...

Но я ворочалась с боку на бок битый час, считала прыгающих через веселый розовый заборчик гончих, пыталась ни о чем не думать — и даже не думала! — и все равно мозг упорно не желал отключаться и уносить меня в благословенный сон. Сердце билось неровно, проникающий в комнату лунный свет казался слишком мертвенным даже для некроманта, а тени слишком зловещими даже для темного мага. И я тянулась к ним, убеждалась, что это мои, родные, знакомые тени, ласково отзывающиеся на прикосновение, но стоило вернуться ко сну и снова все вокруг начинало казаться неправильным, искаженным.

Не выдержав я села. Спустила ноги с кровати, коснулась кочиками пальцев холодного пола.

Лежащий под дверью Пожиратель вскинул уродливую клыкастую морду, а потом снова пристроил ее на лапы. Я прошлась туда-сюда по комнате, проверила заклинания на окне, на двери. Сотворила «ядовитый туман» на пробу, и тут же развеяла, убедившись, что заклинание как никогда послушно. Села на кровать.

И поняла, что не лягу. Параноидальное чувство опасности не отпускало, несмотря на то, что в глубине души я твердо знала, что меня просто застали врасплох и явись тот маг по мою душу еще раз, он об этом обязательно пожалеет.

Я снова покосилась на Пожирателя, потеревшая сквозь сорочку пригревшийся на груди артефакт. А потом выудила из шкафа большую бабушкину шаль, накинула на плечи, и выскользнула в коридор, беззвучно притворив за собой дверь.

Я совершенно забыла надеть туфли, и босые ноги ступали по ледяному каменному полу академии абсолютно бесшумно, унося меня по путаным коридорам наверх, под самую крышу, туда, где жили драконы.

Перед дверью в покои ректора я неуверенно замерла на несколько мгновений, вздохнула и, раз уж пришла — не обратно же идти! — негромко постучала по гладким дубовым доскам.

Может, он спит давно? Может, даже и лучше, если спит? Придумала, некромантка, теней бояться. Тебя на смех подымут и правильно сделают. Ну точно, спит, шла бы ты отсюда...

О собственной глупой обиде я вспомнила мельком и тут же забыла. Подумаешь! Не на кладбище же и впрямь...

Эти мысли пронеслись в голове за считанные секунды, и я уже сделала шаг назад, чтобы избежать обратно, в комнату, как дверь отворилась, озарив коридор теплым желтым светом, исходящим из комнаты.

Ни лице Эйнара не нарисовалось ни грамма удивления. Он просто молча посторонился, пропуская меня внутрь, а потом дверь закрылась, отсекая нас от внешнего мира.

В комнате было жарко. Горел камин, бросая веселые рыжие отсветы на стены. Свечи на столе и на тумбочке возле кровати — настоящие, не магические. Говорят, драконы любят открытый огонь...

Кровать — большая, под тяжелым балдахинном с золотыми кистями, с ней даже две мои сдвинутые не могли сравниться. Узорчатый ковер на полу, стол — тоже большой, массивный.

Все под стать хозяину.

Я переступила с ноги на ногу, все еще стоя на холодном каменном полу, а в следующее мгновение, ойкнув, взлетела в воздух, как-то очень внезапно оказавшись в драконьих ручищах. Два шага, и ректор сгрузил меня на кровать, сам присев на корточки. Обжигающе горячие после ледяных плит пола ладони обхватили мои стопы, согревая.

— Тереса, вы последнюю обувь, пока брели до академии, стоптали?

Я машинально поджала босые пальцы ног, не пытаясь, впрочем, высвободиться.

— И ничего не последнюю! Мне, может, просто жарко!

Дракон издал громкий скептический смешок, а потом вдруг спросил:

— Вы были дома?

Вопрос заставил напрячься, я облизала пересохшие губы, гадая, что ответить, и надо ли что-то отвечать. И я просто кивнула. Ладони теперь скользили по коже, чуть массируя ее, разгоняя кровь. Пальцы покалывало жаркими иголочками, было щекотно и ужасно приятно. Я смотрела сейчас на Эйнара сверху вниз, так странно, и любовалась отблесками каминного огня, пляшущими на бронзовых волосах.

Усталость, которая едва не свалила меня по дороге в академию, возвращалась, тяжело оседая на веках.

— Кто на вас напал?

— Я не знаю. — Я посмотрела в янтарные глаза и добавила: — Правда. Темный маг, это все, что я могу о нем сказать.

Ректор кивнул — верю, ясно. И ладони, оставив в покое ступни, мазнули по ногам вверх, проникая под рубашку, поглаживая нежную кожу бедер. Желание шевельнулось, но как-то вяло, то ли не торопясь доверять коварному дракону, уже дважды оставившему меня без сладкого, то ли усталость была сильнее. А здесь, в жаркой комнате, освещенной теплым светом тревога отступала.

И я как-то даже не заметила, как оказалась уже не сидящей, а полулежащей на больших мягких подушках, укрытая одеялом.

— У меня еще есть дела. Отдыхайте. — Ректор коснулся моих губ коротким поцелуем и вернулся за свой стол.

Свернувшись калачиком на мягкой перине, я сквозь опущенные ресницы наблюдала, как он работает — вдумчиво изучает какие-то документы, иногда хмурится — и меж бровей

появляется глубокая недовольная морщинка, что-то отрывисто черкает, негромко скрипит перо... и под этот скрип, под шелест бумаг, мои глаза окончательно слипаются, и я сама не заметила, как провалилась в сон.

Глава 6

Удивительно, но проснуться в постели с мужчиной оказалось ничуть не менее интересным опытом, чем заниматься с этим мужчиной любовью.

Я не помнила, ни как заснула, ни когда дракон перебрался ко мне под одеяло, но, проснувшись, поняла, что щекой прижимаюсь к мерно вздымающейся груди, обвинив Эйнара руками и ногами, как выюнок, а на моем бедре лежит тяжелая ладонь, горяча обнаженную кожу. Рубашка задралась, сбилась куда-то в район живота, дракон вообще себя предметами одежды не утруждал, и от мысли об этом щеки тут же запылали. Я лежала и боялась пошевелиться, разглядывала загорелую кожу перед моим носом, вдыхала терпкий мужской запах...

Ленивые мысли, посмаковав тот факт, что в академии сегодня выходной и бежать никуда не надо, теперь кружились вокруг новизны ощущений и о чем-либо серьезном думать напрочь отказывались. Более того, сейчас куда больше меня занимал вопрос — бояться ли драконы щекотки?

Едва касаясь, кончиками пальцев я провела по выпуклым мышцам живота, чуть задев пупок, обрисовала контур литой груди, коснулась темного плоского соска, на котором кожа была тонкой и нежной, почти как у меня. Снова погладила живот, вдоль тонкой полоски жесткой поросли, уходящей вниз, до того места, где полоска расширялась. Оттуда я, застеснявшись, снова провела вверх, теперь уже всей ладонью, наслаждаясь ощущением горячей кожи, упругой силы мышц под пальцами. Он такой большой! Гладить не перегладить!

Я вскинула голову, чтобы посмотреть, как выглядит спящий дракон выше линии плеч и тут же напоролась на золотистый взгляд. Он не спит! От возмущения у меня аж рот открылся, чем подлый ящер и воспользовался. Ладонь, покоящаяся на моем бедре, стремительно метнулась вверх, обхватила затылок и чуть надавила. Эйнар ловко перехватил возмущение поцелуем, и я почти сразу обмякла, принимая его — долгий, неторопливый, смакующе-сладкий.

Рука, придерживающая затылок, вернулась обратно, вернее, чуть выше, со вкусом сжав ягодицу, другая — легла на грудь, обхватив тяжелое полушарие почти полностью, мягко массируя его сквозь ткань сорочки. А мои пальцы как-то сами собой оказались в спутанных бронзовых волосах, и мир замер в этом бесконечном, невероятно сладком поцелуе, от которого кружилась голова и отступали все тревоги.

Дракон вдруг оторвался, коротко куснул меня за нижнюю губу, когда я настойчиво потянулась за продолжением, и легким движением сильных рук приподнял и усадил на себя верхом. Одеяло отлетело в сторону. От щекочущего прикосновения жестких волосков к промежности, а горячего упругого члена к поясице, внутри все сжалось в томительном предвкушении. Я поерзала, наслаждаясь этими новыми ощущениями и, сама подцепив край бесполезной рубашки, стянула ее через голову.

Черные кудри упали на лицо, плечи, спину. Я тряхнула головой, пытаюсь от них отфырчаться, и Эйнар с тихим смехом сжал мои бедра, то поглаживая кожу, то вырисовывая на ней замысловатые узоры.

Медленно, миллиметр за миллиметром, узоры подбирались выше, к тому месту, откуда по телу растекался томительный жар. Устав бороться с собственной шевелюрой и отчаянно желая видеть его глаза, я нетерпеливым движением руки откинула волосы с лица — и утонула в медовом взгляде. Зрачок дышал, пульсировал, то расширяясь и затапливая прозрачный янтарь радужки, и тогда от нее оставалась только тонкая кайма, то вытягивался в веретено — и расчерчивал радужку пополам.

Я попыталась представить, как меняется от таких метаморфоз драконье зрение, как подстраивается его мозг под меняющуюся информацию — и не смогла, отвлекаемая желанными ощущениями в промежности.

А пальцы Эйнара тем временем подобрались уже почти к самому сокровенному и теперь, вместо того чтобы коснуться чувствительного узелка и позволить мне поймать молнию,

выводили круги и петли вокруг — рядом, близко... но не прикасаясь. Мучительная, сладкая игра. Я чуть шевельнула бедрами, мечтая поймать заветное прикосновение — и пальцы остановились. Я замерла неподвижно — и скользящее, огненное прикосновение снова пришлось совсем близко. Рядом. Вот-вот. Вперед, назад. И еще раз. И вокруг.

Я закусила губу, чтобы выдержать, не поддасться желанию — но не сумев сдержаться, выгнулась навстречу удовольствию, подалась, раскрывая себя, без слов умоляя о пощаде. Дракон замер, прикрыв глаза, как будто пытаюсь совладать с собственным дыханием — неровным, прерывистым, как у меня. Широкая мужская ладонь скользнула мне между ног, и сжала, смяла нежные чувствительные складки, а потом раскрылась, и чувствительно потерлась, плотно прижимаясь к коже. Г рубая, шершавая ладонь, прижимаясь к нежному шелку моей кожи, дарила яркие, сладкие ощущения от которых я, кажется, забывала себя, извиваясь, прижимаясь к дракону, стараясь усилить и без того острое удовольствие. И совершенно упустила момент, когда Эйнар приподнялся — и к делу (благодатному делу доставления мне удовольствия) подключились губы, втягивая в рот горошину соска, сминая в откровенной ласке ареолу груди.

Жадность. Голод. Не в силах смотреть на то, что написано сейчас у него на лице, стесняясь читать дракона, доступного сейчас как открытая книга, я опустила веки, поднимая руки, скользя по горячей, влажной коже, чтобы обхватить его голову, запутаться пальцами в бронзовых волосах, прижимая горячий, требовательный рот к себе — и ощутить грудью колючую щетину. Извращенка! — успела подумать я о себе, — Тебе даже это нравится!

Но в этот момент властная ладонь между моих ног, то гладившая, то теребившая, то пощипывавшая мою кожу, раскрылась снова, основание ладони с силой прижалась ко входу, толкнулось, раз, другой — и я дернулась в сторону, из невесты когда возникшего захвата второй руки, отчаянно хватая ртом воздух, и чувствуя, что вот- вот — и достигну пика без проникновения.

Взглянула на Эйнара — и словно потерялась.

Взгляд дракона, пристальный, алчущий, поглощал меня целиком. Не в силах ни отвернуться, ни снова смежить веки, я чуть приподнялась, замерла, позволяя дракону убрать руку, а потом подалась назад, нащупывая промежностью горячую, твердую плоть. Дракон нетерпеливо, властно шевельнулся, помогая мне — и я ощутила входом влажную, тугую головку.

Не отпуская взгляда цвета жидкого золота, я толкнулась вперед. Член скользнул в меня легко, как к себе домой.

Ощущение-мысль-взгляд, сведенные воедино — и меня чуть не сжал завершающий спазм. Просто оттого, что Эйнар во мне. Просто оттого, что во мне горячо, и туго, и мокро. Просто оттого, что лицо дракона исказило выражение острого, бесконтрольного блаженства.

Я переждала мгновение, зависнув на предчувствии преждевременной разрядки, а потом чуть приподнялась, чувствуя, как плоть Эйнара выскальзывает из меня, и опустилась вниз, ощущая, как он снова растягивает, раздвигает мои мышцы, заполняет меня до упора, смакуя эти ощущения...

Замерла.

Снова приподнялась — и опустилась снова. И ещё раз. И ещё. И ещё. Все ускоряясь, все сильнее наращивая темп, вжимаясь, насаживаясь на горячее, твердое тело, дарящее мне наслаждение, чувствуя руки, бережно поддерживающие меня под спину, сжимающие кольцом — и улетающая от этого еще больше, даже сильнее, чем от жадных, яростных поцелуев, осыпающих грудь, от мелких огненных укусов и сладких посасываний...

Пик наслаждения накрыл нас вместе. Я замерла, вдавившись в дракона, желая ощущать его всем телом — и он стиснул меня в железных объятиях, то ли идя мне навстречу, то ли испытывая всё то же.

Блаженные спазмы и ощущение горячего семени, омывающего меня изнутри. Крепкие руки, и влажный лоб, прижавшийся к моему. Обвитая моими ногами талия и спутавшиеся волосы.

Ослепительное чувство. Единение. Блаженство, одно — на двоих.

— С добрым утром, — хрипло пробормотал Эйнар, слизывая капельку пота с моего виска.

Шершавое прикосновение породило горячие мурашки, и мышцы живота дернулись, сжались, заставив еще раз плотнее ощутить находящийся во мне член.

Я прерывисто выдохнула, и согласилась:

— Отличное утро!

Сидя верхом на ректоре, я любовалась изумительно красивой женщиной, вольготно разметавшимся по постели — бронзовая коса растрепана, и лохматится торчащими там и сям прядями, темная щетина на впалых щеках, руки, закинутае за голову...

Широкая грудь, мерно вздымаемая дыханием, дорожки чешуек вдоль бугрящихся мышц, темные ареолы сосков, твердые бедра, оседланные мной — веса адепки, сидящей на нем, ректор словно не замечал, и не торопился меня сгонять. А я, соответственно, не спешила покинуть насиженное — можно даже сказать, обьеженное! — место.

Я любовно огладила литые грудные мышцы, наслаждаясь ощущениями, и, не утерпев, осторожно царапнула гладкую чешуйку бронзового цвета. Она никак не среагировала на покушение — в отличие от дракона, который подтянулся на подушку повыше, и с интересом принялся наблюдать за процессом обнажения одной отдельно взятой адепки. Поняв, что препятствовать обдиранию чешуевладелец и не думает, я подцепила ее ногтями. Ну, как — подцепила. Попробовала! Бронзовая бляшка лежала на загорелой коже плотно. Тогда я попробовала взяться за нее с другого конца, но увы, с тем же успехом. Возня, начавшаяся как шутка, против ожидания меня увлекла — ведь наверняка есть способ, не просто так ведь дракон запрещал! Но мерзкий рептилий, глядящий на меня одновременно с умилением и насмешкой, помогать мне явно не собирался, вполне обоснованно подозревая, что именно на нем я знания и опробую, если он таковыми поделится. В конце концов, сдалась, и куснув несговорчивую пластинку, попросила дракона:

— Перевернитесь, пожалуйста!

Дракон, аккуратно придержав меня за бедра, заставил приподняться, покладисто перевернулся на живот, даже не представляя, в какой экстаз отправляет меня этой сговорчивостью. Мне каждый раз оказывалось сложно заново поверить, что вот эта вот огромная махина легко и добровольно мне подчиняется. И еще сложнее было не капать на него восторженно слюной. Странно, конечно — вроде, пожирать Эйнара я не собиралась, даже надкусывать, но слюноотделение начиналось произвольно. Ненормальная какая-то реакция. Извращенная. Спина у ректора, кстати, груди ничем не уступала — широкая, сильная, надежная спина. Красивая! С развитыми, хорошо различимыми мышцами — капюшонной, широчайшей, большой круглой, уходящей к плечу дельтовидной, хоть анатомию по нему учи!

Возможно, дракон на подобные уроки и не согласится, но готова ручаться, на них был бы аншлаг!

Потому что меня драконья спина, поросшая по позвоночнику цепью крупных, граненных чешуек, на выступах позвонков выпирающих зародышем спинного гребня, вгоняла прямо-таки в транс.

Я упоенно наглаживала подставленную мне спину, оставив дурную затею нащипать с нее чешуи, и чуть-чуть жалея, что накануне не сумела рассмотреть это существо во всем великолепии его истинного облика. А потом наклонилась, и куснула такую заманчивую, такую аппетитную спину. Кусать было неудобно — все же, человечески челюсти не слишком приспособлены захватывать ровные широкие участки, но я расстаралась. Дракон подо мной обреченно вздохнул:

— Вот вроде бы хищная рептилия здесь я, а по ощущениям — все-таки вы, адепка.

Я хихикнула, и зарычав, лизнула укус, а после задала вопрос. Давно зудевший на кончике языка:

— Ректор Эйнар, а отчего вы чешуей покрываетесь? Это только во время... э... близости?

Дракон подо мной хмыкнул — я ощутила этой частью тела, что с удобством сидела на этом самом драконе — и внезапно перевернулся, поймал меня, со взвизгом чуть не свалившуюся с него, и ответил:

— Нет, это реакция на любое нервное возбуждение. Просто в жизни, особенно в присутствии иных рас, у нас считается неприличным демонстрировать подобные проявления эмоций. А в любви сдерживать эмоции ни к чему, — развернуто и полно ответил на мой вопрос ректор, и вдруг с внезапным «Ам!» метнулся вперед и куснул меня за плечо.

— Ну вот, и установили, кто тут на самом деле хищная рептилия, — ввернула шпильку я, пока растрепанная бронзовая голова склонилась ниже, прокладывая дорожку из поцелуев от ключицы к груди, и оканчивая ее на соске.

— Ага! — подтвердил мои умозаключения чрезвычайно собой довольный дракон, и переключился на вторую грудь, а я с легким «Ах!» выгнулась навстречу настойчивым, горячим губам.

Я заерзала на его животе, и ректор Эйнар, оторвавшись от своего занятия (и от моей груди) обхватил ладонями мое лицо, коснулся легким поцелуем губ.

— Как вы себя чувствуете, Тереса?

Я недоуменно подняла на него взгляд, и он пояснил:

— Я имею в виду ваше самочувствие. Да и в целом...

Дракон явно не желал прямо указывать на то, что ведь непросто так я явилась к нему среди ночи, завернутая чуть ли не в одеяло, и я была ему благодарна за эту деликатность. И на его вопрос, прислушавшись к самоощущениям, я честно ответила:

— Отлично!

Здоровый сон и здоровый секс творят с женщиной чудеса, могла бы добавить я, но не стала, заразившись, видимо, от дракона деликатностью.

Половым путем от мужчины чего только не подцепишь, хе-хе!

Ректор, к счастью, не читавший мои мысли — и правильно, там все равно сплошь непристойности! — отвел с моего лица буйные кудри, бережно погладил по щеке костяшками пальцев:

— Может быть, все же обратитесь к целителю? При академии очень достойный лазарет, и мастер Маргрит удивительно неболтлива...

Я снова поерзала на своем «скакуне», и, возмущенно посопев, выдала:

— Ректор Эйнар, благодарю вас за заботу, но в услугах целителей я, хвала Тьме, не нуждаюсь!

— Вот ведь упрямая девица! — выдохнул рептилий, и в очередной раз рывком перевернулся в постели, но на этот раз вместе со мной.

Я охнула, пискнула, негодуя брыкнулась, протестуя против подобного обращения — и забыла обо всем на свете, когда драконий рот властно, почти грубо накрыл мои губы, язык ворвался в мой рот, напористо, яростно — не как гость, но как жестокий завоеватель, а руками он сделал что-то такое, отчего мои ноги непонятным образом оказались у него на плечах.

Дракон пил мое дыхание, прикусывал губы, и снова шершавый, жадный язык скользящим движением проникал в мой рот, и против воли вырывал из меня вскрипы и стоны.

Проникновение под неожиданным углом заставило меня остро вскрикнуть, сжаться, плотнее ощутить внутри твердый горячий ствол, а потом в ощущении полной беспомощности мне оставалось только принимать глубокие толчки, каждый из которых снова возносил на вершину блаженства.

Тьма! Ну как же это до невозможности прекрасно...

Острое наслаждение, пронзившее тело молнией, выжало все силы. Я обмякла на простынях, прикрыв глаза и чувствуя, как часто вздымается грудь и бешено колотится сердце. Эйнар выпустил мои ноги, щекотно поцеловал подрагивающий живот, боднул его. И, запустив пальцы в окончательно рассыпавшуюся на взлохмаченные бронзовые локоны шевелюру, я прошептала умирающим голосом:

— А вот теперь мне, пожалуй, целителя...

Дракон хмыкнул. И укусил меня за бедро совсем рядом с ягодичей!

Взвизгнув, я ожила, подскочила и откатилась на другой край кровати, попутно заматываясь в одеяло.

— Это было подло!

— Зато как эффективно, — философски пожал плечами ректор, и не думая прятать мальчишескую ухмылку. — Теперь завтрак?

Я открыла рот, потом сообразила, что если пойду в столовую, то придется выставиться из драконьей обители и повода вернуться уже, вроде как, и не будет, и помотала головой.

— Я не голодна.

Хорошо хоть, живот вслух возражать не стал. Потому что на самом деле после столь активной утренней разминки есть хотелось зверски. Но остаться хотелось больше.

— А вот я голоден, — отозвался бронзовый дракон и замер неподвижно с таким расслабленным видом, что я не сразу сообразила — колдует. Отвлекать мужчину от этого благодатного занятия я не стала, а выскользнула из постели и принялась разыскивать предметы своего гардероба, ныне разлетевшиеся далеко за пределы этого самого гардероба.

Сорочка глухо звякнула, когда я поднимала ее с пола, и только тогда я спохватилась, что, раздеваясь, стащила вместе с ней Глаз Дракона.

— Я ведь просил вас не снимать его, Тереса! — мягкий голос дракона за плечом заставил вздрогнуть.

— Что, и даже...

— И даже! — перебил меня ректор. — Выработайте у себя привычку — никогда не снимать защитные артефакты. Они должны стать частью вас. Частью вашей ауры, магического фона. Привычной, постоянной деталью, которая не мешает вам в любой ситуации.

Он наклонился, и поцеловал меня, мягко, но вкусно и вдумчиво.

— И даже — в постели, — закончил дракон прерванную мысль, и я покорно надела цепочку через голову.

Артефакт после первой активации неуловимо изменился, и я пообещала себе обязательно рассмотреть, что именно стало другим, а пока торопливо оделась.

Дракон, между тем, неторопливо накрывал стол к завтраку: копченое со специями мясо, несколько видов сыров, фрукты, вино, одуряюще пахнущий свежий хлеб... я была морально готова объявить, что я передумала и тоже хочу завтракать (хочу-хочу, очень хочу!), и даже, если понадобится, изобразить голодный обморок но ректор, проявив присущие драконам подлость и коварство, сразу сервировал стол на две персоны, сорвав мой план, а закончив, и вовсе отодвинул для меня стул, приглашая к столу.

Нет, не зря старая Альба это племя не любила!

Я опустилась на стул и с видом скучающим и «ничего меня здесь особенно и не привлекает» потянулась к крупным блестящим виноградинам.

— Как дела дома? — сам дракон потянулся к мясу, и я почувствовала, как рот наполняется слюной. Провожая его движения замороженным взглядом, я машинально отозвалась:

— Хорошо, защита сто... Эйнар!

В ответ на мой пылающий взор, ректор расплылся в такой довольной улыбке, будто я его не по имени назвала, а сокровищницу удвоила.

— Вы обещали не задавать вопросов!

— Я был тогда при смерти и не мог мыслить ясно, так что соглашение определенно нужно пересмотреть.

— Это нечестно!

— Такова жизнь, — печально вздохнул ящер, довольно жмурясь, и я, пылая праведным гневом выхватила следующий кусок прямо у него из-под пальцев.

— От вас драконов, одни проблемы! — прямо заявила я, стараясь не думать о том, что вкуснее мяса я в жизни не ела и не прикидывать, как подтащить блюдо с ним на свою половину стола.

— От вас, адептов, тоже, — отозвался ректор, ничуть не опечаленный этим заявлением. — Но мы же не жалуемся!

Улыбка была сейчас настолько клыкасто-невинной, что я тайком отправила импульс силы, уточняя, из кого жаркое. Фух, оленина! А не нежнейшие места тех адептов, на которых не жалуются...

Не желая больше обсуждать провокационные вопросы, я перевела разговор на весьма животрепещущую, но более безопасную тему:

— И как, если не секрет, продвигаются поиски оранжерейного вора?

— Никак, — жизнерадостно отозвался ректор. — Похититель оказался ловок, хитер и зверски изворотлив!

Я вспомнила яростную алую наставницу..

М-да. Эту тему тоже вряд ли можно считать безопасной.

Наставница А. внушала мне практически inferнальный ужас. Взращенная и обученная бабкой, я хорошо знала, на что способны женщины, на чью собственность покусились.

— Не переживайте, Тереса, вашей жизни ничего не угрожает! — Дракон о чем-то поразмыслил и вдумчиво уточнил: — По крайней мере, пока вы в Академии. — Потом подумал еще немного и добавил: — По крайней мере, пока я рядом.

«И по крайней мере, пока есть оленина», — подумала я, все еще не убежденная до конца, что нигде в местных подвалах не упрятаны бочонки с нерадивыми учениками свежего посла...

С этих драконов плотоядных станется! Всю меня искусал!

Впрочем, дальнейшая беседа и правда протекла вполне безопасно. С ненужными вопросами ректор больше не лез, хоть и шурил время от времени золотые глаза очень уж хитро, вместо этого он расспросил, как проходит учеба на боевом факультете, все ли у меня получается, рассказал несколько баек из времен своего студенчества. Представить ректора желторотым юнцом я, как ни силилась, не смогла, но для себя решила — какое счастье, что в Академии живут драконы лишь зрелого возраста! Самодурств юных ящеров нежная человеческая душевная организации могла бы и не пережить!

А засобиравшись обратно к себе — нехотя, но надо, предстояло еще занятие с Саймоном — я вдруг вспомнила, что всей одежды на мне сорочка да шаль. И одно дело шастать в таком виде среди ночи — если кто и встретится, можно прикинуться привидением, а совсем другое — маршировать в negligje среди бела дня.

Эйнар мой растерянный взгляд расшифровал мгновенно, и спустя секунду на смятую постель шлепнулись сложенные стопкой белье, блуза, брюки и корсаж. А сам дракон дополнил этот набор сапожками, выудив их из-за спины, как грошевый фокусник. Сапожки были кожаные, чешуйчатые, блеклые, мутно-прозрачные. Но, если приглядеться, можно было заметить легкий бронзовый отлив.

Я почувствовала, как щеки запылали и не знала, куда деть глаза. Цветы, вино, завтрак — ерунда, в общем-то, а тут подарок, да еще и какой...

На мои смущенные бормотания «спасибо» и «не стоило», Эйнар только улыбнулся: — Примерьте. Может, еще не подойдут.

Сапожки сели по ноге, как литые. Не зная, что еще сказать или сделать, я стремительно подошла к ректору, приподнявшись на цыпочки, прильнула к его губам, целуя со всей страстью, со всей благодарностью, которую только смогла вложить, а потом выскользнула из начавших уже сжиматься объятий, и торопливо вышла из комнаты, не забыв укрыться тенями.

Глава 7

— К бою! — прозвучала команда наставника Ивара, и белобрысая рослая девица вскинула руки в атакующую позицию, готовясь выплетать воздушный кулак.

Я подсмотрела это в ее сознании и на короткий миг в установившейся связи ослепительной вспышкой позволила ей увидеть: ее атаку и ликование грядущей победы, свирепую мощь моего ответа, врезавшегося в ее тело с силой крепостного тарана, изломанное тело, судорожно скребущие ноги и руки, бессмысленно дергающаяся грудная клетка и розовая пена на губах. И закрылась, ускользая из ее ментального поля раньше, чем она успела вычислить след моего присутствия, оставив таять в ее сознании подброшенный образ, отдающий предвиденьем. Это просто — даже проще, чем пустить мечом солнечный зайчик противнику в глаза.

Соперница растерялась на миг, дернулась, просыпая нити атакующих и защитных заклинаний, и мое «лезвие», слабое, кривое и косое, ткнулось в ее кольчужную рубашку, бесславно рассыпавшись в районе сердца.

— Стоп! — обозначил конец поединка дракон-наставник, и я показательно опустила руки. «Каменное копьё», такое же неуклюжее, как и предыдущее атакующее заклинание, успешно развалилось. Хоть я и собиралась поддержать заклинание на кончиках пальцев, сохранив заготовку до следующей схватки.

Я не расстроилась, мысленно пожав плечами. У меня зато щиты встают намертво, и получают до того удачно, что я последние пару раз даже не испытывала подспудного желания подстелить соломки, поставив под стихийным щитом привычный темный.

— Нила, поражение. Тереса — хороший ход! — оценил нашу схватку наставник, перекрыв недовольный ропот одногруппников.

— Она мухлюет! Вы же запретили использовать ментальное воздействие! — попыталась опротестовать поражение Нила, и дракон с усмешкой покачал головой.

— Ничего подобного, запугивание противника правилами поединка не запрещается, а краткосрочный ментальный раппорт, возникающий между двумя магами в момент противостояния — явление стихийное и воздействием не является.

То, что она сумела им воспользоваться, а ты нет — суть показатель недостаточной подготовки!

Нила зафыркала и отошла за пределы круга. Выглядела она скорее раздосадованной и азартной, чем обозленной, и я только восхитилась педагогическими талантами драконов.

Практическая боевка сегодня стояла последней парой. До сих пор я на ней больше глазела, чем участвовала, дракон терпеливо ждал, пока я преодолю отставание, не желая ставить меня в неравные условия с остальными. И вот наконец сегодня наставник решил, что пора выяснить, на что годится новенькая. Он четко и внятно объяснил мне правила учебных поединков (без команды не начинать, по команде «Стоп» поединок прекращается, только стихийные приемы), уточнил, всё ли мне ясно — да и поставил меня в первую пару спаррингующихся. Поединок с Нилой был уже вторым, а первым соперником оказался одноклассник со столь явным следом воинской муштры, что в момент его атаки я просто рявкнула «А-а-атставить!» командным тоном прадедушки Рангара. Парень рефлекторно дернулся, помня, что по команде «Отставить» любое действие должно быть прекращено, заклинание слетело, и я без помех вцепилась в его «тараном», который был хорош тем, что по сути являлся чистой силой, слегка оформленной заклинанием, и потому получался у меня более-менее неплохо.

Пока парень (Тьма, как же его зовут?) ошалело хлопал глазами, наставник Ивар проржался, поругал меня, похвалил — потом обозвал моего партнера лопухом, и поставил против меня Нилу.

Третьим противником для меня оказался Саймон. Я затосковала — против Саймона мне не светило. Проигрывать не хотелось, применять темные заклинания было нельзя, щит у меня так себе, и стоит уже третий поединок — как пить-дать, скоро лопнет.

И чего я на темный факультет не пошла?..

— На позицию! — скомандовал дракон, и я послушно стала в основную стойку.

Ноги на ширине плеч, ступни параллельно, носки чуть в сторону, правая нога чуть впереди.

— К бою, — дал отмашку дракон, и Саймон, не мудрствуя лукаво и не дожидаясь от меня грязных приемов, вломил по мне силовой волной.

Стихийный щит с честью выдержал испытание и слетел, лишь погасив удар на две трети, но и оставшегося хватило, чтобы меня сбilo с ног и, вышибив из легких воздух, прокатило по земле. По-кошачьи изворачиваясь, я вскочила на ноги, сквозь звон в ушах и мельтешение предметов вокруг пытаюсь сразу выцепить взглядом соперника, уйти с линии атаки и сплести что-нибудь побойнее для достойного ответа.

— Стоп! — вклинился наставник, и укоризненно взглянул в мои руки.

Там повисло что-то плохо опознаваемое, но однозначно, темное.

Я смутилась, и торопливо смяв неположенные чары, впитала Тьму.

— Тереса, мертва. На первый раз прощаю, но на будущее учти — буду снимать баллы. Саймон, победа твоя.

Староста расплылся в улыбке, и дракон его осадил:

— Ну и дурак, ты по ней всем резервом шаркнул и остался голым — если бы соперник успел вернуться, взял бы тебя тепленьким, — и, полюбовавшись скисшим лицом старосты, он скомандовал: — Вернулись в строй! Разбились по парам, отрабатываем связку один-три из основного комплекса.

К моему удивлению, ко мне в пару встала Нила, вполне дружелюбно улыбнулась и на пальцах показала связку «один-три» сначала для атакующей стороны, а потом и для обороняющейся, похвалила мой прием с ментальным рапортом и попросила показать, как это делается.

«Что, вот так просто?» — подумалось мне даже с некоторым разочарованием. А я бы еще неделю злобой пыхала...

Вчера вечером, выставив наконец из комнаты Саймона, желающего заставить меня выгучить весь необходимый материал за выходной и избавиться уже от тяжелой повинности, я рассмотрела драконью подвеску. Опасность, грозившая мне в поединке с пришлым магом, спровоцировала первичную инициацию артефакта, а она изменила не только свойства подвески, но повлияла на Глаз Дракона и внешне. Он действительно изменился — прозрачный ранее горный хрусталь стал нежноголубоватым, с едва заметными внутренними дымчатыми разводами, а оправа, ранее гладкая, пошла вязью мелких петель и завитков. То, что выглядело декоративным излишеством, на самом деле было внешним проявлением изменений, произошедших с металлом под воздействием магического потока, воздействовавшего на структуру основы.

Я цокнула языком, отдавая дань артефакторскому мастерству ректора и его эстетическому чувству.

Старая Альба душу бы продала за такое искусство. Когда я, по скудоумию и неосторожности обозвала склонность к внешним эффектам в изготовлении артефактов «бессмысленными излишествами», клюка старой мастерицы сурово и недвусмысленно указала глубину моих заблуждений. Дождавшись, когда в глазах у внучки перестанут мерцать звезды, дорогая бабушка стальным тоном сообщила, что умение укротить неподатливые материалы, убедив строптивую материю занять назначенную волей мастера форму — это показатель.

Именно это отличает не просто ремесленника, но истинного творца.

Возможно, имей она возможность оценить работу ректора Эйнара при жизни, то была бы куда более благосклонна к чешуйчатым эстетам.

На границе сознания отчетливо фыркнули, и рассмеялись старческим дребезжащим смехом. Ну, нет так нет.

Не очень-то и хотелось!

Теперь Глаз Дракона висел на моей шее, надежно прикрытый от любопытных взглядов плотной тканью сорочки, и его прикосновение приятно холодило разгоряченную физической нагрузкой кожу.

Отработка базовых связок — занятие не сложное, скорее, монотонное и нудное. Вы с партнером становитесь друг напротив друга в исходные стойки, и делитесь на первый-второй номер, и поочередно отработываете один и тот же магический прием. Первый отработывает атаку, второй — защиту. И так двадцать раз. Потом меняетесь. Один и тот же прием. Раз за разом. Не нужно стремиться достать партнера своей атакой — суть упражнения совсем в другом, связку выполнить нужно не эффективно, а правильно. Наставник, идущий вдоль ряда, следит именно за этим, и раздает замечания:

— Саймон, локоть к корпусу прижми. Селвин, доводи запястье. Бранд, молодец. Молодец.

Хорошо. Тунор, поработай над исходным положением пальцев — в таком варианте кисть быстро устанет.

Адепты выполняют монотонное, скучное упражнение — а на самом деле, нарабатывают рефлекс. Мышечную память. Раз за разом повторяя одни и те же движения, стоя в кажущейся неудобной стойке, адепты думают, что тратят зря время, а на самом деле закладывают фундамент будущих побед.

Я прошла этот этап лет в семь, с дедушкой, ныне занявшим законное место в фамильном склепе, и он не был так милостив, как наставник Ивар. Он призывал из-за Грани четырех змеев-кузлебре ко мне в надзиратели, ставил меня в центре тренировочного зала, и, показав нужное упражнение, добивался идеального исполнения — а ядовитые твари сторожили каждое мое движение, дожидаясь ошибки, позволившей бы им пересечь защитную черту, и...

С тех пор любое упражнение я осваиваю с первого показа.

Четвертый виток боевого отделения тихо-мирно долбился отработываемым заклинанием в отработываемые партнерские щиты, наставник Ивар ходил вдоль строя адептов, поощряя либо поправляя, и все было бы замечательно, не явись на тренировочную площадку боевики пятого витка, под предводительством черного дракона Алвиса, знакомого мне по беседе в кабинете ректора.

Наставники отвлеклись, отошли в сторону, обсуждая что-то себе, а пятый виток сгрудился у границы площадки, разглядывая наш строй, и рабочей атмосфере тут же пришел конец.

Шепотки, смешки, переглядывания и разговорчики — обе группы явно были лучше знакомы друг с другом, чем с дисциплиной. Неодобрительно покосившись на бардак, я мазнула взглядом по наставникам, невольно оценив, как аллегорично смотрятся рядом белый и черный дракон, и вперила суровый взгляд в Нилу. Она, опомнившись, отвернулась от рыжего парня, которому строила глазки, и принялась рьяно атаковать мой щит, и только нежный румянец на щеках цвел весенним шиповником.

Оставшийся без внимания кавалер зыркнул на меня сердито-недовольно, а потом пищурился, и с ухмылкой сказал что-то своим соседям — и оттуда сразу раздался дружный жеребьячий гогот.

Нила выглядела виноватой и пристыженной, за рыжего остролова ей явно стало неловко.

— Тихо там! — вклинился в шум наставник Алвис, парни послушно заткнулись, и в наступившей тишине особенно громко прозвучало презрительное девичье:

— Вы ее сапоги видели? Явно третий сорт. Нищесбродка.

Нила запунцовела окончательно, а я только вздохнула, поражаясь открывшимся во мне безднам долготерпения.

Люблю разумных. Они такие идиоты!

Наша благословенная Империя, собравшая под свою сень восемьдесят семь провинций, богата и обильна, и щедро населена разнообразными разумными расами и неразумными тварями.

Мазнув взглядов по компании лоботрясов с пятого витка, я вздохнула и констатировала, что первых от вторых порой и не отличишь.

Но речь сейчас о неразумных, сиречь, о тварях. Так вот, водились в Империи виверны, они же ложные драконы. Хищные рептилии побольше быка размером, агрессивные, безмозглые и прозорливые. Близкие родичи, крокодилы, им в подметки не годились и при редких встречах предпочитали удирать. В своем выборе они были не одиноки — от такой вот утробы с зубами и здоровым аппетитом много кто предпочитал удирать, не связываясь. И жили бы себе ложные драконы, не тужили, хозяева положения и вершина пищевой цепи, если бы не ценная их шкура — прочная и красивая, чем-то похожая на шкуру истинных драконов, которых, по странному выверту гуманного Имперского законодательства, обдирать было нельзя. Даже дохлых нельзя. Гуманное Имперское законодательство уже не первое столетие настаивало на том, что подобное обращение с разумными — это нехорошо.

Исключения делались лишь для отдельных Темных родов, и вовсе не потому, что это какие-то привилегированные Темные, а потому что есть такое слово — надо. И да, Ривад входили в короткий перечень семейств, отмеченных высшим темным дозволением. Но речь не об этом. Выделанная, обработанная должным образом, «драконья кожа», то бишь вивернья шкура, весьма и весьма ценилась модниками всех мастей.

А иногда ловкие умельцы собирали рядом с логовами виверн куски линиялой кожи, счесанной ящерами о камни, укрепляли разнообразными алхимическими составами, клеили на кожаную основу и уже из этого шили изделия для тех, кому не хватило бы денег заплатить за настоящую шкуру. Дорогой то был материал, доступный далеко не всем. Прочный, удобный, с ценными свойствами.

И, несмотря на это, он в подметки не годился тому линиялому обрывку, который пошел на мои сапоги, так же, как ложные драконы в подметки не годились драконам истинным.

— Не обращай внимания! — утешающе попросила меня Нила.

То ли считала, что это из-за нее ко мне привязались великовозрастные олухи, хотя, видит Тьма, они бы все равно к кому-то привязались, то ли, будучи старше на три-четыре года, инстинктивно опекала, как старшая — младшую.

Еще раз вздохнув, я просветила расстроенную напарницу, которая явно переживала больше меня, о том, о чем ей, возможно, еще никогда не говорили:

— Видишь ли, Нила. Некоторые разумные — от природы идиоты. И это, увы, никак не исправить. Мы ничего не можем с этим поделать, лишь возблагодарить Тьму и родителей за хорошую наследственность, и отработать связку один-три из основного комплекса.

Нила рассмеялась и вскинула руки, возвращаясь в исходную стойку: левая нога впереди, правая — опорная, руки на уровне груди, пальцы в пятой позиции...

Гудение плети Фраста я уловила натасканным слухом — и метнулась вперед, сбивая с ног беспечную Нилу, покатила по песку тренировочной площадки, сплетаясь в объятиях с тяжелой боевичкой, уводя из-под удара нас обеих — и замерла, боковым зрением увидев, как осыпаются на землю яркие блики магического фейерверка.

Хорошая иллюзия. Качественная.

Я выпустила полузадушенную моей железной хваткой адептку. Встала. Осторожно провела ладонями по одежде, чувствуя, как подрагивают руки, как откатывается вызванный нападением адреналин — и как подкатывает вместо него густая волна бешенства.

Здоровый гогот от границы тренировочной площадки.

Красная пелена перед глазами.

* * *

Наставник по темной магии и наставник по магии боевой вломились вдвоем в деканат, попеременно бранясь и давясь хохотом:

— Слушай, ты кого боевикам четвертого витка подсунул?

— А что? — насторожился ректор, многоопытным хвостом чуя, что этот вопрос неспроста.

— Разрушен забор между четвертым и третьим секторами полигона, отправлен запрос к тебе в приемную на внеплановое очищение третьего-четвертого секторов от некротических эманаций, трое adeptов с пятого витка у целителей, но серьезно не пострадали! — жизнерадостно отрапортовал боевик.

— Слушай, ну это же явный некромант из некромантов! Ну отдай ты ее мне, зачем ты ее в боевые маги прочишь?

— Первоначально я планировал отправить ее к целителям, — невозмутимо отозвался ректор.

— Т-т-т! — мелко постучала по дубовому столу наставница целителей, тихонько проверявшая практические в углу.

Драконы не поклонялись богам, зная над собой только Небо, и не признавали примет. Но получая на руки пару курсов человеческих детенышей в самом дурацком их возрасте, быстро обрастали суевериями.

— Что произошло и какие приняты меры?

Уяснив, что с невыносимой девчонкой всё в порядке, дракон раздумал немедленно куда-то бежать, успокоился, собрался и вспомнил, что он вообще-то ректор этого приюта сирых и убогих, а значит обязан поддерживать в нем порядок.

Ну, хоть какой-нибудь.

Ну, хоть видимость!

— Адепты пятого витка неудачно пошутили, — отозвался белый. — Бросили в девушек имитацию боевого заклинания, а твоя протезе возьми, да и отреагируй как полагается. Так эти дурни вместо того, чтобы поучиться, заржали. Ну и...

— Ясно, — стараясь выглядеть непредвзято и хладнокровно, отозвался ректор, хотя хотелось ему не продолжать разбирательство, а пойти и выдрать шутников. Можно даже плетью — не Фараста, конечно, но и обычная бы тоже неплохо подошла...

— Какие меры приняли к адептам?

— Я — никаких! — самодовольно отозвался боевик. — Это у Алвиса вон... бардак и никакой дисциплины, а мои были паинькам — работали, никого не трогали, на угрозу среагировали идеально... а что некросрыв — так на то она и здесь, чтобы научиться не допускать срывов. Нет, пару занятий по ментальному контролю я ей назначу, но не более. Она и так сработала более чем корректно — волну сумела поднять под углом и та пошла над головами.

Пострадавших оболтусов отдачей от лопнувшего барьера между полигонами задело. Так что, как наставник, ведший занятия у группы в этот момент, я никаких нареканий к подопечной адептке не имею, а как куратор всего боевого отделения, с зачинщиками безобразия буду говорить отдельно! — и Ивар улыбнулся той самой зубастой улыбкой, запавшей в сердце обсуждаемой адептке.

Эйнар постучал заострившимися когтями по полировке стола.

— Алвис?

— Всё то же самое. И кроме того, рекомендовал бы энергетическую подпитку восстановительных процедур возложить на виновных. Походят магически истощенные — отучатся дурацкие шутки шутить. Присоединять ли к ним адептку Давир — решайте сами, но я бы так и сделал. Некоторым самоуверенным юнцам полезно было бы увидеть разницу в потенциалах с темным магом, которого они так неосмотрительно задевали.

Эйнар сдержал вздох. Что ж, от Алвиса можно было другого и не ожидать. Будь он хоть сто раз дракон, но... Темный Темного стихийникам не выдаст!

* * *

Я лежала у себя в комнате, на своей шикарной сдвоенной кровати, и старалась не помереть от дурноты. Самочувствие после некросрыва, и так традиционно паршивое, осложнялось муками профессиональной совести. Профессиональная совесть безжалостно перемалывала меня в жерновах — все, что произошло на тренировочной площадке, было очень непрофессионально. Мне было мучительно стыдно — нет, не перед адептами и наставниками, а перед памятью предков. Не для того они тратили силы, время и магию, вкладывали в меня знания и умения, чтобы в восемнадцать лет последняя дочь рода Ривад от злости теряла контроль над собственной силой!

На грани между реальным и нереальным скорбно молчали.

Ладно, в конце концов, самого страшного не случилось!

Но если с угрызениями совести я могла справиться отработанным волевым усилием, не в первый раз, в конце концов, то проклятые тошнота с головокружением и не думали отступить так легко. И все вместе они мешали мне поймать за хвост очень важную мысль.

Там, на тренировке, когда лопнувший барьер хлестнул высвободившейся энергией по адептам пятого витка, я увидела кое-что, во что до сих пор не могла поверить.

Именно поэтому, как только скверное самочувствие отступило, я села. Сапоги стояли, где я их оставила. Один вообще завалился под ковать. Я взяла его в руки, и внимательно изучила. Ровные швы, очень аккуратные. Толстая подошва. Мягкие — выступившая основой кожа хорошо выделана, и высокого качества, скорее всего, телячья. Вывернув голенище, я пощупала основу, царапнула ее ногтем, прижала ладонь, отправив изучающий импульс, и — опа, сюрприз! На основу неведомый мастер пустил ту самую вивернюю шкуру. Я хмыкнула.

Учитывая, сколько стоит клочок кожи истинного дракона размером с ладонь, на цену подарка это практически не повлияло, но сам факт душу грел.

Драконы — порождения магии, ее родные дети. Лоскуток сброшенной во время линьки шкуры истинного дракона, достаточный, чтобы пошить из него пару сапог, не просто так стоит, как среднее поместье с хорошим годовым доходом — этот материал поглощает либо рассеивает направленный на него магический удар, хорошо изолирует как холод, так и тепло (руку в такой перчатке можно смело сунуть в огонь и взять там уголек), имеет высокую сопротивляемость к агрессивным внешним средам, вплоть до кислот, и много, много что еще.

Изучив сапог всеми доступными мне способами, я натянула его на ногу.

В момент непроизвольного выброса некротической энергии, вступившего в резонанс со структурой барьера, дробившего полигон на отдельные площадки, я непроизвольно перешла на магическое зрение — инстинкт самосохранения, знаете ли, настойчиво велит смотреть в оба на потенциальную угрозу. И вот тогда я заметила занятную вещь — студентов, по которым пришелся энергетический выброс, было не трое, а четверо. Но если трое после этого загремели в лазарет с травмами различной степени тяжести, то четвертый просто упал.

И может быть, я бы не заметила этой несуразицы, если бы потом, когда наставники уже разгребли бардак, случайно не зацепилась вниманием за его фразу: «А я думал, мне волной спину пополам перешибет! Надо же, показалось!».

Угу. Показалось.

Он стоял спиной к барьеру, в той самой группе наиболее пострадавших адептов, и я точно видела, как удар пришелся точно в эту самую спину.

Сколько там условных единиц магической энергии высвободилось при разрушении барьера? Я прикинула, с какой потерей потенциальная энергия перейдет в кинетическую, сделала поправку на защитные и страхующие заклинания, установленные над полигоном, расстояние от эпицентра, и навскидку определила, какой силы удар пришелся по тем адептам.

А потом сформировала силовой заряд, на всякий случай, уменьшив значение вдвое, и отпустила его.

Ногу в сапоге скрутило болью, горячая волна ударила вверх и свела острой судорогой мышцы, а на глаза навернулись слезы.

Я опустилась назад на постель, медленно и аккуратно, помогая себе локтями и избегая резких движений — отступившая было тошнота навалилась с удвоенной силой, в голове плыло и изображение перед глазами то размазывалось, то двоилось.

Но все это было полной ерундой. Сущим пустяком, по сравнению с фактом, что, судя по его фразе — защит на том парне не было, только модная чешуйчатая куртка из так называемой «драконьей кожи».

И я не хотела верить в свое открытие, вот только от половинного заряда, предположительно доставшегося адепту пятого витка обучения, меня скрутило болью, несмотря на все удивительные свойства сапога из драконьей кожи.

А он сумел сам встать, разговаривал, и особого дискомфорта не демонстрировал.

И это означало только одно.

Его куртка пошита из кожи, которая выше качеством. А лучше шкуры истинного дракона, сброшенной во время линьки, только шкура, с него снятая.

Где-то в прямой достижимости Академии орудует преступивший черту маг.

Сложно описать словами то, что я сейчас испытывала. Ужас? Гнев? Нет, не то.

То есть... девица восемнадцати лет от роду, не выдавшая в своей жизни ничего, кроме родового поместья да теперь вот академии, была в ужасе.

Темный маг из Темного рода испытывал гнев. Тяжелый, спертый, душащий. Тот, кто посмел глумиться над разумными, попрали не только законы Империи — но и законы совести.

А вот Тереса Ривад, глава древнего рода, облеченного высшим темным правом, была спокойна. Долг догнал меня. Мой побег закончился здесь и сейчас.

Долг велел найти того, кто запятнал имя и честь мага, и пресечь нить его жизни.

Его существование — пощечина древним Темным родам. Плевков в лицо тем, кто жизнь и суть посвятил служению Тьме.

На границе сознания тоже были спокойны — на границе сознания знали, что воспитали меня правильно и верили, что я сумею исполнить то, что надлежит исполнить.

Ладно. Поменьше пафоса, Тереса. Поднимай кости — и вперед, за работу. Твой Долг — твоя ноша, никто за тебя ее не потащит.

Мысленный пинок самой себе — и я, кряхтя и постанывая, поднялась с постели, и похромала к выходу.

Глава 8

Занятия уже подошли к концу — только последние витки еще грызли гранит по аудиториям, а младшие адепты уже расплзлись кто куда — библиотека, тренировочные площадки, залы для самоподготовки, общежития...

До ужина, когда все учащиеся удобно соберутся в одном месте, еще оставалась пара часов времени, и я отчетливо понимала, что не усую, а потому просто отправилась на неспешную прогулку по просторам Академии, без цели и плана — куда кривая выведет.

Совсем недавно на лекциях по теории надстихийной магии мои новые соученики затеяли дискуссию, кто чего хочет добиться, и один из парней выдал — хочу стать таким магом, чтобы быть куче родовых магов!

Я тогда только губы покривила — понимал бы он, о чем говорит, молчал бы. Безродный маг, маг-простолудин никогда не сможет сравняться с представителем древних родов.

Можно быть умнее меня — я не лыщу себе, великим умником я никогда не была и вряд ли когда стану.

Можно быть сильнее меня — можно, хотя я сильна. Мой род старше этой академии, он застал еще старую Империю, и уже тогда был древним — и все это время мы роднились только с сильными магами. Особенность нашей силы такова, что удержать ее в узде способен только щедро одаренный маг, вот и брали в род тех, кто родит сильных детей. Сложно спорить с многовековой селекцией — сложно, но можно.

Можно быть выученным лучше, чем я — хотя в это я уже слабо верю. Меня без жалости муштровали с трех лет, с тех пор, как я стала мало-мальски сознающим себя человеком.

Дрессировали без поблажек и скидок на пол и возраст. Драконы щедро делились знаниями, но... то, как готовили магов в драконьей Академии, и близко не походило на горнило, через которое пропустили меня. Один наставник на десяток адептов — совсем не то же самое, что десяток взрослых на пару-тройку детей, а жажда жизни мотивирует гораздо лучше, чем жажда знаний.

И драконы — не люди, и их магия отличается от человеческой. Они выше магическим потенциалом, они дольше живут, они сильнее. Вот и выходит, как будто младшую сестру нарядили в одежду старшей. Не по размеру. Не по возрасту. Вроде бы, и разница невелика — а сидит не так.

И пусть за свою долгую жизнь драконы успевают накопить больше знаний. Я ведь уже упоминала, что мой род старше не только любого дракона в этой Академии, но и самой Академии? Есть повод задуматься, сколько знаний накопили мы.

Но, несмотря на это, я признаю, что старательность и талант у всех разные, и они не всегда зависят от происхождения. И прилежный, щедро одаренный даром и разумом простолудин может выучиться лучше меня.

Вот только как быть с тем, что помимо собственной магической силы, у каждого из нас есть доступ к силе родовой? Как быть с вереницей предков, стоящих за спиной каждого мага из древнего рода?

Я не знаю, как обстоит дело у Светлых и стихийников, каждый из потомков древнего Темного рода — это дверь, через которую в любой могут выйти в мир его предки, давно покойные. Каждый из нас — стена на границе между реальным и потусторонним, дверь этой стене и замок на этой двери.

Мертвые подчинены нашей воле, а мы смиряем силу мертвых. Мы ограничиваем и усиливаем друг друга, и никогда не найдется простолюдин, способный в одиночку превозмочь бесконечную цепь поколений, соединенных общей кровью и общей силой.

И доказательством тому — моя стычка на границе владений Ривад.

Взрослый маг, заранее подготовивший ловушку, хорошо подготовившийся к встрече ничего не смог сделать восемнадцатилетней недоученной девице.

Неспешно прогуливаясь по Академии, двигаясь снизу вверх по широкой спирали, я собирала статистику для полноценного доклада ректору Эйнару.

Я знаю свой долг, и он велит немедленно известить о находке местные власти — хотя на своих землях я бы действовала сама — и натравить на преступника все доступные силы. Но я не собираюсь идти к «доступной мне силе» с голословными обвинениями.

Опустившийся на меня покой, слава Тьме, не отступал, сковав ворочающиеся в мне гнев, страхи и прочие переживания, а на границе между реальным и потусторонним кто-то молча, мерно и монотонно бился в «ворота», отзываясь на мои чувства. Я старалась не прислушиваться к душевному раздраю более пристально, понимая, что могу и не удержать хрупкое равновесие, подаренное пониманием своего долга. И тогда я сделаю что-нибудь страшное.

Например, призову того, рвется в тварный мир, желая навести порядок и покарать всех, кто не увернулся, и позволю ему вершить справедливость по-своему.

Я шла, погруженная в свои мысли — а коридоры Академии змеились, каменный пол сам ложился под ноги, выводя меня то на одного, то на другого адепта в нарядной коже с характерным рисунком.

Хорошо быть Темной. Хорошо быть дочерью древнего рода. Хорошо быть сильным, любовно выпестованным магом. Заклинание распознавания, одну из многочисленных модификаций, сработанную именно под наш род еще три века назад Теобальдо Ривадом, я спела не задумываясь, еще на выходе из комнаты. Много раз прадед был хорош — плетение «сидело» на его потомке в десятом колене как перчатка, не утомляло, не оттягивало на себя мое внимание и не притягивало ко мне чужое. И очень экономно тянуло магию. Экономно — для такого рода плетений, конечно, которые в принципе чудовищно энергозатратны.

Чтобы проверить, чью именно шкуру несет на себе вон тот веселый парень, или вот эта симпатичная девушка, мне не нужно было совершать сложных манипуляций, или даже сбавлять шаг. Сосредоточенное на конкретном предмете внимание, осознанный магический посыл — и отраженный от объекта импульс возвращается к создателю, осыпается невидимыми колючими искорками, оставляя после себя нужную мне информацию.

Не сложнее, чем проверить оленину в ректорской тарелке. Прадедовская работа служила безупречно.

Вот только сегодня меня это совсем не радовало. Чем больше петляла я по запутанным коридорам и переходам, тем паршивее мне становилось.

Каждый положительный отклик на мой посыл причинял почти физическую боль, а от картины, вырисовывавшейся у меня перед глазами, становилось дурно.

Некроманты бездушные циники, не ведающие жалости и не знающие сострадания — так принято считать. Так принято про нас думать. Вот только вранье все это.

Глупость, сказанная тем, кто не понимает, о чем говорит.

Да, мы потребительски относимся и к жизни, к смерти. Да, мы призываем на службу собственных мертвых, и я лично провела ритуал над покойной бабкой, поставив ее на стражу над ценностями рода Ривад. И не сомневаюсь, что случись необходимость — она сделала бы с моими останками то же самое, если не хуже. Потому что наши мертвые служат живым.

Но никто, никто больше нас не чтит смерть и не ценит жизнь!

Меня переполняла скорбь и ярость.

Я, Тереса Ривад, могу и имею право отнять насильно отнять чужую жизнь и против воли воспользоваться чужим посмертием, если того требует обстоятельства и если это необходимо, чтобы спасти многие жизни и защитить многие посмертия. Больше — ни для чего.

Исключений не бывает.

Все остальные цели требуют добровольного согласия. Все то, что делаем мы, Ривад, со своим павшими внутри рода — это добровольно.

А отнять жизнь у разумного существа, надругаться над его останками ради... ради... я не знаю, ради чего это было сделано. Но от девичьей башни до атриума я обнаружила фрагменты тел как минимум четырех драконов.

Что же. Накопленная статистика признана мной достаточной. Отчетливо понимая, что не могу сказать это все ректору, просто не смогу выговорить, и всё тут, я покрутила головой, соображая, куда привели меня ноги и коридоры академии.

Ага, ясно, где-то здесь неподалеку должна быть библиотека.

Думаю, пергамент и чернила для меня там найдутся.

Пергамент и перо с чернилами нашлись.

Итак.

«Ректору Академии семи ветров Эйнару Бронзовому от адепки четвертого витка обучения Тересы...»

Я замешкалась, чуть было не написав настоящую фамилию, но спохватилась.

«Тересы Давир

докладная

Мною такого-то числа такого-то месяца на территории Академии семи ветров была зафиксирована следующая аномалия...»

Острое перо выводило сухие, казенные определения и формулировки, и они собирались в аккуратную вязь, укладывая на пергамент бездушными словами сведения об ужасной находке.

Я описывала все, что увидела, запомнила и предприняла тщательно, скрупулезно — не потому что моим словам могли не поверить или начать проверять — само собой, мои слова будут проверять. Я старалась изложить все как более тщательно письменно, чтобы меня не начали расспрашивать устно.

Произнести это вслух... Нет, этого я все же не смогу — мне еще далеко, бесконечно далеко до правильной главы рода, образцовой некромантки, такой, чтоб как в лучших традициях народной молвы: бесчувственной и циничной.

И, поставив последнюю точку, я перечитала написанное, убедилась, что мне нечего прибавить к нему или убавить, просушила чернила, свернула пергамент в свиток и встала.

Пора тебе, Тереса, наведаться в логово дракона...

И да будет к вам обоим милосердна предвечная Тьма.

Я покинула библиотеку, и пошла в сторону кабинета Эйнара.

К кабинету ректора я подошла на нетвердых ногах, едва сдерживаясь от того, чтобы не сминать свиток в ладонях.

Приемная пустовала, доложить обо мне было некому. И я, тяжело вздохнув, уже вскинула руку, чтобы постучать, как из-за закрытой двери донесся громкий, протяжный и отчетливо страстный женский стон.

Я замерла, как будто оглушенная этим звуком. Отстраненно, сама себе не веря, и не веря в то, что делаю, шевельнула кистью, создавая воздушную полость — простейший резонатор-усилитель звука — и услышала, как сплетаются за дверью два дыхания, прерывистое женское и мужское, хриплое. Легкий, еле слышный всхлип женщины, породивший резкий выдох мужчины, невнятный стук, шорох одежды...

Все чувства и переживания, переполнявшие меня до того, отхлынули, я опустела. А на смену им нахлынула волна удушающего гнева, первозданной черной ярости.

Сила поднималась во мне безумной волной, закручиваясь в зарождающееся инферно.

Тьма, Всемилостивая и Милосердная, Первозданная и Предвечная, услышь дочь свою, отзовись на мой зов, не оставь меня в час тягот и испытаний...

Тьма стекалась со всех сторон, откликаясь на безмолвный, неистовый призыв, ото всюду, извне и изнутри, словно во мне где-то внутри открылись шлюзы, и сила прибывала и прибывала потоком, копилась, собиралась...

На рубеже между реальным и потусторонним радостно ревели и с неистовой мощью бились в сотрясающиеся под таранной мощью ворота.

Собрав воедино всю готовую для удара силу, я толкнула дверь и шагнула вперед.

* * *

В кабинете царил алый полумрак от задернутых штор, в которые било солнце, и от него женская кожа казалась пленительно розовой, как персик. Дракон мазнул губами по обнаженному плечу — и бархатистая, как персик. Длинный шершавый язык обрисовал тонкую линию ключицы — и сладкая, как персик.

— Мы так не договаривались! — прошипела драконица, пытаясь увернуться, и дракон легонько куснул ее за ухо, ощутив под губами мельчайшие крапинки проступившей чешуи.

Женское тело в его руках — горячее, упругое, сладкое. Алая стонет, когда пальцы забираются под юбку, и гладят, ласкают бедра, заставляя раскрыться, прижаться теснее.

— Мы договаривались, что цветы из твоей оранжереи больше пропадать не будут, так?

Другая ладонь легла на грудь, чуть сжала ее сквозь ткань, срывая новый приглушенный вздох с искусанных губ. Палец обвел острую вершинку соска, все еще целомудренно прикрытую, и снова горячий язык вырисовал причудливый узор на коже, покрытой мелкими бисеринками пота.

— Та-ак... — протяжно отозвалась драконица низким горловым голосом.

— Тогда какие претензии?

Алая прогнулась, вдавливаясь в него всем телом, подставляя поцелуям все-таки освобожденную от оков ткани грудь, кажется, соглашаясь, что претензий никаких, и вообще...

А в следующее мгновение в кабинет, испепелив поставленные на дверь запоры, ворвалась Тьма.

* * *

Два силуэта, слившиеся в один, высвеченные ярким розовым ореолом.

Призванная тварь, рванулась на цепи, клацнув многозубой пастью, сотнями многозубых пастей.

Ее поводок — на кончиках моих пальцев. И они буквально зудели от желания, наконец, выпустить его. Сейчас. Мгновение. Я только хочу посмотреть в эти наглые бесстыжие желт...

...черные глаза.

Черные. Черные, как две дыры, в которых веретено зрочка просто теряется.

— Адептка Давир?! — голос, однозначно не принадлежащий ректору Академии семи ветров, словно окатил меня ледяной водой.

Со громким лязгом (и чуется мне, не без помощи извне) рухнули мысленные решетки, вновь запирая первозданную Тьму там, где ей самое место.

Откат скопленной, но неиспользованной силы хлестнул по мне наотмашь, вышибив воздух из легких, и, кажется, еще и мозги из головы, потому что я тут же почувствовала себя дура душой.

И именно потому, поджала губы и уставилась на наставников — Алвиса в расстегнутой рубашке и Адамину, неторопливо и с достоинством прячущую роскошное тело обратно под слои ткани, даже не потрудившись слезть со стола — крайне вызывающе и даже с негодованием.

— Вы что-то хотели? — так спокойно поинтересовался черный, будто я заглянула к нему в кабинет и застала за проверкой домашних работ, а не тискающего наставницу на чужом рабочем столе!

Хотела. Поубивать тут всех...

— Я... да! Мне к ректору! — В доказательство я сунула под нос дракону все еще зажатый в ладони свиток.

Вот! Я не озверевшая любовница! У меня и свиток есть!

— Кхм, — черный кашлянул, заставив меня подобраться. — Вы к нему всегда так врываетесь?..

— Я слышала плач и крики, — отрезала я, глядя дракону прямо в глаза. — Подумала, вдруг здесь кого-нибудь убивают. Опять.

Окажись здесь, например, наставник Ивар, я бы молчала, как в рот воды набрала, и стояла бы по струнке, потупив взор. А с собратом-темным тянуло полаяться. Он старше и опытней, но я родовитей, он дракон, зато я глава рода. Он наставник — я хранитель знаний. Вот и выходило, что мы с ним примерно равны.

И он устроил nepoтpeбcтвo в кaбинeтe peктopa — нa мoeй тeppитopии! И пyсть, cтpогo гoвopя, вcя aкaдeмия тeпeрь мoя тeppитopия, в кaбинeтe Эйнaрa чувcтвo cooбcтвeннocти игpaлo ocoбeннo oтpocтo. Вылo пpocтo.

И тepпeть этo былo вышe мoиx нeкpoмaнтcкиx cил.

Нo я мyжecтвeннo тepпeлa.

Тoлькo cмoтpeлa нa нacтaвникa oтнюдь нe тaк, кaк пoдoбaeт пoчтитeльнoй aдeпткe. Пpавдa тeмнoгo этo, пoхoжe, ничyтoчки нe ocoбpблaлo. Дaжe нaoбopoт, я гoтoвa былa пoкляcтьcя, чтo yгoлки тoнкиx гyб пoдpагивaли, бyдтo вoт-вoт pacплывyтcя в мaльчишecкoй yхмылкe. Блaгo, бoльшe вoпpocoв нe пocлeдoвaлo. Oт нacтaвникa Aлвисa, пo кpайнeй мepe, пoтoмy чтo в кaбинeт вoшeл Эйнaр, чyть зaдepжaвшийcя нa пopoгe, чтoбы пpиcвистнyть, oкинyв взглядoм pacкypoчeннyю двeрь.

— Чтo зa бapдaк? — Пoвинyяcь cилe, пoтoкaм вoздyxa и мaгии, oтcтaвляющeй зa coбoй кpacивый иcкpиcтый cлeд, двeрь выпpавилacь, щeпки вcтaли нa мecтa, cливaяcь co cтвopкoй, cытo клaцнyл зaмoк, внoвь вcтaвaя в пaзы. — Aдeпткa Дaвир, чтo вы здeсь дeлaeтe? Bам пoкaзaн пocтeльный peжим.

— Я... — гoлoc пpозвyчaл нeoжидaннo xриплo и oceкcя, eдвa выдaвив звyк.

Смoтpeть нa нeгo былo тyжeлo. Кpacивoгo, cпoкoйнoгo, yвepeннoгo. Смoтpeть и нe знaть, чтo дeлaeт c ним мoя нoвocть.

— Я... — pечь cнoвa пoдвeлa, и, oблизнyв пepexoшнee гyбы, я пpocтo пpoтянyлa eмy мятый cвитoк.

Peктop пpинял eгo, yдивлeннo пpипoднaв бpoви, pазвepнyл. Я cмoтpeлa кaк зoлoтиcтый взгляд cкoльзит пo cтpoчкaм, кaк бyквaльнo oщyтимo кaмeнeет eгo фигyрa, cжимaютcя чeлюcти, и мнe мepещитcя, кaк нaявy, зapoждaющeecя в гpyди peвyщee плaмя, cпocoбнoe плaвить кaмни. И oщyщaлa этo нe тoлькo я, oбa нacтaвникa пoдoбpaлиcь, кaк гoтoвыe к aтaкe хищники. И вpoдe бы, ничeгo внeшнe ocoбeннo нe измeнилocь, нo я ocoбeннo яpкo ceйчac oщyщaлa нeчeлoвeчecкyю, гигaнтcкyю, в чeм-тo звepинyю мoщь тpeх cyщecтв. Тaк яpкo, чтo oт нee в пpocтopнoм кaбинeтe cтaлo тecнo и тpyднo дышaть, бyдтo oни pазoм oбpaтилиcь, пpинимaя иcтиннyю фopмy и вжимaя вoлeй cлyчaя oкaзaвшyюcя здeсь aдeпткy в cтeнy.

— С-cпacибo, Тepec-ca, — y Эйнaрa дaжe гoлoc измeнилcя, cтaл нижe, c cвистящeшипящими нoткaми, нo пocлe пepвыx пpoизнeceнныx cлoв, oн вce жe выпpавилcя и пpoдoлжил yжe пpивычным тoнoм. — Bозвpaщaйтeсь к ceбe и выпoлняйтe пpeдписaния цeлитeля. Aдaминa, бyдьтe лyбeзны, пpишлитe кo мнe Ивapa и Xaллe и coбepитe вceх нacтaвникoв в дeкaнaтe. Тeх, ктo oтcyтcтвyeт, — вepнyть нeмeдлeннo. Дeлo чpeзвычaйнo cepьeзнoe. Cooбщитe мнe, кoгдa вce бyдyт в cбope.

— Чтo cлyчилocь? — Aлaя cдeлaлa шaг к двeри, дaвaя пoнять, чтo пoдчиняeтcя пpикaзy, нo вce eщe выжидaющe cмoтpeлa нa peктopa.

— Пoзжe. Кoгдa вce coбepyтcя.

Дpaкoницa нeдoвoльнo дepнyлa плeчoм, нo вышлa, тoлькo чepнaя yбкa взмeтнyлacь кpылoм.

— Эйнaр... — нaчaл, былo, нacтaвник Aлвис, нo peктop пpoтянyл eмy cвитoк и вce вoпpocы бycтpo oтпaли. И былo виднo, кaк мeлкo пoдpагивaют длинныe тoнкe пaльцы тeмнoгo, oт cтpyдoм кoнтpoлиpyeмoй яpocти.

Тyжeлый взгляд peктopa вдpyг yпepcя в мeня, пpикинyвшyюcя нeвидимкoй и нaглo пpoигнopирoвaвшyю пpямoй пpикaз.

— Тepeca, я, кaжeтcя, cкaзaл...

— Нeт. — Я нacyпилacь и cжaлa кyлaки. — Mнe нaдo знaть.

— Знaть?

— Чтo вы бyдeтe дeлaть. Я дoлжнa пoмoчь.

Я знaлa, кaк, дoлжнo быть, жaлкo звyчит тaкoe зaявлeниe oт aдeптки чeтвepтoгo виткa oбyчeния, кoтopой и двaдцaти нeт, мнoгocтoлeтнeмy дpaкoнy. Пape дecяткoв мнoгocтoлeтнeх дpaкoнoв. Нo я пpавдa дoлжнa былa. И впивaяcь нoгтями в кoжy пoчти дo кpoви, зaкycив гyбy, я гoтoвa былa ceйчac oтcтaивaть cвoe пpавo быть здeсь, кaк yгoднo.

— Тepeca...

— Пyсть oстaeтcя.

Пpозвyчaвший co cтopoны гoлoc чepнoгo дpaкoнa cтaл нeoжидaннocтью, пoжaлyй, для нac oбoиx.

Эйнар сжал челюсти — желваки перекатились — и посмотрел в упор сначала на Алвиса, потом на меня.

— Ну и как это понимать?

Я посмотрела на наставника, тот ответил мне однозначным взглядом — я вступился, привлек внимание, внес свой вклад, а объясняться будь любезна сама.

— Я задал вопрос, — рыкнул Эйнар, не оценив затянувшиеся переглядки.

Я взяла себя в руки и, собрав в кучу ворох разрозненных фактов и мыслей, отозвалась:

— С высокой долей вероятности можно предположить, что это темный маг. Светлые маги так не склонны к материальным фетишам, их отклонения, как правило, лежат в сфере духа и тонких материй, как и трофеи, а стихийники мало подвержены психическим девиациям такого рода, у них другие риски. Это всего лишь мое предположение, но оно имеет неплохой шанс оказаться верным.

Эйнар молча смотрел на меня в упор, и мне было жаль, что приходится это говорить, и делать, и вообще жаль, что приходится это пережить.

Но мое сожаление никак не влияло на то, что все необходимое я скажу. И сделаю.

Я не оглашала вслух свой статус и положение, но это ничего не меняло — я та, кто я есть. И если в произошедшем преступлении подозревается темный маг, то я обязательно должна принимать участие в расследовании. Закон Империи и кодекс темных родов в этом вопросе были единодушны и бескомпромиссны. Подошел бы любой беспристрастный темный, не имеющий прямого отношения к событиям и не связанный с жертвами. И именно поэтому темный дракон не годился — уж кого-кого, а его сложно назвать беспристрастным. Оставалась только я.

И мы оба с ним это понимали.

Просто Эйнар на короткий миг забыл, кто я. И не ждал, что я начну отстаивать темный кодекс.

Я вздохнула, и добавила:

— И, ректор, если вы хотите найти преступника и наказать его сами — у вас есть одиннадцать дней.

— Даже так?

Именно столько времени закон Империи отводил местным властям на самостоятельное решение проблемы, и я имела право удерживать информацию о случившемся не больше этого срока. По истечении одиннадцати дней местные власти в любом случае обязаны доложить Императору обо всем. Это закон. И нарушение этого закона, если правда всплывала наружу, каралось очень жестоко.

Я не стала объяснять дракону очевидное.

Он потер лицо усталым движением и спросил:

— Тереса, вы же не думаете, что как только вы сообщите властям Империи о происшествии, Император тут же отстранит нас всех от расследования, введет в Академии и Империи чрезвычайное положение и сам возьмется за розыски преступника? — тон его, ироничный и едкий, однозначно намекал, что я недалекая, ничего не понимающая девица, возомнившая себя самой умной.

Я выдохнула, успокаиваясь и уговаривая себя не отвечать сарказмом на сарказм. В конце концов, мне эти драконы — просто разумные существа, а ему — сородичи. И потом, я сегодня уже срывалась, а он нет, имеет право. И вообще, он еще хорошо держится.

Я закончила сеанс самовнушения и взяла-таки себя в руки.

Что ж. Придется объяснить очевидное.

— Наставник Алвис, вы облечены Высшим Темным Правом?

— Я на него не претендовал, — хмыкнул в ответ черный дракон, и я кивнула.

— Ректор Эйнар, вы знаете, что это такое?

Он смотрел на меня настороженно, непонимающе, и я на всякий случай пояснила:

— Это право темных магов работать со смертью и посмертием разумных существ любой расы.

— Тереса, я знаю, что это, — устало отозвался Эйнар, — Извините, я вспылел и не имел намерения вас задеть.

Я отрицательно покачала головой, давая понять, что дело не в том. Не в моих мифических задетых чувствах.

— Как только о происшествии станет известно официальным властям, первое что они сделают — проверят всех Высших Темных. То есть, вообще всех, облеченных Высшим Правом, до единого. Темные рода не делегируют это право налево и направо, так что их не так много.

Я сглотнула, и поправилась:

— Нас. Нас не так много.

Оба дракона уставились на меня в упор, и я сделала вид, что не замечаю этого, а продолжила:

— На время проверки всех Высших Темных изолируют от мира и друг от друга. В прошлый раз местом заключения выбрали императорский дворец. Подсластили пилюлю, всё такое. Проявили уважение. Так вот, проверка займет от трех до четырех дней — а когда она окончится, темных освободят из-под стражи. И после этого у вас не будет ни единого шанса покарать преступника самостоятельно. За этой тварью будут охотиться все представители темных родов, исключая младенцев, но зато включая тех, кто обычно из родовых поместий носа не высовывает. А когда надо — одиночники-темные умеют очень быстро объединяться и действовать слажено и координировано.

Помедлив, я с тяжелым сердцем призналась:

— И поверьте, я больше всех прочих заинтересована в том, чтобы отступник был найден без привлечения широкой общественности...

Еще бы — ведь тогда наружу выплывет слишком многое.

Тогда наружу выплывет вообще всё.

Я смотрела в золотые глаза дракона и ждала его решения, от которого зависела сейчас судьба всего рода Ривад в моем одиноком лице. До чего причудливы все же переплетения жизненных дорог. Я пришла сюда, чтобы укрыться, а в итоге сама, добровольно раскрываю себя. Без давления, без принуждения. Просто потому, что от долга не убежишь.

— Хорошо, — произнес, наконец, Эйнар, и я едва заметно выдохнула. А в следующее мгновение в ректорский кабинет с символическим стуком по уже распахнутой двери вошли наставники Ивар и Халле.

— Адамина сказала, что-то очень срочное... — начал было белый, но тут же оборвался на полуслове, когда ректор протянул ему многострадальный свиток.

Быстрый взгляд по строчкам, хищный оскал.

— Халле, будь добр, «Купол» на академию, замкнешь на себя. Никто в ближайшие сутки не должен покинуть Академию или войти в нее без твоего ведома. Ивар — подстрахуешь. Что делать дальше, обсудим потом. Мы в деканат, как закончите — присоединитесь.

Наставники кивнули и вышли, следом двинулся к выходу и темный, а Эйнар посмотрел на меня тяжелым взглядом и сделал приглашающий жест рукой по направлению двери, произнес:

— Что ж, идемте, госпожа некромантка.

Глава 9

Наставники собрались быстро.

Когда мы пришли туда, деканат был уже полон, и от устремленных на нас озадаченных, обеспокоенных взглядов мне сделалось не по себе, и я незаметной мышкой юкнула в уголок, где и затаилась, стараясь не маячить ни у кого перед глазами.

Эйнар обвел взглядом сородичей, и убедившись, что присутствуют все, объявил спокойным, деловым, невыразительным голосом:

— В Академии под видом виверней шкуры обнаружены фрагменты шкур как минимум четырех драконов, — он поднял ладонь, оборвав взметнувшуюся волну возгласов и вопросов. — Да, вы правильно меня поняли — у нас потрошитель. Из достоверных сведений пока только факт обнаружения останков. Все остальное — догадки. Предположительно — темный маг. Предположительно — предпочитаемые жертвы истинные драконы. Учитывая, как он поступает с трофеями, можно говорить о безумии либо навязчивой идее.

Он обвел взглядом притихших сородичей и продолжил:

— Поэтому, господа наставники, вы сейчас соберете каждый свою группу, выясните, у кого из адептов есть вещи из шкуры виверн, и установите происхождение материала. Если обнаружите останки разумных существ — изымете, владельцу именем Академии гарантируете

компенсацию, получаете письменные объяснения, где и когда была приобретена вещь. К концу дня списки со сведениями должны быть у меня. На этом всё, приступайте. Да, обратите внимание. Адептка Тереса Давир, — Я невольно расправила плечи, когда все взгляды устремились в мою сторону. — Она принимает участие в расследовании, выступая в качестве независимого наблюдателя от темных. Теперь всё.

Наставники расходились из деканата, как будто их подменили. Куда делись беззаботные, легкомысленные и ребячливые существа, по воле случая оказавшиеся в наставниках и как будто слегка недоумевающие по этому поводу? Совещание покидали хищные, собранные мужчины и женщины. Опасные и бесконечно сильные существа.

— Адептка Давир, задержитесь.

Я молча кивнула и снова вжалась в стену, от которой только оторвалась, пропуская покидающих деканат наставников.

— Алвис, когда освободишься, подойди ко мне в кабинет, ты мне понадобишься.

Черный дракон так же молча кивнул и вышел вслед за всеми.

Ректор дождался, пока последний из его сородичей покинет помещение — и дверь захлопнулась сама собой, щелкнув замком, вдоль стен на миг качнулось легкое марево защитного заклипания и исчезло.

Я двинулась к нему, присевшему на один из столов, украдкой разглядывая.

Уголки красивых губ опущены, брови сдвинуты, образуя морщинку, а вся фигура напряжена так, будто дракон вот-вот уже ринется биться насмерть с неведомым врагом. Мне ужасно хотелось прижать его голову к груди, приласкать, утешить хоть как-то, но я ощутила внезапную робость и замерла в полушаге — вдруг он со мной по делу поговорить хочет, а я тут с неуместными нежностями?

Эйнар уже знакомым усталым жестом потер лицо и вдруг притянул меня к себе, утвердив между своих ног, обнял за талию и, внимательно изучив мое лицо, вдруг спросил:

— Как ты?

Вопрос был настолько неожиданным, что я растерялась.

Да мне-то что? У меня-то никто не погиб, меня из драконов волнует только он, Эйнар, и я точно знаю, что он живой...

В этом недоумении до меня даже не сразу дошло, что ректор впервые изменил своей иронично-вежливой манере мне «выкатать».

— Тебе назначили постельный режим до завтрашнего утра, — пояснил он свой вопрос, видя непонимание на моем лице. — А ты еще и колдовала после некросрыва...

Я только отмахнулась, головой мотнула — старая Альба после некросрыва обычно дорогой внучке клюкой по мягкому месту и трудотерапию для вразумления прописывала, а не постельный режим.

Балуют они здесь адептов. Неженки растут...

Дракон осторожно погладил большими пальцами мою поясницу, и я шагнула еще ближе, почти вжимаясь в него, обвила руками шею, заглянула в глаза. Мне все хотелось что-то сказать, но слова потерялись — что тут скажешь? Что мне очень жаль? Что Я сочувствую? Что я... понимаю?

Все не то. Поэтому я просто стояла, прижималась и смотрела в янтарные глаза с узким подрагивающим зрачком.

Одна рука оторвалась от моей талии, взметнулась вверх, и виска коснулись шершавые подушечки пальцев. Провели по щеке, и я прикрыла глаза, прижимаясь к горячей ладони, а дракон вдруг спросил:

— Я сейчас с сородичами буду связываться. Сообщу новости, запущу переключку... Будешь присутствовать, или к адептам спустишься?

По протоколу, к которому я звывала, возможно, и должна бы. Убедиться, как независимый наблюдатель, что вся процедура проведена правильно и все драконы извещены, и личности пропавших без вести или тех, о ком давно не было слышно, установлены. Но хочу ли я присутствовать при сообщении дурной вести и выслушивать ее каждый раз заново, раз за разом наблюдая чужие боль и горе?

Нет, благодарю. Я лучше вниз.

Я осторожно потянулась к его губам, стараясь без слов сказать, что я сочувствую, и что все будет хорошо. И благодаря его за то, что позволил сбежать.

Эйнар отозвался не только губами, всем телом — вдавливая меня в себя, отчаянно, безутешно и яростно. Будто хотел хоть как-то, хоть так выплеснуть все, что кипело и бурлило внутри. Выплеснуть, сорваться — и снова обрести столь необходимое равновесие. И мне даже было немного больно, я почти задыхалась, но не издала ни звука, сама вцепившись в него изо всех сил, наверняка оставляя на коже под тонкой рубашкой полукруглые лунки от ногтей.

Он отстранился резко, с шумным горячим выдохом. Я еще раз мимолетно коснулась загорелой колочей щеки и выскользнула из драконьих объятий.

Уже взявшись за ручку двери, чувствуя, как расплетается и тает поставленное защитное заклинание, я, поколебавшись, обернулась и спросила неуверенно:

— Мне прийти? Вечером...

Эйнар мотнул головой, заставив сердце трепыхнуться, а голову — впасть в панику: дура-дура, у него горе, а ты лезешь, — но тут же добавил.

— Отдыхай. Я сам приду, как освобожусь, но только спи, не дожидайся.

Я кивнула и выскользнула за дверь.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда Алвис зашел в ректорский кабинет.

Эйнар сам только закончил получать ответы от сородичей. Отозвались почти все. Почти. Как минимум от шестерых драконов не удалось получить ответа, и никто не имел ни малейшего представления, где они. Тереса насчитала в Академии останки четырех. Еще была надежда, что двое других просто слишком увлеклись своим одиночеством.

Ректор в очередной раз за день потер лоб, пытаясь вычленить из сотни сверхсрочных дел и обрывков информации самое важное, и с недоумением уставился на две стопки листов, положенных перед ним.

— Так, что это?

— Это, — Алвис указал на левую, — взятые со студентов показания, где, когда и при каких обстоятельствах они приобрели указанную вещь. А это, — он кивнул на соседнюю, — заявления на компенсацию. Оформляли все сразу, чтобы не дергать бедолаг лишний раз...

Новость о том, что вместо шкур диких зверей, адепты все это время носили на себе останки драконов, вызвала у детей весьма однозначную реакцию. И их было действительно жалко.

Эйнар взял из правой стопки верхний лист.

Там аккуратным почерком, по всей форме, был написан отказ от компенсации, оформленный на имя ректора. А снизу тем же почерком, крупными буквами наискосок было приписано — «В ж... ему эту компенсацию засуньте, когда поймаете!».

— Ну и что это такое? — уточнил Эйнар у темного.

— Ай, подумаешь, мальчик с ошибками написал слово «горло»! — Алвис плюхнулся в одно из кресел. — В общем-то они все в той или иной степени сводятся к одному.

— А что с показаниями?

— Все вещи были куплены в ближайшей кожевенной лавке Тилбери. Мы с Иваром уже наведались туда. Владелец не при чем, он помнит, как продавал адептам изделия, но не имеет ни малейшего представления ни как они оказались в его лавке, ни кто их ему продал. Промывка мозгов, причем весьма грубая, работал не мастер дела — так, тят-ляп, лишь бы следы замести. У бедняги теперь провалы на ровном месте.

— Я гляну его потом, — кивнул бронзовый, задумчиво потирая подбородок.

В кабинете на мгновение повисла тишина.

— Кто? — наконец, спросил ректор, и Алвис негромко назвал имена. Четыре имени. Три драконицы и дракон. И правда четыре. Значит, еще была надежда и надо продолжать попытки связаться и предупредить двоих.

Драконы снова немного помолчали.

— Я смог узнать, где погибла Ида, — снова заговорил темный. — Слетаю, побеседую с ней.

Может удастся что-то выяснить.

— Добро. Только будь осторожен.

Алвис хмыкнул.

— Сам-то давно ли от проклятия в термах отмокал, советничек?

— Думаешь, он же?

— Уже уверен.

— Прекрасно.

Действительно прекрасно. Наконец-то найти и избавиться от твари.

— Иди уже.

Однако черный не спешил вставать.

— Еще одно. Может, и не ко времени сейчас, но кто знает, сколько меня не будет. Сделай, Тьмы ради, как-нибудь так, чтобы девочке не приходилось ревновать. А то знаешь ли, потрошителей у нас будет два.

Он поднялся и вышел, отправив напоследок Эйнару отпечатавшийся в памяти образ ворвавшегося в кабинет воплощения Тьмы.

Эйнар посмаковал его, разглядывая во всех деталях, и губы против воли тронула ухмылка.

* * *

Ночь прошла беспокойно.

Насыщенный день, вместивший в себя некросрыв, шокирующее открытие, много-много ходьбы и разговоров, тревога за ректора да и проигнорированное мной магическое истощение дали о себе знать — спала я скверно и, соответственно, проснулась в отвратительном настроении. Записка, обнаружившаяся в изголовье, не смогла его существенно улучшить — Эйнар сообщал, что освободился только под утро, пришел, увидел, как я сладко сплю, и пожалел меня будить. Ха! Пунктирный сон, полный дурных неоформленных сновидений, беспричинных пробуждений и беспокойства, ощутимого даже в забытии — это теперь называется «сладко спала»?!

И вот это мне было предложено вместо большого, теплого, успокоительного дракона?!

Ладно. Я постаралась найти в ситуации положительные стороны. По крайней мере, он точно жив! Никуда не сорвался мстить страшной мстеею, а жив и здоров.

Был. С утра. Если точно — незадолго до рассвета...

— Не превращайся в наседку, Тереса! — громко сказала я сама себе.

В пустой комнате мой голос показался странным, неестественным.

Ректор, сильный маг, дракон, в конце концов — Эйнар уж точно мог о себе позаботиться.

Осознание этого не мешало мне сидеть на кровати, обняв колени и мрачно и в красках воображать худшие варианты развития событий.

Устав от душевных метаний, я воззвала к голосу разума — и лучше б воздержалась, потому что он въедливым тоном, подозрительно похожим на бабкин, напомнил мне и про проклятие, то самое, снятое в купальнях, и про то, что убийство были такими же драконами, как Эйнар...

А-а-а-а! Беззвучно поорав и подергав себя за волосы, я вздохнула и принялась одеваться.

Тьма ведает, будут ли у нас сегодня занятия — но завтрак будет наверняка.

Вот туда и пойду.

Раздражение скапливалось песком под веками, звоном в не отдохнувшем мозгу и зудом — в теле.

Но только я закончила с туалетом и сделала шаг в сторону двери, как на письменный стол с громким стуком и жалобным дзиньканьем приборов шлепнулся огромный серебряный поднос. В нос ударил аромат горячего чая и свежего хрустящего хлеба.

Здрасте-приехали, это что за гостиничный сервис?

А следом раздался стук в дверь, вслед за которым эта самая дверь распахнулась, ненавязчиво демонстрируя, что не одна я тут умею магические замки с легкостью игнорировать.

Стоило мне увидеть Эйнара, как все клокочущее раздражение если и не испарилось без следа, то клокотать изрядно перестало. А когда дракон, не обращая внимания на взгляд исподлобья, приблизился ко мне и поцеловал, так и вообще в голове сделалось пусто-пусто. Злилась? Я? Да когда это было! Минуту назад, вечность, словом!

— Выспалась? — вырвавшееся с вопросом дыхание ожгло губы, и я облизнула их и вскинула ресницы, чтобы посмотреть ректору в глаза.

— Выспалась. Бы! Если бы кто-то сдержал слово и пришел.

— Я сдержал. И пришел.

— И остался!

— Не остался. Зато вернулся! — ввернул дракон собственный аргумент и прежде, чем я успела поставить ему в вину еще что-нибудь, кивнул на поднос: — Завтрак?

Так. Надо освежить знания о драконах. Они девственницами точно в ритуальных целях интересуются, а не чтобы откормить и сожрать?

Эйнар громко прыснул смехом, уткнувшись мне в плечо.

— Одно другому не мешает, — заговорщически поделился он, и я, вспыхнув, выпуталась из драконьих объятий.

Сама виновата, кто ж при менталисте так громко и очевидно думает, но мог бы и сделать вид, что не услышал!

Вместо этого Эйнар сделал вид, что не заметил моего оскорбленного возмущения, и воспользовался освободившимися руками, чтобы переместить поднос на застеленную кровать, а следом и вовсе развалился на ней поперек, полулежа, как султан на подушках под опахалами.

Я помедлила мгновение и тоже забралась на кровать коленками и, окончательно отбросив всякий дурацкий рассуждения, вгляделась в драконье лицо.

Лицо было явно неспавшим, усталым, но собранным.

— Я отменил сегодня занятия, — сообщил мне ректор. — Адептам запрещено покидать пределы академии и рекомендовано пребывание в общежитиях и библиотеке. Так что у тебя свободный день.

— Разве не лучше было бы всех чем-нибудь занять? — полюбопытствовала я, намазывая масло на тонкий кусочек ароматного поджаренного хлеба. Не то, чтобы я сомневалась в ректорских управленческих способностях, мне просто было любопытно.

— Лучше. Но двое драконов так и не вышли на связь, и большая часть наставников высказала желание встать на крыло, чтобы помочь остальным в поисках. Ивар и Халле заняты защитой академии от проникновения извне. Алвис улетел беседовать с погибшей драконицей. А трем оставшимся на всякий случай для поддержания порядка наставникам тяжело занять несколько сотен разноуровневых, взбудораженных адептов.

Вопрос насчет адептов быстро отпал, когда я услышала про темного.

— Что он узнал? Наставник Алвис? — Я подобралась, как гончая перед приказом, забыв про бутерброд.

— От него пока не было вестей. Если бы я что-то знал, я бы тебе рассказал. Так что успокойтесь и ешьте, адептка Ривад.

Я сникла, вгрызлась в хлеб с сыром и, только дожевывая первый кусок, поняла.

Дракон лежал и хитро щурился, наблюдая за моим вытягивающимся лицом.

— Вы... ты... — с трудом пропихнув еду в нужное горло и так и не определившись, как самой обращаться к вроде бы любовнику, но ректору всея академии, я открывала рот и не могла подобрать слов.

— Пока ты думаешь, как покорректнее назвать меня подлецом, негодяем и нахалом, давай я спрошу — что ты все-таки делаешь в академии Тереса из рода Ривад, именуемого Молчашими? О! Хорошо, что напомнил! Молчашие!

Я снова запустила зубы в бутерброд и хмуро уставилась в окно, делая вид, что никакого вопроса не слышала, и никакого многозначительного взгляда не видела, и вообще нет тут никого, сижу одна, попиваю чаек, думаю о прекрасном. И о том, как чревато кого-либо спасать. Неблагодарное дело, не буду больше им заниматься!

— Тереса, — вкрадчиво позвал дракон — у-у-у, змеюка подколотная! — и выпрямился, кровать жалобно скрипнула под его весом. — Ну ты же не думала, что я не догадаюсь, после того, как ты заявила о своих правах?

Думала-не думала... а кто мешал оставить свои догадки при себе, а бедную девушку — в покое?

— Что у тебя случилось? Я просто хочу помочь.

Я продолжала пялиться в окно, недовольно сопя и чувствуя, как глаза почему-то защищало.

Слишком мягким был голос, слишком обволакивающим, и слишком сильным — желание сдаться. Только кто я тогда буду? Глава рода или маленькая девочка, плачущая на жизнь?

— Тереса. — В своих усиленных попытках игнорировать дракона (непростое, между прочим, мероприятие с учетом его габаритов и размеров комнатухи!), я даже не заметила, когда он успел сдвинуть с кровати поднос — и тот преспокойно завис в воздухе как так и надо — и придвинулся ко мне вплотную. — Расскажи мне. Тебя родственники обидели?

Я резко повернула голову и отчаянно уставилась в такие близкие янтарные глаза.

— Да, — коротко и зло выдохнула я. — Обидели. Они умерли. Все.

И поджав губы, не отводя взгляда, я наблюдала как расширяется, заполняя почти всю радужку, драконий зрачок. А с лица Эйнара мигом слетает слегка игривый настрой.

Он вскинул руку, провел кончиками пальцев от виска к подбородку, а потом прижал ладонь к моей холодной щеке, грея, почти обжигая ее своим теплом.

— Расскажи, — шевельнулись губы.

Я прерывисто выдохнула, с твердым намерением прямо сейчас потребовать прекратить лезть в мои дела и в мою жизнь, но... не смогла. Вместо этого, зажмурившись, ткнулась дракону в грудь, позволяя обнять себя, притянуть ближе, устроить на коленях в уютных, ограждающих от всего мира объятиях. А потом принялась бестолково, беспорядочно, перескакивая с одного на другое — рассказывать.

И я знала, что для него мой рассказ перемежается со вспышками-образами — мелькали лица, дрожали огоньки фиолетовых фонариков в склепе, скалились гончие. И за этим маячила фигура в балахоне с капюшоном, полностью скрывающим лицо.

На удивление я не расплакалась, хоть и чувствовала, как покраснели глаза и как мокро было в уголках. Только неожиданно для самой себя ощутила огромное облегчение — будто могильная плита с души свалилась. Впервые за долгое время я ощутила себя неодиноким.

И я затихла, уткнувшись лбом в драконью шею, чувствуя, как он поглаживает меня по спине.

— Бедная ты моя девочка... — произнес Эйнар, чуть сильнее сжимая меня в объятиях.

И я вскинулась было привычно — ничего я не бедная, и ничейная, и не девочка вовсе! И тут же обмякла — прямо сейчас быть чьей-то бедной девочкой мне почему-то очень понравилось.

— Тот маг в капюшоне... — проговорил вдруг ректор, продолжая ненавязчиво и совершенно невинно меня гладить. — И его проклятие, которое за тобой гналось. Когда Алвис вернется — покажешь ему, ясно?

Я кивнула, подколупывая ногтем вышивку на вороте драконьей рубашки.

— И, Тереса, — он подтолкнул меня в бок, заставляя выпрямиться и снова посмотреть в глаза. — Ты умница. И ты очень сильная. Ты обязательно совсем справишься. А я — буду рядом.

И каким-то чудесным образом это были именно те слова, которые мне хотелось услышать. Это мой род, это мой крест. Это меня нарекли Темной, наложив обязательства еще и помимо тех, что уже лежали. И я бы не смогла, никогда не смогла бы переложить их на чужие плечи и сидеть наблюдать, как кто-то большой и сильный решает мои проблемы. И ни за что бы не потерпела, если бы этот большой и сильный сам попытался бы легким жестом задвинуть меня за спину, небрежно бросив

— ты посиди тут, а я разберусь. Не нужен мне был никто впереди меня, чтобы я смотрела ему в спину.

А вот рядом...

Я сглотнула, облизнула пересохшие губы и порывисто прижалась ими к губам Эйнара.

Сегодня дракон не торопился. Он целовал меня долго, нежно, кусал припухшие губы, иногда отклонялся, чтобы поцеловать, лизнуть ухо, шею, подбородок, но снова возвращался к губам. А руки только гладили меня поверх одежды, не спеша от нее избавлять. Гладили, вдавливали в сильное тело, сжимали сквозь ткань, заставляя всякий раз вздрагивать от стреляющего молнией удовольствия.

Я первая подцепила ткань драконьей рубашки, и стянула ее через голову. Провела ладошками по литым мышцам груди и живота — вниз, вверх. По плечам, наблюдая, как за моим прикосновением проступают и тут же тают, как пенный след, мелкие блестящие чешуйки.

Ладони Эйнара нырнули под юбку и принялись поглаживать нежную кожу бедер, выписывать на ней причудливые узоры, но только с внешней стороны. И у меня внутри все тут же заныло в ожидании, в сосущей потребности. А ректор по-прежнему только нежно гладил кожу и хитро шурил змеиные глаза.

У-у-у, рептилия!

Я ответила ему вызывающим взглядом и сама потянула шнурок туго затянутого корсажа, выпугываясь сначала из него, а потом и из свободной блузы, подставляя горящему взгляду грудь с темными напряженными вершинками сосков. Я призывно прогнулась в талии, и, шумно выдохнув, Эйнар прильнул к нежному полушарию, втягивая его в рот. Посасывая, прикусывая, обводя шершавым языком...

И я невольно заерзала, извиваясь, пытаюсь прижаться теснее, не только грудью, но и промежностью, где все ныло, пульсировало и требовало свою дозу ласки.

А потому для меня стало неприятным сюрпризом, когда Эйнар вдруг остановился, и, вместо того чтобы продолжить приятное занятие, намотал на руку мои кудри, легонько, но многозначительно потянул их и ласково глядя мне в глаза, вкрадчиво уточнил:

— Кстати, Тереса...

Несмотря на ласковость, тон явно не подразумевал для последней Ривад ничего хорошего, и я замерла, тяжело, возбужденно дыша, настороженно прикидывая, где я могла облажаться до такой степени, чтобы дракон вспомнил об этом сейчас.

— А почему это Алвис у меня в кабинете за тебя заступался?

— Потому что знает темный кодекс! — рявкнула я, с трудом сдержавшись, чтобы не взвыть от досады и одновременно облегчения. — Я и вам экземпляр подарю — будете на досуге раздел про право на месть заучивать!

Я свирепо грызнула драконье плечо, воспользовавшись тем, что мои волосы как-то незаметно выпустили на свободу, и мою мстительность (и темперамент) больше ничего не сдерживало. Так что я еще разок куснула широкое, твердое, упоительно вкусное плечо, подобралась к горлу, прихватывая губами тонкую кожу, чувствуя, как руки Эйнара увлеченно и головокружительно сжимают, мнут мои ягодички, поднялась к челюсти, легонько сжала зубами... А потом коварный дракон отвлек мое внимание от справедливой (и безжалостной) мести, просто чуть-чуть повернув голову...

Не знаю, как так вышло, но когда я опомнилась, мы уже некоторое время увлеченно целовались.

...и зачем, спрашивается, опомнилась?

Поймав драконий язык, бесчинствующий у меня во рту, я легонько погладила его своим собственным, и опустив ресницы, сделала вид, что хитрого драконьего финта не заметила, и снова позволила себе утонуть в водовороте ощущений.

— Думаю, стоит попробовать что-нибудь, чего мы еще не делали, — шепнул мне на ухо дракон, подхватив меня под попу и опрокидывая на кровать.

— И чего это мы еще не делали? — удивилась я, откидываясь на спину и оплетая шею Эйнара руками.

По моим личным наблюдениям, секс оказался занятием приятным, но незамысловатым. Ничего сложного!

Дракон, покрывающий поцелуями мой живот, хрипло хохотнул, обдав горячим дыханием мою кожу.

— Да мы еще практически ничего не пробовали!

Я выгнулась, закусив губу, а совладав со сладким ощущением, строгим тоном уточнила:

— И почему это мы еще ничего не пробовали?

Шершавый язык вдумчиво прошелся снизу вверх по моему животу, оставив за собой влажный след, но я не дала подкупить себя поцелуями, которыми Эйнар принялся покрывать чувствительную кожу, сурово выговорила ему:

— Плохой, плохой дракон!

Дракон поперхнулся смешком, и я увидела, как сверкнули янтарные глаза, когда Эйнар поднял голову, оторвавшись от своего занятия — а потом он одним гибким движением поднялся вверх, прижав меня своим телом к постели, и хрипло прошептал на ухо:

— Этого мы тоже еще не пробовали!

Я непонимающе моргнула, и, откидывая голову так, чтобы дракону удобнее было выводить языком горячие узоры на моей шее, призналась:

— Я хотела сказать «Плохой, плохой любовник!», но у меня язык не повернулся...

— Вы просто неправильно его поворачиваете! — тихо рассмеявшись, вместо того чтобы обидеться, как я опасалась, пробормотал мне в губы Эйнар, и накрыл мой рот требовательным, властным поцелуем, заставив проглотить недоуменный вопрос. — Ничего, я вас научу!

Снова полыхнув безумным взглядом, он заскользил вниз, по горлу, по груди, к животу, прокладывая дорожки обжигающих поцелуев и болезненно-сладких укусов.

Юбка полетела в сторону, белье — вслед за ней, и я осталась под полыхающим взглядом бронзового дракона абсолютно нагой.

Пламя, бушующее в глазах этого мужчины, заставляло меня изнемогать и плавиться не меньше, чем его прикосновения, заставляло чувствовать себя всемогущей, могущественной — и одновременно подавляло волю, лишало разума.

И когда он развел мои бедра, стоя между ними на коленях, и склонил голову, я только потрясенно ахнула — и стиснула простыни в кулачках, но и не подумала протестовать. Чувствительной кожи на внутренней стороне бедра коснулись поцелуем мягкие губы, затем дракон потерялся гладкой щекой там, где только что целовал.

Я приподнялась на локтях посмотреть — мне как-то не верилось, что он это сделает. Ну... Не верилось, и все тут! Не сделает. Не посмеет.

Эйнар поймал мой скептический взгляд, коварно ухмыльнулся, и склонился ниже, низко-низко. Я ощутила, как его ладони скользнули под мои ягодицы, подперли меня, побуждая прогнуться в пояснице, а потом...

Посмел.

Поцелуй опустил на мою кожу невесомым касанием. Нежный, легкий... и огненный.

Обжигающий — своим фактом. Еще один, и еще, и еще.

Хор-р-ро-о-оший дракон!

Эйнар чувственно и неторопливо целовал меня внизу, понемногу усиливая накал, и когда я перестала сжиматься под его прикосновениями — лизнул. Я судорожно дернулась — и Эйнар успокаивающе подул на остро ощущающийся след. Бросил на меня еще один огненный, плавающий взгляд — и уверенно наклонился. И я сошла с ума. Его язык скользил по средоточию моей женственности то вдоль, то поперек, то выписывал круги, то рисовал зигзаги, и иногда это было удивительно хорошо, а иногда, когда его язык задевал какое-то невероятно чувствительное место, это было просто оглушительно прекрасно!

Мои ноги, невесть когда оказавшиеся у него на плечах, то судорожно елозили по широкой спине, то бессильно обмякали, я выгибалась, чтобы стать к нему ближе, чтобы сделать ярче эти ошеломительные ощущения, и металась, пытаюсь разорвать контакт, не в силах больше выносить эти мучительно-шершавые прикосновения бесстыжего драконьего языка. Я сминала и комкала простыни, и кажется, в какой-то момент мне послышался треск рвущейся ткани...

Да что там — в какой-то момент мне даже послышался чей-то крик!

Наверное, это кричала я.

Но я не уверена — потому что в тот момент, когда на меня обрушился восхитительнейший оргазм, я могла бы не заметить даже собственную смерть.

Эйнар дождался, когда схлынет первая, самая острая, волна кульминации, и вошел в меня одним толчком.

Сразу — и до упора, и замер, позволяя мне прочувствовать новые оттенки ощущений, порожденные восхитительной наполненностью.

Я, прикрыв глаза, кусала губы, наслаждаясь последними спазмами экстаза. И когда эти отголоски застыли, я подняла ресницы — и утонула в гипнотизирующем взгляде янтарных глаз с вертикальными зрачками, а дракон уверенно и сильно толкнул бедрами.

Чувствуя, как от этих движений по жилам снова растекается зарождающееся огненное желание, я сладко выдохнула и откинулась на постель. С трудом расслабила пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в ткань и потянулась вперед, оплела крепкую бронзовую шею.

Поцелуй со вкусом непристойных ласк на губах меня уже несколько не смутил — как и томный, порочный огонь во взгляде бронзового дракона. Я попыталась поймать ритм, и начать двигать бедрами ему навстречу, но шепот на ухо «Т-ш-ш-ш! Я сам!» меня остановил.

Расслабилась — и позволила себе утонуть в сладкой неге. Не отдавать, но только брать.

А Эйнар, не прекращая ритмичных, сильных толчков, наклонился к моей груди и, поймав губами вершину, принялся посасывать невероятно чувствительный сосок в ритме проникающих в меня ударов.

Влажная, покрытая бисеринками пота широкая спина, горячее мужское дыхание, истрепанная коса — все это выхватывалось случайными картинками, возбуждающими мазками, подстегивающими удовольствие почти так же, как удары твердого мужского члена глубоко внутри меня.

Удовольствие нарастало, и предчувствие пика уже манило своей заманчивой близостью, и я в нетерпении начала поскуливать, и пытаться заткнуть себе рот, кусая пальцы, но все, что делал сейчас дракон было слишком хорошо, чтобы об этом молчать.

Так хорошо, так ослепительно, та...

А-а-а-а!

В этот раз ощущения кульминации не были такими острыми. Но в этот раз мы закончили вместе с Эйнар — и его разрядка, кажется, впервые прочувствованная мной так... полно сделала впечатления непередаваемыми.

И когда дракон навалился на меня всей своей драконовой массой — а она у него-человека, кажется, не намного меньше чем у него-дракона — и я только собралась сказать ректору какой-нибудь комплимент (для конспирации замаскированный под очередную гадость), как на запястье у него мелодично тренькнуло, и переговорной амулет голосом Алвиса деловито оповестил:

— Эйнар, ты нам нужен. Есть новости.

Я дернулась прикрыться — все же, брат-темный мне в спальне даже в виде бесплотного голоса даром был не нужен, а ректор, мгновенно мобилизовавшись, будто и не было этого опустошающего удовольствия только что, хмуро уточнил в проявившийся витой браслет, плотно обхвативший жилистое запястье:

— Это терпит полчаса?

На той стороне связи поколебались, и отозвались:

— Да.

Эйнар отключился и откатился в сторону, давая мне выползти из-под него.

Я соскочила с кровати и принялась торопливо натягивать на себя вещи, а рядом тем же самым занимался Эйнар — нет, уже не мой любовник Эйнар, а ректор Академии семи ветров.

С рекордной скоростью застегнув блузку и зашнуровав корсаж (да я их, кажется, снимала и то медленнее!) я нетерпеливо приплясывала у двери, дожидаясь, когда дракон накинет на себя отвод глаз, но у него, оказывается, были другие планы.

— Завтрак! — сурово отчеканил он, указав пальцем на накрытый стол.

У меня округлились глаза и из груди вырвался протестующий вопль.

Как он может думать о завтраке в такой момент?!

— Адептка Тереса. — угрожающе отчеканил ректор Академии семи ветров в ответ на мое негодование. — Либо вы садитесь за стол и завтракаете, либо вообще никуда не идете.

Глава 10

— Мне удалось призвать дух одной из жертв, — вещал черный дракон через полчаса в ректорском кабинете. — К сожалению, она не видела убийцу и последнее, что помнит, это как в полете у нее отказали крылья — и последовавшее падение. Ида говорит, что она умерла не приходя в сознание, либо от удара о землю, либо... Либо — не от него. В любом случае, шкуру с нее сняли посмертно.

Странно сказать, но после этих слов наставника Алвиса мне стало легче. Я знаю, нас, темных, считают странными. Многие думают, что мы не способны на сочувствие. Но узнать, что все четыре истинных дракона умерли быстро и без мук, было облегчением.

А наставник, тем временем, продолжал:

— К счастью, Ида смогла указать мне, где покоятся ее останки.

Я сделала стойку на эти слова, как призовая охотничья собака — на дичь. Тело жертвы, чей дух уже пошел на контакт с некромантом — это просто чудесно! Имея его в наличии, можно устроить много приятных сюрпризов нашему дорогому другу!

Темный, без сомнения, заметивший нехороший блеск в моих глазах, хмыкнул, и уточнил:

— Я воспользовался наличием трупа и любезным разрешением духа Иды, и сотворил темную гончую. Я не решился спускать ее по следу в одиночку, Эйнар, но она чует след. Можем пойти по нему в любой момент.

Я буквально физически ощутила, как наполняет бронзового дракона свирепая, злобная радость. Как клокочат в нем жажда мести и гнев. А вот меня слова Алиса повергли в некоторую задумчивость, но происходящее в кабинете быстро вернуло в действительность.

— Ивар, срочно — ко мне в кабинет, есть работа по профилю — распорядился Эйнар в артефакт. И, уже обращаясь к Алвису, сказал: — Твоя гончая способна провести троих? Отлично. Значит, идем втроем!

— Вчетвером! — попыталась вклиниться я, нарвалась на два хмурых взгляда, один приказ не дурить (вслух) и одно обещание отшлепать (ментально), и сдулась.

— Ладно! Но как только вы вернетесь — вы мне сразу всё расскажете! — упрямо потребовала я, мысленно добавив «А не так, как вчера!»

— Хорошо, адептка Давир, — отозвался ректор, мыслями уже весь в предстоящей акции.

— Вызывал? — уточнил от порога боевик, и Эйнар с Алвисом принялись буднично и деловито посвящать альбиноса в детали операции.

Я тихо сидела в кресле. В принципе, мне здесь было делать уже нечего — я могла бы уйти и не мешать мужчинам готовиться. Пользы от меня здесь не было никакой.

Хотя...

Когда два дракона, несущие на плечах третьего, ввалились в атриум, они, видимо, ожидали встретить там кого угодно, но не меня. Я тоже была, мягко скажем, ошарашена — хотя именно их и караулила.

После вчерашнего финта Эйнара, воспользовавшегося моим сонным состоянием и увильнувшего от исполнения взятых на себя обязательств, а отделавшегося жалкой запиской, я учла полученный опыт, и устроилась дожидаться возвращения ударного отряда в атриуме. Туда удобно выходили лестницы сразу двух башен, облюбованных драконами как посадочные, и вероятность того, что они вернуться другим путем, была ничтожно мала. А вероятность того, что проскочат меня — и того ниже, потому что я не поленилась, и прогулялась до остальных входов в Академию. Сигнальные нити драконы могли заметить и обойти, и вот затаившихся в тених призванных стражей — вряд ли.

Подготовилась я хорошо. Но не к тому.

Вот не того мага я рассчитывала увидеть в полубессознательном состоянии и с явными следами магических повреждений!

А со стороны коридора, ведущего к лазарету, уже бежала целительница Маргрит.

Короткая, стремительная магическая диагностика.

Бесстрастное лицо Маргрит, сигнализирующее о проблемах не хуже паники или безнадежности. Короткое властное:

— На пол его! — и Эйнара быстро и максимально аккуратно устраивают на мазаичном полу атриума, и целительница полностью ныряет в лечение, а в холл академии постепенно стекаются наставники, невесть как узнавшие о случившемся.

Время замерло, как мошка в янтаре.

Я молча смотрела на лежащего дракона, на склоненную над ним фигуру целительницы, и думала о том, что всё паршиво — в магическом зрении были видны разрывы нематериальной оболочки ректора, через которые из него хлестала сила, и следы темного проклятия, приведшего её в такое состояние.

Видимо, Алвис выдрал вражеское заклинание прямо там, на месте — и тем спас Эйнару жизнь. Либо просто отсрочил неминуемый конец.

Проклятье успело натворить бед, пока Алвис справился с ним — аура дракона была изорвана в клочья, и, что самое скверное, заклинание подавило ее естественную регенерацию, и там, где целительница Маргрит очищала оболочку от следов зловредного плетения, края разрывов не тянулись друг к другу, и даже сведенные вместе не схватывались, как должны были, а обвисали цветными лоскутами — если можно так выразиться об энергетической структуре.

Значит, их придется восстанавливать вручную, крепить энергетическими «скобами», наперегонки со стремительно утекающей в разрывы жизнью.

Только не паникуй, Тереса — вот твоих истерик тут еще не хватало до полного счастья!

Лучше думай, чем ему можно помочь, ты же дочь темного рода, за тобой поколения предков, годы дрессировки и тома фамильной библиотеки!

Думай, Тереса, думай!

Штопать его группой драконы не могут — аура не плоть, особенно такая, поврежденная.

Вторгаться в нее можно только в одиночку, да и то... не всем, не всегда, с массой оговорок и предосторожностей. Целительница справится и сама — если ей хватит времени. А его мало — дракон практически обессилел, и отток сил продолжается.

Что может помочь выиграть время?

Приток сил, способный компенсировать потерю — и не разрушить окончательно поврежденную структуру. Внешний источник магии, стабильный и равномерный поток силы.

Термы не подходят — работать с разрывами ауры в воде невозможно, да и с равномерностью у естественных источников, пересеченных с водой, не очень — колебания, которые здоровый организм даже не заметят, для Эйнара критичны.

Потому же отпадает ритуал с использованием девственницы — такой сильный разовый выброс энергии вообще разнесет дракону ауру в клочья. А то я бы сама эту треклятую девственницу ему нашла и пинками сюда пригнала...

Я кусала губы, наблюдая, как ловкие пальцы целительницы сводят вместе самые крупные лоскуты, одним движением — но так, что края безупречно правильно совпадают, закрепляют и оставляют, с тем, чтобы вернуться и закончить потом, а сами переходят дальше.

Отток силы из обработанных разрывов становился гораздо меньше — но все равно был. И можно было не вспоминать судорожно формулы, заученные еще дома, не подставлять в них нынешние значения — и безо всяких расчетов было видно, что она не успеет. Эйнар терял слишком много энергии.

— Почему она не использует Круг? — нервно спросила я у Алвиса, невесть как оказавшегося рядом.

— Потому что драконы не способны объединяться в Круг, — вместо темного ответила мне целительница, и напряженный голос солнечной драконицы сказал мне больше чем профессионально бесстрастное лиц.

Сердце стукнуло с перебоем. То есть что?.. Сейчас она не борется за жизнь Эйнара, а просто... Просто отказывается признать очевидное? Потому что долг и призвание велят ей биться до конца, даже если ситуация безнадежна?..

Нет.

Нет, я так не играю.

Я не разрешала!

Я отстранила гнев, замешанный на панике, и потянулась к тому, что уже давно было рядом со мной. Вокруг меня. Слова целительницы Маргарит доносились, как сквозь вату:

— А если поставить в Круг адептов, он просто высосет их досуха...

Конечно, высосет. Что такое пять адептов для вхрослого, сильного дракона? Осушит, и не заметит. Бессмысленный шаг — и дракону не поможет, и адептов угробит.

Мысли были вялыми, отстраненными, их думал кто-то оставшийся на поверхности моего сознания, не я, сплетая выводы из обрывков слов и знаний, а я тонула.

Погружалась глубже, уходила вниз — сквозь выложенный затейливым мраморным узором пол атриума, через подземные аудитории и хозяйственные помещения, все ниже, ниже...

Когда-то давно этот замок принадлежал магическому роду.

Что с ним случилось?

Иссяк, как мы, Ривад?

Выступил против императора, и был уничтожен?

Это не важно. Важно, что земля осталась без хозяев.

Замок был долго предоставлен сам себе, а потом в нем появились драконы — живые и любознательные, они излазили замок от крыши до подземелий, и привели с собой человеческих магов — не обученных и безродный, молодых и слабых, но этого хватило замку, чтобы принять драконов. И замок позволил драконам обжить себя, и только один раз вмешался — когда в замковых подземельях обустроивали термы и выводили сквозь тело горы в подвалы горячие источники, отвел руку нелюдей, не дал наткнуться на родовой алтарь...

Почему драконы не нашли его? Не знали, что он есть? Не искали? Ведь не в каждом же замке была алтарная комната, и не каждая хранила в себе родовой камень...

Не важно. Так или иначе, но его не нашли, и долгие годы, сложившиеся в столетия, у этой земли не было хозяев — до тех пор, пока не пролилась на каменные плиты подземелий кровь последней Ривад.

Я открыла глаза, выплывая из этих ощущений и приходя в себя, и попросила склонившуюся над раненым целительницу:

— Отойдите в сторону, пожалуйста.

И шагнула вперед.

Кто-то из драконов дернулся перехватить меня, преградить дорогу. Я коротко вздохнула, опустила ресницы — и приоткрыла Дверь.

Тварь, больше всего похожая на чудовищную помесь многоножки, омара и мешка с зубами, рванулась в появившийся проход, слишком огромная, чтобы сознание могло воспринять ее целиком, и в прорехах реальности мелькали то сочленения тела, укрытого псевдохитином, то суставчатые лапы, то гигантская клешня...

Дракона, заступившего мне дорогу, ударом бронированного тела снесло в сторону, протащило по мрамору пола...

«Не насмерть!» — мысленно отдала я приказ, и тварь завизжала в ярости, хлестнула раздвоенным хвостом по полу, оставляя борозды в мраморной мозаике, но подчинилась. И клешня, видимая лишь частично, метнувшаяся к лежащему — добить — замерла, а Алвиса и Ивара, слаженно рванувшихся на помощь сородичу, впечатало хитиновым боком в стену — но не размазало по ней.

Я присела рядом с бессознательным Эйнар, не обращая внимания на продолжающую свое дело упрямую целительницу, и положила руку ему на грудь — а пространство вокруг меня стало выцветать, меняться, словно проваливаясь одно в другое, и на месте синей мозаики стен и цветных витражей атриума проступало совсем другое помещение.

Алтарный зал.

Отполированный черный камень стен, и плети узоров из хрусталя под потолком, утопленные заподлицо в стены... И глыба алтаря в центре зала.

Пространства атриума и алтарной комнаты разделялись, остатки освещения, пробившиеся сюда при перемещении, исчезли — но вместо них наливались молочным светом жилы хрусталя в стенах, реагируя на присутствие. Нет, не просто на присутствие — на меня.

— Правом своим, кровью своей, сутью своей — требую, признай мою власть!

И странное ощущение на грани восприятия, но прочувствованное всей кожей — как будто многотонная масса камней надо мной вздохнула с облегчением, принимая меня своей владельницей.

Тварь, переместившаяся вместе со мной и драконами, с шипением дернулась на судорожное движение целительницы Маргрит — и я опомнилась, спохватившись, что плохо управляемому детищу Тьмы не место здесь в тот момент, когда я буду полностью занята и еще и на его контроль не смогу отвлекаться.

— Пошел вон.

И Дверь между здешним и потусторонним гостеприимно распахнулась в сторону потустороннего. Многоножка дернулась, визжа и упираясь, клешни суетливо метнулись-туда сюда...

— Пшёл! — рявкнула я во всю глотку, так что, кажется, даже стены содрогнулись, и ее сдернуло, зашвырнуло в сторону прохода и мстительно прихлопнуло дверью растопыренные лапы.

Эхо наших воплей еще гуляло под сводами черного зала, когда я подхватила Эйнара за рубашку и пояс, и приподняла его и с трудом брякнула на алтарь, несмотря на помощь заклинания для переноски тяжестей, и голова бронзового дракона с громким звуком ударилась об алтарь.

Ничего, переживет. Может, мозги встряхнутся — на место встанут.

Драконы расступились к стенам, не пытаясь больше помешать, только целительница Маргрит держалась рядом, готовая в любой момент броситься на помощь.

Я молча обошла алтарь, забрасывая на него свисающие драконьи конечности и устраивая тело как положено.

Нет, ну мало мне проблем в реальности — так еще и наследие предков добавляет! Надеюсь, захлопнувшейся Дверью ему оторвало пару лап, которые оно посмело растопыривать! Пусть теперь подумает о своем поведении, пока новые отращивать будет...

Внутреннее кипение помогало отвлечься от того, что мне сейчас предстояло сделать. Все же, шить разрывы ауры мне еще не приходилось, да и до того...

Перед тем, как приступить к лечению, следовало сделать кое-что еще. И лучше не тянуть, поняла я, присмотревшись к энергетической оболочке Эйнара.

Времени у меня осталось не так уж много.

Хорошо, что драконы — зверюшки живучие!

Я окинула взглядом алтарь и Эйнара на нем, убедилась, что драконы так и жмутся к стенам, а целительница держится на разумном расстоянии, вдохнула, выдохнула, очищая сознание и изгоняя из разума посторонние мысли, и заговорила нараспев, торжественно и призывно:

— Отец мой, о, отец мой, услышь свою дочь, ответь на мой призыв, явись на мой зов!

И застыла в тягучей тишине, в бесконечный миг, когда сердце обрывается и душа замирает в отчаянии — не ответит! Не услышал! Ты оказалась недостойна, и отныне и навек в поддержке тебе будет отказано!

А потом у дальнего от меня угла алтаря за клубилось крохотное облачко тьмы, разрастаясь, и из него выступила знакомая — и почти забытая — фигура отца. Вито Ривад протянул полупрозрачную смуглую руку, коснулся ею алтаря, и замер в спокойном ожидании, позволяя мне продолжить обряд. С моих плеч будто рухнула плита, размером не меньше алтарной. Они здесь! Они придут, откликнутся!

И теперь я точно знала — у меня все получится.

Я не позволила себе замереть, вглядываясь в родное лицо, заново вспоминая черты — для этого еще будет время, а сейчас прежде всего — дело.

Прошла к следующему углу алтаря, скользя ладонью по полированной гладкости его бока, ощущая под рукой медленно разогревающийся камень и двигаясь по движению солнца.

— Брат мой, брат старший, услышь сестру свою, ответь на мой призыв, явись на мой зов! — тягучая ритуальная формула-обращение растекалась по полу алтарного зала, и от напряжения меня начинало потихоньку потряхивать.

Кейт откликнулся быстрее, коснулся чужого, не нашего алтаря кончиками пальцев и замер — неслучившийся глава рода Ривад, сильный маг и красивый мужчина, Кейт Легконогий, Кейт Путник.

Я отвела взгляд от фигуры старшего брата, не в силах вынести легкую, понимающую полуулыбку на его губах. Эта рана была еще слишком свежа.

Прерывисто выдохнув, я сделала еще несколько шагов, и остановилась у третьего угла:

— Брат мой, брат мой средний, услышь сестру свою, ответь на мой призыв, явись на мой зов!

Белтрэн выступил из своего угла, не дожидаясь Тьмы — и она повисла за его плечами клубящимися крыльями. Спокойный и собранный, он мне таким и помнился, и сейчас, как и раньше, как и всегда, был готов делать то, что должно — и будет, что будет.

Я сделала последние несколько шагов, и оказалась по левую руку у собственного покойного отца. Оставалось самое сложное. Матушка по праву рождения принадлежала другому роду, и отойти должна была к Солер. Но если я сейчас сумею, если дозовусь...

Мне не нужна помощь другого родича в этот момент. Я хочу, чтобы на последний угол, рядом с отцом, встала моя матушка, светлая целительница Каталина Ривад, и замкнула Круг!

И значит, так тому и быть.

— Матушка, о, матушка моя, услышь свою дочь, ответь на мой призыв, явись на мой зов! — я вкладывала в призыв всю себя. Все, что накопилось в моей душе за долгие три года, всю тоску, и боль, и невыплаканные слезы, и несказанные слова.

И тишина стала мне ответом. Пустота. Зиял прорехой незамкнутый Круг.

— Матушка, о, матушка моя, услышь свою дочь, ответь на мой призыв, явись на мой зов! — во второй раз воззвала я к родной крови.

И вновь не ощутила отклика из-за Г рани.

Отступись, Тереса. Смирись. Она ушла по светлому пути, и тебе ее не дозваться.

Сдайся, и позови старую Альбу, она придет, она сама нарекла тебя именем, и теперь переступит через неприязнь к драконам, чтобы ввести тебя, Тереса Темная, в права главы рода. Позови ее — и она откликнется, и дракон на алтаре получит помощь.

Отступись, не рискуй!

— Матушка моя! — закричала я, срывая голос, надсаждая легкие, и крик мой вспорол пространство, вспорол свет и тьму алтарного зала и оставил их висеть ключьями. — О, матушка моя, услышь свою дочь, ответь на мой призыв, явись на мой зов!

Я звала ее отчаянно, как младенец, только пришедший в этот мир, зовет мать, как зверь, угодивший в капкан, зовет стаю, как зовет ушедших над могилами последняя из рода — звала, и не было в этом ни красоты, ни повелительной напевности темного призыва, один только вой отчаявшегося одиночки, и он, этот вой, рвал тонкое пространство, рассекал его ткань, как острый нож...

Она пришла. По пути, проторенному моим воплем. Проскользнула в пробой, созданный моим голосом.

Светлая фигура, окутанная мягким сиянием, прошла по незримому тоннелю — и одновременно возникла из яркой звездочки у последнего незанятого угла алтаря.

Я выдохнула, осторожно и медленно.

Поздравляю тебя, Тереса Ривад. Ты только что перетащила Каталину Ривад, урожденную Солер, посмертно в свой род.

И замкнула Круг.

— Ну и сильна ты, сестренка, глотку драть! — хмыкнул Белтрэн.

Младший в кругу мертвых, только он один и имел право говорить с оставшимися по эту сторону грани. Через него теперь и предстояло вести разговор живых с мертвыми.

Не худший вариант.

Остальные так и делали вид, будто они — просто духи, лишённые что воли, что памяти.

Спасибо им за это.

Так и правда легче.

— Чего призвала? — не унимался неугомонный Белтрэн.

— Дракона собирать будем, — как могла бесстрастно сообщила я брату, единственному, не дававшему себе труда скрыть, что он рад меня видеть.

— Этого, что ли? А остальных зачем притащила?

— Некогда мне их сортировать было! — мрачно буркнула я, стараясь не обращать внимания на жавшихся по стенам наставников, и скомандовала, — Начали!

Протянула правую руку ладонью вверх, стоя возле отца — и отец вложил в нее светлый костяной кинжал длиной примерно мне от локтя до запястья.

Я на пробу обхватила рукоять, перебрала пальцами, примериваясь — она легла в ладонь как влитая. Я взяла Эйнара за руку, аккуратно развернула кисть ладонью вверх, и одним уверенным ударом вогнала в центр правой ладони свой клинок. Ненадежная с виду слоистая кость с легкостью пробила руку и глубоко вошла в камень, начав соединение энергетических структур дракона и алтаря.

Подойти к Кейту. Протянуть руку. Ощутить, как в живую ладонь ложится мертвая кость.

Закрепить правую стопу.

Хорошо, что Эйнар без сознания — мне было бы трудно объяснить ему, зачем я пробила ему руку, ногу, и явно не собираюсь останавливаться на достигнутом. К тому же, бессознательный, он не сопротивляется.

Белтрэн. Левая стопа.

Мама. Левая ладонь.

Развернуть ауру.

Пришпиленная к академическому алтарю добровольно отданными костями моих родичей, драконья аура покорно развернулась и замерла во всей красе. Успевшая изрядно побледнеть от потери магии, она снова медленно наполнялась силой и цветом, и теперь хорошо были видны разрывы, швы и успевшие помертветь участки, которых, слава Тьме, было немного.

Чуть-чуть почистить некроз, а дальше сам справится.

Силен, все же, рептилия!

Я проверила идущий от алтаря поток силы.

Убедилась, что подпитка подопыт... э-э-э... больного осуществляется равномерно и стабильно.

Оглянулась на так далеко и не ушедшую целительницу. Она без слов кивнула — подстрахую, подскажу.

Всё, дальше тянуть невозможно. Дальше тянуть некуда.

Да придут со мной Предки!

Начали.

Собирать в единое полотно рваную драконью ауру было непросто. Я не Маргрит, чтобы отточенным и безупречно правильным движением состыковывать лоскуты в верный узор, и даже увидеть, понять, какое положение — правильное, мне непросто.

Мне легче заставить эту душу переродиться в очередное чудовище, детище Тьмы и принудить его служить мне верой и правдой до скончания веков, чем сделать так, как было до травмы.

Темные могут быть и целителями. Могут. Только я тут явно не причем.

Да помогите же мне кто-нибудь! — взывала я мысленно, но сводный хор предков на границе между здешним и потусторонним никак не отозвался. Их волновали вещи — и не волновал дракон.

Упрямо сжав губы и свирепо костеря всё на свете, я соединяла разорванные края, сводя так, как мне виделось правильным, и ставила энергетические скрепы. Медленно. Долго.

Ломать, деточка — не строить! — шепнул кто-то на задворках сознания, и его присутствие не было отдаленным.

Тот, кто пришел, желал и мог помочь — и я позволила ему встать рядом, глядеть моими глазами и делиться пониманием.

И он делился.

И пестрое лоскутное одеяло чужой ауры больше не казалось бессмысленной мешаниной цветов, а обрело гармонию и строгую логику, а руки, накрытые ладонями далекого предка, вдруг поняли, вспомнили эту работу, и тонкая энергия больше не выскальзывала из слишком грубых для нее пальцев.

Он делился своим опытом — и шептал мне о своей жизни:

— Я звал ее Весной. Она не хотела этого брака, я взял ее силой — но я любил ее. Она улетала. Возвращалась рваная, битая — с войны, из боя... Я собирал ее по кускам, ругая последними словами, и грозил цепью. К сожалению, она так и не смогла дать мне наследника. Но мы были счастливы...

Аура ректора Эйнара под моими пальцами, воспринявшими чужойнавык, была податливой и послушной, цветные лоскутки и обрывки собирались в цельное, единое полотно, минуты текли за минутами, стежки ложились за стежками — и наконец, я признала, что всё. Дело сделано.

Предок отступил, растворяясь в сонме голосов, в родовом наследии.

Я выпустила бесплотную энергоструктуру из рук — и она развернулась в трех измерениях, засияла мягким жемчужным сиянием, которое не увидишь глазами — только душой.

Оглянулась на целительницу Маргрит, пристально вглядывающуюся туда же, куда и я — в мягкие переливы, свободные от разрывов и омертвений. Тщательно, скрупулезно проверяя мою работу, солнечная драконица обошла вокруг алтарного камня, и кивнула мне, подтверждая, что все в порядке.

Облегчение придало мне сил. Их хватило на то, чтобы внятно и четко выговорить освобождающую формулу для призванных душ, жадно вглядываясь на прощанье в лица родителей и братьев, и впитывая всей сущностью их прощальные взгляды и улыбки. Их хватило на то, чтобы закрывая Дверь за ними, отметить — отец и мать уходят, соприкасаясь пальцами, и понять, что все сделано правильно. Не зря я чуть не надорвалась, но докричалась.

Их хватило даже на то, чтобы собрать костяные клинки, которым отныне суждено стать моим ритуальным оружием.

А потом силы вдруг как-то сразу кончились.

Усталые ноги больше меня не держали — я села, вернее, стекла по гладкому сложила руки кинжалах, устроенных на коленях.

Что ж, теперь можно подумать и о насущном.

Итак, мой предок изнасиловал дракона.

При попытках представить эту картину, воображение протестовало а разум зависал. Дважды попытавшись осмыслить невероятное известие, я отступилась. Покачав головой, помассировала виски и открыла невесть когда закрывшиеся глаза.

Ладно, ректор очнется — у него спрошу.

А пока... у меня есть и другие дела.

Вокруг царила деловитая суета.

Трогать темного мага, находящегося в прямом контакте с алтарем, никто не решился, но как только я выдернула из тела ректора кинжалы, целительница Маргрит взяла командование на себя, и теперь его собирались переносить из подвалов наверх.

Это правильно, драконам в подземельях болеть не по душе, им Небо нужно, шевельнулось где-то в глубине меня отголоском памяти-знания.

Я постаралась максимально отстраниться от воспоминаний предка-извращенца. Спасибо, конечно, ты мне очень помог, но... кой-о-чем мог бы и помолчать! Для меня это, пожалуй, избыточное знание.

Ладно, хорошего понемножку. Нехотя оторвавшись от теплого полированного бока, я разорвала прямую подпитку (в тех местах, которыми я прижималась к алтарю, в меня щедро втекала накопленная камнем энергия, наполняя потрепанный резерв). Покрутила головой, выискивая среди пестроцветья драконьих макушек нужную — и не нашла.

Смылся.

Ну ничего, я не гордая, я и до его покоев прогуляюсь.

Вот только отдохну... Сцедив в ладонь зевок, я переориентировалась, и спикировала на новую цель:

— Целительница Маргрит, можно, я рядом с ректором Эйнарсом побуду? Вдруг ему что-нибудь понадобится?

Та только рукой махнула — знаю я, что ты надеешься, ему понадобится!

Я сочла это согласием, и пристроилась за носилками, везущими ректора в его комнату.

Человеку после такой трепки приходиться в себя пришлось бы суток двое, но драконы — зверюшки живучие. Ставлю на то, что он очнется часов через пять.

Он очнулся через два.

— Эйнар, скажи, а как можно принудить дракона к чему-то, чего он не желает, силой? — спросила я, глядя в ясные янтарные глаза.

Глушость, конечно, брякнула — но облегчение от того, что Эйнар очнулся, и взгляд у него хороший, осознанный, и значит, самого страшного не случилось и уже не случится, а все остальное требует только сил и терпения, было слишком велико. Я ждала этого взгляда — чистого, осмысленного — долгие два часа, перебирая возможные варианты и думая, что из имеющегося в моем арсенале можно противопоставить вероятным осложнениям, и теперь нуждалась в передышке.

В возможности несколько минут не говорить и не думать о важном и серьезном.

— Не знаю, что ты задумала, но выкинь это из головы, — проворчал дракон, не отрывая взгляда от моих глаз. — Это невозможно.

Его взгляд, внимательный, словно бы ощупывающий, переместился ниже, обошел меня целиком, с головы до ног, будто убеждаясь, что я цела и в порядке — хотя со мной-то что могло случиться, я же не дракон в поиске приключений на чешуйчатую шкуру! — и с облегчением вернулся к лицу.

Меня еще никогда в жизни вот так не целовали взглядом.

— Не говори "Невозможно!" человеку, предок которого совершил плотское насилие над драконом, — мрачно отозвалась я, пряча внезапное смущение, и всё еще пытаюсь осмыслить впечатляющее откровение о своих корнях.

Судя по ошарашенному молчанию ректора, он тоже был впечатлен. Действительно, впечатлен.

— Эйнар, когда всё закончится, я найду эту Весну, спрошу ее об этом! Пусть она меня испепелит, но я должна знать — как!

Ректор хмыкнул.

— В каких целях? — невозмутимо поинтересовался он, поднимая руку и разглядывая повязку на кисти. — В практических?

Я смутилась еще больше и выпалила, задирая нос и стараясь не прятать глаза:

— В познавательных!

— А, — глубокомысленно кивнул дракон. — В познавательных это хорошо, ученье — свет! А то я просто хотел тебе намекнуть, что в таких играх мужчины предпочитают лидирующую роль. Ну так, на всякий случай. Мало ли... от вас, высших темных, как выяснилось, всего можно ожидать.

Дракон все же был бит. Но, учитывая его состояние, — очень нежно!

Глава 11

К наставнику Алвису я постучалась уже поздним вечером, после того, как Эйнар снова провалился в целительную дрему, и я решила его оставить.

Накопившаяся масса вопросов была близка к критической, пытаться допрашивать ректора занятие бесполезное, да и жалко его терзать, его и без меня здорово погрызли, но в наличии

имелся еще собрат-темный, и вот его я как раз и собиралась загнать в угол, и, надавив статусом наблюдателя, вытрясти нужные ответы.

Черный дракон открыл на мой стук сразу, как будто ждал — и я уставилась на него, презрев правила приличия.

Интересно, и как я не увидела этого сразу?

Дракон, ничуть не смущаясь, оперся плечом о дверной косяк, позволяя мне себя разглядывать.

Черные волосы — у драконов цвет волос и окрас чешуи всегда совпадает. Смуглая кожа, распространенная среди крылатых, очень темные глаза. Фигура, чуть более сухоощавая, чем у того же Эйнара, но всё равно, достаточно массивная... Если сравнивать с привычными мне, конечно.

Излом бровей очень характерный, и линия переносицы, и узнаваемая линия подбородка, а вот рисунок губ незнакомый, и скулы тоже сбивают с толку, но все равно — это мелочи.

Стоило только разок как следует приглядеться — и всё становится очевидным.

Он прислонился к косяку — пальцы зацеплены за ремень, одна нога заведена за другую... Ни малейшего напряжения в нем не ощущалось, поза существа, у которого нет абсолютно никаких срочных дел. Дракон терпеливо переносил мой осмотр, расслабленный и вальяжный, и ждал вопросов.

Но задала я все же не тот вопрос, что вертелся на кончике языка:

— И как вы двое умудрились не уберечь ректора?

Наставник по темной магии хмыкнул, и принял более прямостоячее положение:

— Вы спрашиваете, как наблюдатель от темных магов, адептка Тереса?

— Нет, это я спрашиваю как частное лицо, — честно созналась я, — А как наблюдатель я спрошу, как эта тварь вообще умудрилась навредить взрослому, настороженному дракону?

Этот вопрос, конечно, был насущней первого. Какими возможностями нужно располагать, чтобы успешно противостоять пришедшей по твою душу тройке сильных, опытных, ожидающих подвоха драконов?

Да и с первыми четырьмя не ясно... Можно подкараулить жертву, застать врасплох — но расправиться с первым ударом с драконом в истинной форме нужно еще суметь. Четыре раза. Без осечек и промахов, иначе о покушениях уже знали бы.

Алвис посерьезнел и вздохнул:

— Проходите, — посторонившись, он пропустил меня в свою комнату.

Да, это не те темы, на которые говорят в коридоре.

Я обвела взглядом жильё черного дракона. Помещение, побольше моей комнаты, было обставлено без претензий: кровать, пара кресел у камина, просторный рабочий стол, и — заслуживающий отдельного внимания огромный шкаф, занимающий целиком одну сплошную стену. Приглядевшись, я сдержала довольную ухмылку: кажется, кто-то мухлюет с пространством, и этот шкафчик гораздо больше, чем, исходя из размеров комнаты, можно было бы предположить.

Алвис, не торопя, позволил мне оглядеться, и только после этого указал мне на одно из кресел, предлагая садиться.

Интересно, он со всеми адептами так терпелив, или мои предположения верны — и он прекрасно об этом знает?

Черный дракон между тем устроился во втором кресле, вытянув на скамеечку длинные ноги, задумчиво переплел пальцы рук, и выдал:

— Эйнар принял на себя проклятие, рассчитанное на всех троих. Это была ловушка. Правда, потрошитель нас тоже не ждал, так что мы за малым его не схватили, а проклятье было подготовлено так, на всякий случай — если вдруг придется экстренно спастись... И именно эту мысль уловил наш ректор-менталист, после чего просто закрыл меня и Ивара собой, на манер щита, за секунду до сработавшего проклятия.

Я недовольно поджала губы, хотя и признавала рациональное зерно в таком поступке: если бы в ловушку попался единственный специалист по темным проклятиям, помочь ему было бы некому.

Но, с другой стороны, могли бы и Иваром пожертвовать! Почему именно мой ректор?!

Алвис хмыкнул, явно подозревая о моих недобрых мыслях и претензиях, и продолжил:

— Меня тоже очень интересовало, как этот мерзавец умудрился создать такое проклятие, которого вполне могло хватить на троих драконов, и хватило бы, не поймай Эйнар кончик его

мыслей. Так что, когда ясно, что с ректором все в порядке и моя помощь не нужна, мы с Иваром снова наведались в логово потрошителя, — темный откинулся на подголовник кресла, и устало потерся затылком о грубоватую ткань, а потом неожиданно уточнил: — Хотите вина, Тереса? Я прислушалась к себе, и неопределенно повела плечами. Состояние мое, в принципе, не вызывало беспокойства, я сегодня много и тяжело колдовала, потом пережила несколько очень неприятных часов в подвешенном состоянии, дожидаясь пока бронзовый дракон очнется, и гадая, не изувечила ли я его, неправильно переключив ауру...

Так что да, определенно, я хочу вина!

Алвис ненадолго исчез из поля моего зрения, а вернувшись, протянул мне наполненный бокал, опустил в кресло, опустив початую бутылку на пол, и задумался, баюкая свой бокал в ладонях, как бутон.

Красная густая жидкость облизывала прозрачные стенки, и снова стекала, а дракон сосредоточенно смотрел в ее прозрачные глубины.

Мне становилось откровенно нехорошо от этой картины. Что такое они нарыли, что теперь темный (темный!) откровенно не хочет об этом говорить?!

— Вы пейте, Тереса, — спохватился дракон, и слабо улыбнулся, — Вино не отравлено.

Конечно, не отравлено. Пока он мялся, я от нервов успела проверить свой бокал и его содержимое на всё, что знала.

— Тереса, вы знаете, что у драконов не бывает полукровок? — спросил, наконец, Алвис.

Я кивнула, и пригубила напиток. Посмаковала. Вкусно.

— Дети в смешанных парах всегда наследуют расу матери. Это связано с некоторыми физиологическими особенностями присущими драконам, женщина любого другого вида попросту не сможет выносить и родить дракона — да хотя бы потому, что, детеныш появляется из яйца, и происходит это в истинной форме. Но, тем не менее, для любви преград нет. И... Он запнулся, сжал переносицу, и с усилием помассировал ее, взял себя в руки. И продолжил рассказывать:

— Драконницы рожают только драконов. А вот от мужчин получаются самые обычные человеческие детки. Часто — с магическим даром, хоть это и зависит во многом от матери. Здоровенькие, крепкие. Но — просто люди.

Я почувствовала, как от ужаса у меня начали шевелиться волосы... Нет.

Только не это. О, Тьма, всепрощающая и всеприемлющая, пусть будет не это!

Я вцепилась в бокал, как в соломинку. Алвис покачал вино в бокале, и допил его одним глотком.

— Люди-то они люди, но родство-то остается. И поди, сосчитай, сколько таких деток по империи бегает... И добыть их куда проще, чем охотиться на нас. — Алвис молча откинулся на спинку своего кресла, прикрыв глаза, а я подобрала под себя ноги, инстинктивно стараясь согреться, защититься от накатившей жути. — Он сплел проклятие из их смертей. Я не видел таких раньше, очень специфическая разработка, сложная и филигранная работа. Гений. Исследователь, — пробормотал Алвис, и добавил еще несколько слов, исчерпывающе характеризующих исследователя вместе с его гениальностью.

Я молча допила вино, и простецки вытерла губы ладонью.

Тварь. О, Тьма, какая же он тварь!

Дракон потянулся, и достал поставленную на пол бутылку. Я молча протянула бокал.

— Словом, не знаю, сколько времени он потратил на свои исследования, но в итоге... — Алвис вздохнул. — Кровь — не вода, Тереса. И сплетенные из смерти и крови заклинания пробивали любую защиту именно на основе сродства. Чрезвычайно мощное и чудовищно аморальное изобретение.

Я молча кивнула, соглашаясь — чудовищное.

— Алвис, — негромко спросила я, забыв почтительное «наставник» и сосредоточенно разглядывая темно-красные глубины в своем бокале, — Алвис, это ведь тот же маг, что напал на меня? И до того — на ректора? Я показывала узор...

Черный дракон пропустил мимо ушей мою фамильярность, только кивнул, взглядываясь в меня, сидящую в соседнем кресле.

— Да, Тереса, это определенно он. И я хотел бы просить вас рассказать о об этом подробнее.

Я кивнула, и пересказала происшедшее на границе земель Ривад максимально подробно, старательно припоминая мельчайшие детали.

Он слушал внимательно, задавая уточняющие вопросы и что-то прикидывая в уме.
— Странно, что он вам под двери ребенка не приволок. Надежная, зарекомендовавшая себя методика.

— Жаль, что не приволок, — пробормотала я. — На отголоски такого обряда к нему непременно наведались бы Стражи...

Творить некромантию на земле Ривад — это надо совсем за себя не бояться.

Мы помолчали, и я решила:

— Он ведь не первый раз проявил интерес. Это система — ему явно очень хочется уничтожить меня и добраться до наследства Ривад, — я подняла взгляд на черного дракона, и как с обрыва шагнула: — Давайте попробуем ловить его на меня, как на живца!

Алвис, как раз собиравшийся сделать глоток, поперхнулся и закашлялся.

— Тереса! Ректор нас обоих убьет жутким способом, если узнает, что вы такое предложили — а я вас не посадил под замок в тот же час! — выдал он, отдышавшись и удалив пятна вина с груди и коленей.

Грустно улыбнувшись, я напомнила:

— Четыре истинных дракона. Два нападения на самого Эйнара. И неизвестное количество детей смешанной крови.

— Тереса, у него перед вами долг. Двойной. Он не согласится.

— А я ему скажу, что тогда замок назад не верну, — легкомысленно отмахнулась я, в глубине души чувствуя тепло от уверенности Алвиса, что бронзовый дракон меня не отдаст.

Черный грустно улыбнулся, оценив шутку.

— Нет, адегтка Давир. Этот аргумент не сработает, — и подумав, добавил с улыбкой: — А замок вы вернете, как только на вас надавит император!

Рассердившись от этого неуместного (пусть и справедливого) заявления, я поднялась из кресла.

— Алвис, я высшая темная. Мне нельзя что-либо запретить, — и вернув бокал вставшему дракону, пошла к выходу.

Он последовал за мной, и любезно отворил мне двери, выпуская. И уже в коридоре я вдруг спросила у него:

— Скажите, как звали вашу мать?

— Келда, — удивленно ответил темный.

— А бабу? — быстро уточнила я, не дав ему вставить встречный вопрос.

— Агне. А что?

Ничего. Я молча пожала плечами и пошла по коридору в сторону лестницы. Но не пройдя и половины пути, остановилась, крутнулась на пятках и вернулась обратно, в упор уставившись на дракона, не успевшего закрыть дверь.

— Впустите меня!

— Зачем?

— Затем, что «Келда» означает «весна»! — свирепо рыкнула я.

Иронично приподнятые брови с фамильным изломом стали мне ответом.

Я молча протиснулась обратно в комнату мимо (практически — сквозь) не желающего уступить мне дорогу дракона.

Это что же?

Это как же, а?!

Это он... Это ведь!

— И как давно вы знали?!

— Примерно со второй нашей встречи, — предельно миролюбивым тоном отозвался дракон, с интересом изучая меня, обуреваемую противоположными желаниями.

Мне разом хотелось устроить безобразный скандал с тяжелой магической артиллерией и швырянием посудой — и...

Ну, нет, бросаться к нему на шею я не буду!

Вопросов, теснившихся в моей голове, было слишком много, и я все никак не могла выбрать главный, который следовало задать в первую очередь.

— Как вы догадались? — наконец выпалила я.

— А вы? — чуть улыбнулся Алвис.

— Нет уж, давайте по очереди!

— Хорошо, — покладисто откликнулся он.

— Вот и отвечайте! Я первая спросила!

Губы черного дракона снова дрогнули в улыбке — кажется, с подсчетами в очередности вопросов я немного погрешила, но... Тьма Великая и все ее предвестники!

У меня есть родич! Кровный! Живой! И почему-то не представленный роду!

О, Тьма, Всевидящая и Вседержащая! Живой. Кровный. Родич. Вот он. Передо мной!

И да простят меня все драконы мира (а хоть бы и не простили — что мне с того?!) — я его из рук не выпущу.

Наставник Алвис, не подозревая о моих коварных замыслах, легко уступил:

— Мне показались подозрительными ваши способности. Вы очень специфично одарены — и вместе с тем сильны. Вместе с вашей внешностью типичной эстанки это... наводило. После того, как вы сняли проклятие с Эйнара, я связался с матерью, и она подтвердила некоторые мои догадки, прямо предупредив, что даже если вы бастард — вы признаны и введены в род.

Я хмыкнула: если бы я была бастардом собственного отца, батюшка мог бы и не пережить гнева своей супруги, но ребенок — ребенок был бы принят в род, воспитан и обучен, как должно.

— К тому же, в вас сильна фамильная кровь. Все Ривад похожи друг на друга, и вы похожи на своего предка, каким я его запомнил...

Я вздохнула: он еще и наблюдателен. Какое же сокровище упало мне в руки! Очень хотелось предложить снова отбросить «выканые», но я сдержалась.

Не спеши, Тереса!

— Ну а я насторожилась, когда вы создали темную гончую чтобы выследить потрошителя.

Закливание родовое и за пределы семьи вроде бы не передавалось, но я подумала — мало ли!

Вы дракон, и вы долгожитель, мало ли, с кем из предков и в каких обстоятельствах вы могли состоять в знакомстве?.. Ну а когда штопала Эйнара...

Я вздохнула, и в двух словах, опуская лишние подробности, поведала о помощи и рассказе предка-извращенца.

— Я почти забыла, как они выглядели — мои братья, отец... Другие родственники. Отец умер, когда я была еще маленькая, дедушку я помню совсем седым и морщинистым, а братья... они так редко бывали дома. Но когда я призвала их для обряда — я увидела его, это сходство.

Вспомнила черты. И предок — он ничего не говорил про ребенка, только про наследника. Вы дракон, у вас иная магия и иная сила. Конечно, вы не могли наследовать за ним главенство рода! Не понятно только, почему о вас никто не знал.

Он хмыкнул:

— Мама настояла. Она была категорически против того, чтобы представлять меня родственникам отца, и сумела выбить обещание молчать о моем рождении. Вижу, отец его сдержал...

Он помолчал, внимательно разглядывая меня — с ног до головы, в упор. Взгляд не был неприятным — но он был обеспокоенным.

— Тереса, как вы оказались в академии?

Я вздохнула — и начала рассказывать. О том, что последние годы смерть буквально шла за родичами по пятам. Что я осталась одна. Что рано или поздно, но это выплыло бы наружу — и останься я дома, темные рода не упустили бы такой роскошной добычи, и ждал бы меня нехитрый выбор. Пойти замуж, за кого укажут, либо войти в один из высших родов на условиях вассалитета — это неприемлемо для Ривад, никогда мы не были и не станем чьими-то вассалами. И я сбежала в драконью академию, в расчете на то, что здесь меня не станут искать, а даже если и вдруг найдут, то у драконов, которым нет дела о человеческих дрязг, меня еще нужно суметь выцарапать... Я надеялась, что за время, проведенное в академии, сумею придумать, как стать достаточно самостоятельной и влиятельной, чтобы любой, вздумавший меня принуждать, обломал зубы.

Я старательно умалчивала и обходила острые углы, да и вообще... Жалость — это последнее, что мне хотелось бы в нем вызвать.

У драконов нет понятия рода, они одиночки. И у них имеет значение лишь личная сила — и не слишком важно, какого пола ее носитель.

Алвис глядел на меня сочувствующе и понимающе. А потом вдруг предложил, как предлагают перемирие:

— Будете еще вино?

И это было совсем другое предложение — не как то, когда он предлагал мне записать новости из логова потрошителя. Это было предложение помянуть мои потери — и предложение поддержки.

Я вздохнула, и согласилась:

— Буду. — И опускаясь в обжитое уже кресло, попросила: — И не «выкайте» мне тогда уже — вы мне сколько раз двоюродный прадедушка?

Алвис засмеялся, разливая по бокалам новое вино, на этот раз белое:

— Хорошо, на «ты» так на «ты»! — и легонько коснувшись края моего бокала своим, опустился в соседнее кресло. — Только давай уж оба...

Разговор потек неожиданно легко, как ароматное вино в бокалы. А, может быть, и как раз благодаря тому самому вину, легкому, свежему, фруктовому, чуть покалывающему кончик языка и так прекрасно сочетающемуся с разложенными на подносе сыром, колотым шоколадом и незнакомыми мне фруктами. И когда в бокалах показалось дно, и Алвис потянулся за бутылкой, по странному обыкновению, опущенной к ножке кресла — наполнить вновь, я неожиданно для себя решила спросить:

— Алвис, как они сошлись?

— Кто? — удивился Алвис. — Отец с матерью?

— Да, — кивнула я, сосредоточенно наблюдая за льющимся напитком. — Предок говорил, что она была... против. Очень против.

И Алвис неожиданно расхохотался:

— Еще бы! Видела бы ты их рядом, Тереса! Матушка всегда была красавицей, статной и яркой, а он... Отец в детстве неудачно упал с лошади, перелом позвоночника залечили, но рос он с тех пор плохо, так и остался тщедушным, глянуть не на что. Да и было ему, когда они познакомились, восемнадцать не то двадцать человеческих лет. Что это такое для взрослой драконицы? — и иронично улыбнувшись мне, пояснил, — По драконьим меркам взрослой! Я смотрела на Алвиса с изумлением, круглыми, как подозреваю, глазами — и он посмеивался, довольный моей реакцией.

Я пыталась представить, как описанный заморыш мог добиться надменной красавицы — и не могла. Воображение отказывалось и протестовало.

Алвис откинулся на спинку кресла, с улыбкой наблюдая за мной, и продолжил:

— Она снисходительно относилась к его ухаживаниям, считая, что «вытянется — выдурится» и что «мальчик перебесится». А он воспользовался тем, что она не воспринимала его всерьез, и поймал ее на слове. А когда она не смогла слова сдержать — взял в уплату ее саму. Мама рассказывала, что могла убить его одним ударом — но когда поняла, что ее переиграли и она угодила в расставленную мерзавцем-человеком ловушку, так смеялась, что не решилась поднять на него руку. — Алвис задумчиво поболтал вино в бокале, — А когда опомнилась... Было поздно. Он был яростным. Яростным, и сильным — не телом, не магически даже. Духом. Она снова попала в ловушку — в ловушку яркой личности. В нем пылал огонь, сродни драконьему, и жил пытливый разум, и тяжелый, быстрый на расправу нрав сочетался с нежностью и бесконечным терпением...

Он грел в ладонях бокал, и глядел в огонь в камине, и его улыбка была светлой, и теплой, и грустной. Что видел он в языках пламени? О чем вспоминал сейчас?

Я тихо, медленно пила вино и молчала, стараясь не спугнуть чужие светлые воспоминания.

— Знаешь, матушка рассказывала, что когда они появлялись изредка вместе при дворе, тамошние дамы поглядывали на нее снисходительно — и угораздило же такую красавицу выйти за этого задохлика! А когда отбивали, смотрели вслед с завистью — и что он нашел в этой драной кошке?

— Она любила его? — пытливо спросила я у многожды двоюродного прадедушки, зажевывая вино кубиком сыра.

Он снисходительно улыбнулся, и задумчиво ответил:

— Я не знаю, Тереса. Но она с тех пор так и не брала себе мужа...

И мы оба, неведь чего смутившись, закрыли эту тему. Алвис вытянул из меня прогноз на выздоровление ректора, сведшийся, в целом «А я что, Маргрит, что ли? За этим — к ней, но если не уследим — так и завтра вскочит!», а я из Алвиса вытрясла отчет по поиску отступника — куда более детальный.

— Темная гончая привела нас к логову, но сам потрошитель успел уйти, практически у нас из-под носа. У него там была обжитая лежка, если можно так сказать — магически защищенный ритуальный зал, малый алтарь. Но это явно не единственное его укрытие. И, похоже, даже не основное — судя по тому что мы нашли, а особенно, по тому, чего не нашли, где-то должна быть еще одна лаборатория, и вот она-то, похоже, основная.

— Что ты имеешь ввиду, поясни, — попросила я.

В целом, я догадывалась.

Алвис задумчиво потер подбородок, и начал рассказывать, между делом достав из воздуха еще бутылку вина. Я выло удивилась:

— А разве прошлая уже закончилась?

— Это другой сорт, — отозвался черный дракон. — Розовое островное, его еще зовут девичьим. Я хмыкнула и подставила бокал. Алвис плеснул из бутылки чуть-чуть, явно на пробу.

— Так вот. В логове темного мы обнаружили кое-какие эликсиры и декокты, явно его созданных им лично, с характерным отгиском силы — а вот оборудования, необходимого для их изготовления, не обнаружили. Потом, его разработки, чуть не стоившие нам троим жизни — это дело явно не одного дня. Он должен был проводить исследования в области свойств крови потомков смешанных браков, вести записи, дневники, журналы экспериментов, в конце концов. Никаких материалов на месте мы не обнаружили.

Я невесело усмехнулась. Логично — если их нет там, значит, они находятся где-то еще. Вряд ли маг-фетишист мог так вдруг взять и избавиться от всего бесчестно нажитого. Такие ребята, как правило, к своим достижениям относятся трепетно...

Розовое девичье вино мне не понравилось, о чем я и сообщила новоявленному родичу, и он так же, между делом опечатав силой забракованную бутылку, достал из воздуха новую:

— Подгорный королевский рубин, — обозначил он, наливая на мне вина на треть бокала.

Я втянула знакомый запах — это самое вино мы пили с ректором в моей комнате, еще когда я являлась адепткой первого витка обучения, и могла себе позволить спать на занятиях, а про отступника еще никто и слыхом не слыхивал — и с наслаждением пригубила напиток.

— Губа не дура, — уважительно прокомментировал мои пристрастия родич, и я поняла, что Эйнар угощал своих любовниц очень дорогим вином.

А Алвис продолжил:

— После того, как мы с Иваром проверили помещение на ловушки, нас отпустили отдыхать, а коллеги и пожелавшие примкнуть сородичи ведут розыски сразу в нескольких направлениях — опрашивают соседей и местный люд, пытаются установить личность по обнаруженным в лаборатории вещам и принадлежностям и взять магический след.

— А есть и те, кто не пожелал примкнуть? — уточнила я.

Алвис посмотрел на меня грустно и серьезно:

— Мы, конечно, одиночки, Тереса, но не до такой же степени. Наши сородичи сейчас разыскивают двух драконов, так и не отозвавшихся при переключке и торопливо проверяют, все ли в порядке с их человеческими отпрысками — по крайней мере с теми, о которых известно... Я вздохнула и потерла глаза. Н-да, что-то я совсем озмеилась. Добрее надо быть к разумным, вот что.

Остаток ночи запомнился смутно — разговор петлял путанными тропами, речь то и дело шла о самых непредсказуемых вещах, и металась от сложностей ухода за виноградниками на драконьих островах, до сравнительного анализа сортов камня, из которого делают алтари в Эстане и Велибаре, от восемнадцати (и еще четырех) способов определить возраст дракона, до методик обучения молодых темных магов в драконьей академии.

Помню, что где-то в середине разговора, прервав пылкую речь посвященную преимуществам эстанского черного гранита перед велибарским розовым, я вдруг прервалась, и абсолютно трезвым, серьезным голосом сказала:

— Надо обязательно попробовать выманить его на живца. Обязательно.

И Алвис, только что приятно расслабленный, твердо отозвался, глядя на меня без капли хмеля во взгляде:

— Сначала попробуем выйти на него другими доступными методами.

А я, уткнувшись носом в бокал, пробормотала, развивая предыдущую мысль:

— А если ректор будет так уж против — то можно его и вовсе не информировать...

— И тогда бояться нам придется вовсе не отступника! — поддакнул Алвис в до боли родной едкой темной манере.

Глава 12

В свою комнату я вернулась ближе к утру, и рухнула на кровать, раскинув руки. Голова кружилась — то ли от вина, то ли от счастья.

Жив! Род Ривад — жив.

И пусть Алвис пока не Ривад, он вне рода, я обязательно найду способ, придумаю, как его убедить. Не думаю, что мужчина, явно дорожащий своей свободой, легко согласится войти в род и завести пару-тройку детей, но я найду к нему подход.

Я найду что-то, на что он согласится разменять свою независимость.

Знания? Он любит книги, я видела особый шкаф в его покоях...

Что ж, только прими кровь и родство — я проведу для тебя обряд вступления в род, и многовековая библиотека будет к твоим услугам! О, поверь, темный, там есть за что продать душу!

Сокровища? Если понадобится — я лично распахну перед ним родовую сокровищницу. И пусть мой род предпочитал копить не иные ценности — золота там достаточно, чтобы подкупить даже дракона.

Сила? Пусть драконы сильны, но не всеильны же! Вступи в род, черный дракон — и он обнимет тебя своими крыльями, и приумножит твою силу, и вряд ли после этого кто-то из сынов Неба сможет тягаться с тобой...

Власть... Я не способна спихнуть со своих плеч ярмо главы рода, не способна передать этот статус тому, кто не воспримет родовую магию во всей её полноте, но я согласна признать твое опеку, как старшего родича, я даже согласна связать себя клятвой — не принимать решений, которых ты не одобришь. Пусть формально я буду выше — но власть, от которой Ривад добровольно отошли десятилетия назад, будет в твоих руках.

Право голоса в совете при императоре. Право суда на своих землях.

Право... Да мало ли за нами прав? Ривад мало интересовался политикой, мы самоустранились от дел империи много лет назад, но если такова будет цена — я согласна. Я сунусь в этот котел, и горе тому, то заступит мне дорогу.

Вот она, власть, Темный — бери ее!

И пусть в глубине души я не верила, что дракон пожелает получить власть или силу — но если будет нужно, я пойду и на это. Пусть даже такое мое решение будет означать фактическую передачу прав нашего рода в руки драконов, и Тьма знает какие изменения политического баланса — я пойду на это.

Только бы согласился.

Только бы спасти род.

Согласится. Никуда не денется.

Жизнь впереди длинная, и рано или поздно, но... Я улыбнулась своим мыслям.

Я верила, я знала — я смогу. Я найду нужные слова, отыщу аргументы.

Счастье плескалось во мне, текло по венам, хотелось разом плакать и танцевать, смеяться и кружиться. Сложно передать то облегчение, что я сейчас испытывала.

Я — больше не одна!

Я — больше не последняя!

Нужно только заманить, не спугнуть.

Цепь поколений не прервется, будут другие, те, кто придут за мной, и понесут на своих плечах имя, и долг, и силу, и...

И возможно, уже есть.

Может, у Алвиса уже есть дети? Кто сказал, что он не был женат? Темный ведь не монах. А что он молод — так это он по драконьим меркам молод, а по человеческим у него уже может где-то бегать выводок смуглых черноглазых детишек!

Ну, а если нет — что ж, это дело не хитрое.

Я перевернулась на живот, улыбаясь и перебирая в мыслях девиц — подходящих, более-менее подходящих, совсем не подходящих, но Тьма с ними, я согласна!

Хотя лучше, конечно, совсем не подходящих избежать, а то мало ли, семейная сила — она такая, ее еще удержать надо суметь.

Мало ли красивых девиц среди сильных магичек? Найдется, из кого выбрать!

По сути, род не слишком придирчив — сильная воля, уверенный контроль над собственным даром да более-менее пристойное происхождение, вот и все требования. Все остальные условия выставляет не дар, а люди — так что ими можно и пренебречь.

Засыпала я, перебирая имена магичек из сильных темных родов, которые могли бы согласиться зачать и выносить ребенка вне брака.

Та уродилась страшна, как дитя бездны, и все еще не нашла мужа — те, кто ей по душе, ее не берут, а за тех, кто гонится за приданным, она сама не идет. Умная и честолюбивая девица, и цену себе знает. Она бы прижилась у нас — а что с лица не хороша, так что с того? Алвису ее не в жены брать.

У тех дар передается через поколение по женской линии, и старшей дочери уже (страшно подумать!) двадцать восемь, а она все еще в девицах — все знают, что ее дети не будут магами. Зато внуки — будут! Я бы взяла ее в семью.

А вон у тех дочерей полон род, и глава скупится на достойное приданое, да еще и деспотичен до крайности, каждый шаг сторожит... Там, пожалуй, каждая побежит из-под отчего крова, только предложи защиту от родителя-тирана, знай, выбирай любую!

А когда все же заснула, то и во сне вокруг меня кружились разномастные девицы и темноволосые младенцы.

Как ни странно, утром после ночной дегустации я чувствовала себя на удивление прилично. Разве что пить хотелось — но это проблема решаемая, подумала я, и отправилась в столовую.

А в столовой ко мне подбежал адепт с первого витка, и дернув за рукав, сообщил, что меня зовут в деканат, и чтобы я поторопилась — там все, и очень серьезные. В глазах парня явно читался вопрос — что же я такого сделала, если в деканате меня ждут наставники полным составом, но задать его в слух он не решился, а я отставила на поднос недоеденный завтрак, отнесла его, и поспешила наверх.

Приоткрыв дверь, я проскользнула в помещение. Здесь уже собрались все наставники, а кроме них — приличное количество ранее совершенно точно никогда не виденных, незнакомых драконов. Я прошла в дальний угол, уже облюбованный мной в прошлый раз. Незнакомый дракон с темными фиолетовыми волосами, забранными во множество тонких косичек, раздраженно уточнил:

— Теперь все? — дождался кивка кого-то из эйнаровских замов и заговорил.

А я — замерла, не дыша, и впитывая каждое его слово, потому что фиолетовый отчитывался сородичам о результатах поиска отступника.

К сожалению, личность его установить так и не удалось — все свидетели, которых сумели отыскать дотошные драконы, говорили о скучном и самом обыкновенном человеке с невзрачными чертами, среднего роста, среднего сложения, средней внешности...

Именно так и действует отвод глаз.

Зато драконы составили подробную опись всех магических принадлежностей, обнаруженных в логове, и сняли показатели магического фона — и теперь у нас было кое-что получше внешности. У нас было представление о магическом потенциале отступника и о его ориентировочном, очень приблизительном арсенале.

Собранные данные, конечно, не могли сказать заинтересованному исследователю, какими заклинаниями преступник не владеет — но зато указывали, чем он обладает однозначно.

Листки пустили по рукам, и я, с трудом дождавшись своей очереди, жадно уткнулась у них. О, эти данные могли сказать о маге многое! Предпочитаемые приемы, сильные и слабые места, некоторые, особо специфические показатели, могли бы намекнуть даже на школу, которой принадлежал маг — но удача не была к нам благосклонна, и настолько ярких зацепок отыскать не удалось.

Ну, это ничего, подумала я. Будем работать с тем, что имеем.

Я прислушалась к фиолетовому. Он, переждав, пока утихнет возня вокруг списков, продолжил говорить:

— Таким образом, пока ничего утешительного сообщить не могу. Мы продолжаем разыскивать останки троих усопших, и, если поиски увенчаются успехом, коллега Алвис попробует еще раз призвать своих потусторонних тварей, других вариантов у нас пока нет. Пока ожидаем, имеет смысл...

Что там у них имело смысл, он так и не сообщил, потому что я, примерная ученица, подняла руку.

Дракон в недоумевающем молчании уставился на меня.

— Да, адептка Давир? — произнес он наконец с непередаваемой смесью досады и раздражения на породистом лице.

— Есть еще один вариант, — делово сообщила я, складывая вдвое предоставленные списки. — Мы можем попробовать охоту с живой приманкой.

Алвис сидел, демонстративно от меня отвернувшись, и вся его поза выражала несогласие с моим предложением.

Что поделать, Алвис, мы не всегда делаем то, что хотим.

Убедившись, что завладела вниманием фиолетового (да что там — все присутствующие слушали меня предельно заинтересованно), я внятно и по пунктам рассказала о событиях, предшествовавших обнаружению драконьих останков, и о своих соображениях, позволяющих надеяться, что на меня, явившуюся обойти дозором границу родовых земель, отступник клонет обязательно.

Я видела, как по мере изложения, глаза драконов загорались хищным азартом.

— Об этом не может быть и речи, — твердо заявил наставник Ивар, тоже отметивший эти выражения на лицах сородичей. — Адептка Давир находится под защитой академии, и мы не вправе подвергать ее такому риску.

— Никакого риска, — качнул головой фиолетовый. — Девушку буду страховать опытные боевики, самые проверенные и сильные маги!

— Вам напомнить, друзья, что именно отступник сделал с предыдущим опытным, проверенным магом? — вкрадчиво уточнил альбинос.

— Пожалуйста, не надо думать, что вы один переживаете о безопасности барышни! Никто не собирается бросать вашу адептку один на один с сумасшедшим, мы как следует подумаем, что можно сделать, чтобы надежно противостоять разработке преступника! Уверен, способ найдется!

— Ну, вообще-то, способ есть, — кашлянула я.

— Это обсуждение не имеет смысла, — вмешался в разговор черный дракон. — У нашей Академии есть ректор, который отвечает за вверенных его заботам адептов, в том числе — за их безопасность. Ему и надлежит решать, можем ли мы рисковать, допуская до участия в поимке опасного преступника учащуюся, или нет.

Треклятая рептилия. Подлец чешуйчатый!

Такой план запарол! Ладно.

Я никуда не тороплюсь. Я спокойна, спокойна... Мер-р-рзавец!

Ничего, черный. Как ты не вертись — всё равно выйдет по-моему!

Я промолчала и неспешно опустила на свое место, зная, что мои слова запомнили, и к этому вопросу все равно вернуться. Как только он сможет хотя бы стоять на ногах сам — вырвется из цепких рук целительницы Маргрит, и тогда...

Тогда мне придется принять еще один бой. Но что противопоставить запрету ректора, я знаю. Когда все принялись расходиться после совещания, я подошла к целительнице, и, дождавшись пока она освободится (что было непросто, к ней организовали целое паломничество), поинтересовалась здоровьем ректора.

— Спит, — отозвалась солнечная драконица, и я встревожилась.

— Как, до сих пор?..

— До сих пор, — вздохнула Маргрит. — И думаю, еще сутки проспит.

И пояснила, видя мою тревогу:

— Пытается сбежать. Усыплю. Впрочем, если хочешь, приходи после занятий — покажу тебе твою работу!

Произнесено было, вроде с одобрением, и я расслабилась. Все же, подспудный страх, что я напутала с аурой и нанесла ректору существенный урон, засел глубоко внутри меня.

— Я не буду это пить, — услышала я голос Эйнара у слегка приоткрытой дверей ректорских покоев, когда сразу после занятий пошла навестить больного, и замерла, опустив поднятую для стука руку. — Маргрит, сказано тебе, не буду!

В голосе ректора слышалось раздражение, а вот целительница ворковала, как над маленьким ребенком. Я окончательно раздумала входить, и с увлечением отдалась подслушиванию.

— Мне нужны перо и бумага, — требовательно, явно не в первый раз, произнес между тем за дверь дракон.

— Эйнар, пожалуйста, будь паинькой, пей настоечку! Она мерзкая, но полезная, она разрывы ауры заживлять помогает, — убеждала целительница. — А будешь упираться, я посещения запрещу! — добавила она, не меняя ласкового тона.

— Маргрит, я тебя уволю, — устало пригрозил ректор.

— Как же ты меня уволишь, если у тебя пера и бумаги нет, глупенький!

Я не выдержала, рассмеялась и, постучавшись, вошла, чтобы увидеть, как Эйнар, позорно проигравший черному целительскому юмору, отсмеялся и одним глотком выпил мерзкое зелье.

— О, входи, Тереса! — расцвела улыбкой Маргрит. — Так, подождите меня десять минут, я отнесу лекарства, потом вернусь и все тебе расскажу!

С этими словами деликатная драконица подхватила поднос со склянками, и вышла из комнаты, оставив нас с Эйнаром наедине.

— Как ты? — спросила я, шагнув к его постели и внимательно изучая ауру магическим зрением.

— Тереса, хоть ты не начинай! — взмолился дракон. — Я от этой навязчивой заботы скоро озверею. Приходят, все такие обеспокоенные, рожи у всех такие встревоженные... Тьфу! Глядеть противно!

— Ну, в целом, я поняла, как ты, — улыбнулась я ректорской досаде и ректорскому же неумению болеть со вкусом. — Но хотелось бы все же услышать это от тебя...

— Отлично, спасибо! Вставать не разрешают, работать не дают. Целыми днями лежу и думаю.

— Скажи спасибо, что хоть это не запретили! — вклинилась я, и тайком погладила бронзовую косу, свесившуюся с края кровати.

— Если бы, — ворчливо откликнулся дракон, и осторожно взял меня за руку. — Спасибо. Я опять в долгу перед тобой.

— Растрепали? — обреченно спросила я, мученически возведя глаза к потолку. — Впрочем, я молчать и не просила...

— Даже если бы попросила. Это слишком серьезный вопрос, чтобы умалчивать о нем. Тереса, я...

— Так, потом договорите! — бодро ворвалась в разговор целительница, и слава Тьме.

Я почему-то ужасно неловко чувствовала себя, когда Эйнар меня благодарил, хотя прежде мне такая застенчивость, вроде бы, была не свойственна.

— Смотри, Тереса! — скомандовала Маргрит, и я послушно перешла на магическое зрение. — Вот тут и тут, видишь? Уплотнения? Тут некроз был, и ты его удалила — смотри, как интересно такие места срастаются, видишь? Как будто напозаает с соседних участков, и наслаивается друг на друга. Эти места потом восстанавливаются полностью, а уплотнение рассосется. А вот тут, видишь, грубый шов? И вот тут еще... Здесь ты неудачно края свела, я распускала и заново фиксировала. Ну-ну, не морщись, тебе вполне простительно...

Целительница разбирала всю проделанную мной работу интересно и подробно, раскладывая ее по полочкам — где какой огрех, отчего он случился, и что с ним следует сделать в дальнейшем, а в итоге заключила:

— Ты молодец! Я бы взяла тебя в ученицы.

— Я же говорил, — проворчал с постели Эйнар, все это время покорно изображавший учебное пособие.

— Нет, спасибо, — пробормотала я, смутившись. — Мне и в боевиках хорошо.

Я, все-таки, для целителя слишком мало люблю людей!

Она засмеялась, видимо, по лицу прочитав невысказанную мысль, и оставив на столе вечернюю порцию лекарств и ужин (все перетертое, питательное и магически насыщенное), попрощалась.

Я вышла вместе с ней и уже за порогом спросила:

— Целительница Маргрит, когда он встанет? Вы же видите, без его согласия мне участвовать в поимке не разрешают, да и вообще...

Она вздохнула, и честно призналась:

— Я на Эйнара ограничитель поставила, иначе он бы еще прошлой ночью вскочил. Если эту ночь пролежит без подвигов и попыток призвать загов прямо к своей постели, то к утру сможет быть свободен. И, ведь самое главное, он не маленький мальчик и все прекрасно понимает! Но нет же, каждый считает, что он умнее глупой наседки, и уж он-то точно выдержит!

И с такой неприкрытой досадой это было произнесено, что я невольно вспомнила матушку, Каталину Ривад, которая тоже порой о больных нелестно высказывалась...

— Если бы не обстоятельства — позволила бы ему встать, ей-ей, а потом мстительно бы отпаивала самыми мерзкими настоями две недели! Ладно, — сбавила пыл целительница. — Пойдем уже.

— Я сейчас... — замялась я. — Сумку забыла...

— Проследишь тогда, чтобы он вечером лекарства выпил, а на ночь — обязательно из большой бутылки один стакан отмеришь. И кроме того, что на подносе, есть ничего не давать! — развернулась и ушла, оставив меня медленно заливаться краской.

А потом махнула рукой и вернулась в комнату.

В конце концов, если мне практически выдали целительское благословение на должность сиделки, то чего теряться?

Странно только, что паломничества коллег к ректору не наблюдается. Может, они боялись Маргрит, а теперь, когда она ушла, ка-а-ак попрут?

Об этом я и спросила Эйнара.

— Запретила, упырица.

— И все так-таки и подчинились? — не поверила я.

Нет, ну в самом деле, драконам не так-то просто что-то запретить, да еще так, чтобы они послушались.

— Магически запретила, — грустно вздохнул бронзовый дракон. — Есть у нее в арсенале заклинание... «Полный покой» называется. Ты не видишь, но вокруг моей комнаты барьер стоит, ближе, чем на сто метров без разрешения не подойти.

— И что, никто его не может снять? — заинтересовалась я, забираясь в кровать к бронзовому дракону прямо в одежде, и устраиваясь с максимальным удобством.

— Могут! — скорбно откликнулся он. — Но поднимется такой звон, что тут же сбежит вся Академия, а следом прибежит злобная Маргрит, и тяжелых больных станет на одного больше! Я тихонько рассмеялась зловещему прогнозу и пристроила голову на укрытое одеялом плечо, чувствуя, как на мягких лапах ко мне подбирается сон.

Все же, я слишком мало сегодня спала, и слишком много пьянствовала с Алвисом... Посплю, пожалуй. А если кое-кто попытается встать — я это обязательно почувствую, не зря же плечо головой придавила!

И я почувствовала, как тяжелая ладонь легла мне на голову, как пальцы зарылись в волосы, беззастенчиво разваливая косу, а лба коснулись сухие горячие губы. Эйнар подо мной глубоко вздохнул и, кажется, тоже почти сразу уснул.

Глава 13

Проснулась я, когда за окном только-только стемнело. Вскинула голову, чуть шурясь, не сразу сообразив, который час, где я и что здесь делаю. Поднос на столе напомнил о переданных мне обязанностях, и я уже начала примериваться, как бы мне растолкать дракона, но при этом не нанести тяжких телесных повреждений несчастному больному, как губы Эйнара тронула ухмылка, а из-под ресниц лукаво сверкнула золотая радужка. Кажется, чем дальше, тем меньше подлая ящерица намеревалась скрывать, что нет-нет да считывает мои мысли. И ведь как филигранно! Ни разу не заметила...

Я расфырчалась и сползла с кровати, чтобы внимательно осмотреть фронт моих сиделкинских работ.

— Помогите сесть, — с некоторым усилием попросил вдруг Эйнар.

— А тебе можно? — я сверкнула настороженным взглядом.

— Тереса! Выгоню!

Я закатила глаза — ой можно подумать, можно подумать! И подхватила дракона подмышки, подтягивая вверх и помогая утвердиться на подушках. И куда его завтра Маргрит отпускать собралась? Он же на ногах не стоит.

— Это зелье, — процедил сквозь зубы Эйнар. — Чтобы не сбежал.

Я только задумчиво кивнула. И то верно! Не привязывать же его! (Потому что не сработает...)

— Есть хочешь? — Я взяла в руки одну из мисок с чем-то зеленым, пюреобразным и на диво вкусно пахнущим. Миска была теплая, не иначе как с подогревом.

— Хочу.

— Покормить?

Я откровенно подтрунивала, но дракон неожиданно покладисто кивнул:

— Покорми.

А вот на крае кровати примоститься не дал. Заставил вскарабкаться к нему на колени и с явным удовольствием утвердил ладони на моих обтянутых штанами бедрах.

— Открой ротик, а-а-а, — пропела я соловьем, от души зачерпывая ложкой ароматное варево.

Эйнар послушно открыл, а потом что-то неуловимо изменилось, у меня перед носом мелькнули клыки, раздался громкий треск, и я круглыми глазами уставилась на обломанный черенок у себя в руке. Дракон смачно, с хрустом пережевал и проглотил деревяшку и уставился на меня с ухмылкой, явно упиваясь моим замешательством.

Я перевела взгляд с огрызка на дракона и обратно и оскорбленно возопила:

— Мне Маргрит сказала — ничего, кроме того, что на подносе не давать!

— Ложка была на подносе, — педантично уточнила подлая рептилия, облизнулась длинным, даже, как мне показалось, раздвоенным языком и сделала вид, что примеривается к зажатому в моем кулаке черенку.

Я насупилась и спрятала деревяшку за спину.

— Хватит! Она мне голову ведь откусит! Вот как ты ложку, так она мне — голову! — Я многозначительно провела ребром ладони по шее.

— Наставникам по уставу запрещено откусывать адептам головы, — наставительно заметил ректор и вздохнул. — Иногда, правда, мы очень расстраиваемся, что кто-то додумался вписать это в устав.

Не сдержавшись, я хихикнула — столько скорби было на мужественном лице, — а потом расстроено посмотрела в миску.

— Ну и как ты теперь будешь есть?

— А, там в шкафу еще есть ложки, — он махнул рукой в угол, но, когда я вознамерилась встать, удержал.

Я вскинула на Эйнара вопросительный взгляд, и снова провалилась в омут колдовских янтарных глаз, снова попала на гипнотическую пульсацию зрачка, как рыбка на крючок.

Только рыба бьется, пытаясь с него сорваться, а я — застыла, падая в этот взгляд, как в пропасть. А когда расплавленное золото драконьей радужки заполнило весь мир вокруг, а на шею мне легли сухие горячие ладони, я опустила ресницы и разомкнула губы, принимая поцелуй.

Эйнар целовал меня неторопливо, чувственно, даже, можно сказать, вдумчиво, подойдя к процессу со всей основательностью. Он покусывал мои губы, тут же ласкал их шершавым языком, заставляя гореть, то углублялся, то почти полностью отстранялся, щекоча кожу дыханием и невесомыми прикосновениями, а потом снова врвался в мой рот — лишая рассудка, полностью подчиняя себе.

И я опомнилась, только когда широкая ладонь вдруг легла на обнаженную грудь, выглянувшую в ворота невесты когда распушенной блузки, и чувствительно сжала сосок между костяшек пальцев. Я ахнула от маленькой молнии удовольствия, пронзившей тело, распахнула глаза и отшатнулась.

— Ты что делаешь! — возмутилась я почему-то шепотом, пытаюсь вернуть блузку туда, где она должна быть. Руки ощутимо дрожали и делу не помогали. — Мы не можем!..

— Все я могу! — деланно оскорбился ректор, заставив меня залиться краской.

— Эйнар!!

— Тереса?

Вы только посмотрите, он мне еще и глазки невинные строит! Возьму сейчас и уйду! И пусть сидит тут один голодный. Нет! Не один! Я на него Маргрит натравлю, скажу, что лекарства пить отказывается! И режим не соблюдает! Вот!

С этими решительными мыслями я поднялась и... направилась к указанному шкафу за ложкой. Я не сразу поняла, что происходит, и, когда меня кто-то резко тряхнул за плечо, вырвалась и совершенно машинально швырнула заклинение. Над головой раздался оскорбленный рык, и я, еле проморгавшись, увидела Маргрит, нависающую надо мной и мирно спящим Эйнар, зловещей тенью.

— Как не стыдно, адептка Тереса! — упрекнула целительница, носком туфли откинув в сторону дымящуюся тушку призрачной летучей мыши.

— Извините, — покаялась я и тут же встревоженно уточнила: — Что-то случилось?

Утреннего гонга слышно не было, да и в покоях было темно. Я бросила взгляд в окно — горизонт только-только наливался бледно-розовым цветом.

— Случилось, — коротко отозвалась солнечная драконица. — Будем подымать страдальца.

Я прикусила губу, с трудом сдерживая рвущиеся наружу вопросы. Во-первых, целительница уже начала колдовать, едва я сползла с кровати. Во-вторых, все равно сейчас проснется Эйнар, и ему-то уж точно объяснят!

Неловко одернув одежду, я попыталась пригладить волосы, но не особенно в этом преуспела — распущенные кудри сбились в колтуны, которым нужен был частый гребень, а не пятерня. Вот кто его просил трогать! Плохой, плохой дракон!

Тело ректора окутала мерцающая дымка, и проявились оплетающие его магические путы, не столько сковывающие движения, сколько утяжеляющие их в несколько раз — встанешь тут, когда на каждую мышцу тела будто гирию навесили. Эти путы теперь беззвучно сгорали, как свечные фитили, опадая на пол тающим в воздухе пеплом.

Закончив с ними, Маргрит, как я поняла, снова развернула ректорскую ауру, вглядываясь в нее, едва заметно качая головой, и в этом жесте отчетливо читалось — пусть все самое страшное и позади, но будь ее воля, лежать бы еще бронзовому и лежать...

— Что? — коротко спросил Эйнар, едва открыв глаза и рывком усаживаясь на кровати.

Маргрит на эту прыть тут же сморщилась, как от зубной боли.

— Придется прервать лечение. Ты нужен.

Разом помрачневший ректор подскочил и принялся торопливо одеваться. Провел рукой по волосам, и бронзовая копна сама собой свилась в блестящую причудливую косу, мне оставалось только завистливо вздохнуть краем сознания — я и не знала, что так можно!

И только когда Эйнар, собравшись, перевел взгляд на меня и кивнул в сторону двери — мол, идем. Я вдруг поняла, что Маргрит вряд ли бы растолкала своего бедового пациента из-за каких-нибудь учебных неурядиц.

И как-то вспомнилось, что двое драконов так и не были найдены...

Отступник подкинул тело одного из пропавших к его собственной сокровищнице — практически священному для каждого дракона месту. Жест был настолько издевательский, что драконы пришли просто в неконтролируемую ярость, и в деканате сейчас было страшно находиться. Я вжималась в свой угол и старалась, очень старалась сохранять невозмутимость, пока вокруг меня бесновались пара десятков могущественных существ, способных при желании меня переломить одним случайным ударом хвоста. Хвосты, кстати, даже мелькали время от времени, как и чешуя на руках и лицах, и сквозь человеческие облики нет-нет да прорывались клыкастые пасти.

Эйнар, занявший место уже знакомого мне фиолетового во главе собрания и оттеснив того к себе за правое плечо, терпеливо дождался пока родичи выплеснут злость. Он выглядел каменно спокойным, один из немногих, хотя по напряженной фигуре и по полоскам чешуи, то и дело пробегающим по бронзовой коже, было видно, как нелегко ему дается это спокойствие. Он дождался, пока ярость, вызванная объявлением, чуть сбавит накал, и поднял руку. Тишина в деканате воцарилась почти мгновенно, драконы замерли, только мелко бил по стене изумрудный хвост стоящего неподалеку от меня наставника, имени которого я не знала.

— Друзья, друзья. Я прекрасно понимаю и разделяю ваше негодование и скорбь. Но сейчас мы не можем позволить себе скорбеть и негодовать в полной мере. Отступник смертельно опасен и совершенно определенно безумен, и каков будет его следующий шаг — невозможно предугадать. Нам необходимо сохранять хладнокровие и быть предельно осторожными, пока

мы не найдем способ противостоять ему. На данный момент мы, драконы, против него практически бессильны. Нами должна двигать не слепая жажда мести и желание добраться до убийцы до того, как о нем станет известно Императору, а холодный расчет. Эта трагическая смерть дала нам новый шанс отследить мага, но вы прекрасно знаете, чем один раз уже окончилась попытка достать его в его логове.

— Именно поэтому, — вмешался фиолетовый, выступая вперед. — Мы должны не лететь в его ловушки, как безмозглые мотыльки на огонь, а выманить тварь и прикончить ее на наших условиях.

— Каким образом, ты предлагаешь его выманить, Вилмар?

— Не я, — сказал дракон и перевел взгляд на меня.

И вместе с ним зашелестело все собрание, оборачиваясь.

— Как это понимать? — Эйнар нахмурился, и взгляд, который он метнул в мою сторону, не предвещал ничего хорошего.

— Адептка Давир, наблюдатель со стороны Темных, любезно донесла до нас информацию, что отступник имеет несомненный интерес к ее личности. И что она готова подействовать в его поимке, выступив приманкой, — пояснил фиолетовый, и я буквально физически ощутила волну ярости, взметнувшуюся со стороны бронзового.

— Об этом не может быть и речи, — отрезал ректор, уже не глядя на меня. — Она находится под защитой Академии, что подразумевает, что мы обязаны оберегать ее от опасностей, а не подставлять под них!

— Она совершеннолетняя и это ее решение. Что с тобой, Эйнар? С каких пор ты стал таким перестраховщиком? Неужели ты думаешь, что мы настолько беспомощны, что не сможем справиться с одним магом и уберечь одну девчонку?

— Ты с ним не сталкивался, ты не понимаешь, на что он способен.

— Так расскажи. И подготовь, вместо того чтобы вставлять палки в колеса. Предложение адептки крайне щедрое, и я не вижу причин, по которым мы не можем им воспользоваться.

Эйнар обернулся, снова вылавливая меня взглядом, и когда я посмотрела в пылающие золотым огнем глаза, в голове погромел чужой голос:

«Ты с ума сошла? Куда ты лезешь, последняя из рода?»

Я только чуть сощурилась и сжала губы в тонкую линию.

«Я хочу избавиться от угрозы и в этом мои интересы с драконами совпадают. Ты мне должен, Эйнар, не вставай на пути».

Ректор мотнул головой, снова повернулся к фиолетовому и, набычившись, упрямо произнес:

— Адепты академии не должны рисковать собой ради поимки преступника.

Ответить его оппонент не успел, потому что я произнесла спокойным и не дрогнувшим голосом:

— Я всегда могу отчислиться.

В деканате повисла мертвая тишина, в которой Эйнар шумно выдохнул, даже, как мне показалось, с дымом из ноздрей.

— Я должен это обдумать, — отчеканил он.

— Но...

— Уймись, Вилмар. Я ректор этой Академии. А она — адептка под моим началом. И пока у меня на столе нет заявления на отчисление, я решаю, готов я выставлять учеников на убой ради собственной мести или нет.

Сказано это было так, что фиолетовый как-то разом будто сделался меньше, сдулся, сообразив, на кого давит и повышает голос. И несмотря на то, что Вилмар действовал в моих же интересах, я отчего-то все равно испытала легкое злорадство.

— Я не оспариваю твою власть в академии, Эйнар, — произнес он почти примирительно. — Но адептка Давир утверждает, что у нее есть дополнительный способ себя обезопасить. Может быть, ты хотя бы выслушаешь ее, прежде чем решать?

Ректор перевел на меня тяжелый, давящий взгляд.

— Мы вас слушаем, адептка Давир.

Я с трудом сдерживала ликование. Тьма, ну какая же невероятная удача! В общей атмосфере жажды крови и немедленных действий — лучшего момента не придумаешь!

Отыскав взглядом темную макушку прислонившегося к стене Алвиса, который, кажется, еще не успел понять, о чем именно пойдет речь, потому что выглядел хмурым и недовольным, но не напряженным и настороженным, я заговорила:

— Мы с наставником Алвисом родственники. Не слишком близкие, но все же достаточные для того, чтобы я ввела его в род. Это позволит обезопасить и меня, и его. Наставник получит доступ к родовой магии, к которой у отступника нет иммунитета, в отличие от драконьей. А я получу...

Мужчину! Мужчину, который возродит мой род, который подарит ему сыновей и дочерей и позволит вновь расцвести, потому что теперь я была уверена — злой рок переломлен, судьба вновь повернулась к Ривад лицом, потому что иначе всего бы этого просто не случилось!

С трудом затолкав в глубь сознания все то, что вертелось в голове и чуть ли не рвалось на язык, я сглотнула набежавшую слюну (спокойно, Тереса, не выдай себя, не спугни!), я продолжила:

— ... страховку и дополнительную защиту. Отступник уверен, что я буду одна.

Он будет не готов встретить и меня, и дракона. К тому же дракона, противостоящего его поганым чарам. Но это все, конечно, при условии, что наставник Алвис не будет против, — добавила я, скромно прикрывшись ресницами, чтобы скрыть азартный блеск в глазах. Как будто мне и вовсе все равно — па-адумаешь, дракон!

Тишина сделалась отчетливо задумчивой. Родовая магия — человеческие заморочки — драконом знакома была разве что понаслышке. Как и нюансы того, что есть Род. И на эти скудные знания, вернее, на огромный пласт отсутствующих, я и возлагала надежды.

— Алвис? — Эйнар окликнул черного, внезапно ставшего центром всеобщего внимания. Тогда как на лицах многих драконов загорелась надежда, Темный признаков энтузиазма не высказал.

— Вы уверены, Тереса, что за столь короткий срок возможно... — начал он.

— Уверена, — отмахнулась я, даже не дав ему договорить. — Вы темный маг, вы нашей крови, достаточно признания предков, и вся мощь рода в вашем распоряжении. А уж правильно ей распорядиться с вашим-то опытом, я уверена, вы сумеете.

— А как я смогу покинуть род после того, как отступник будет побежден?

Умные вопросы задаем, да? Ну ничего! Я готовилась!

— К сожалению, самостоятельно вы сделать этого не сможете, — добавим капельку предельной честности — ничегошеньки я от вас не скрываю, видите, видите? — Но сама процедура очень проста — достаточно будет моего разрешения.

— И вы меня отпустите? — дотошно уточнил Алвис.

— Сразу же, как минует угроза, — со всей возможной искренностью выдала я тщательно разработанную формулировку.

Мое сердце замерло, остановилось, и дыхание застыло где-то, не доходя до легких, мир сузился до темных глаз дракона, до ожидания его ответа. Только бы не понял, только бы не догадался, только бы...

— Хорошо, я согласен, — кивнул Алвис, на которого давил не только мой взгляд, но и взгляды сородичей, полные надежды и жажды справедливого отмщения. — Что нужно делать?

Мне отчаянно захотелось запрокинуть голову и зловеще расхохотаться.

— Подойдите, пожалуйста, — вместо этого попросила я и протянула ладони ему навстречу. —

И возьмите меня за руки.

Черный приблизился и сжал мои предплечья горячими пальцами, а я обхватила его запястья, соприкасаясь там, где под кожей просвечивали тонкие вены.

— Сейчас я открою Дверь, чтобы представить вас предкам, и вместе мы введем вас в Род, — тихо пояснила я.

— Разве для этого не нужен алтарь? — пробормотал себе под нос наставник, кажется, не ожидавший, что все случится настолько быстро.

— Разве дракон не сам себе алтарь? — ухмыльнулась я, и Эйнар, прекрасно помнивший, при каких обстоятельствах я подчёрпнула эту истину, сердито кашлянул.

Поздно. Я уже ей воспользовалась.

Дверь распахнулась с такой готовностью, будто с той стороны на нее навалились всем скопом, в жажде поглазеть на вновь обретенного родича. Может быть, так оно и было бы, будь Дверь — дверью, а не чем-то глубоко нематериальным, как и скрывающиеся за ней тени. Они протянули руки к Алвису с такой готовностью, что дракон даже рефлекторно дернулся назад, но я держала

крепко. Кровь ускоряла ход, она билась в ушах, а вместе с ней — голоса. «Наш. Наш. Принимаем. Принимаем»

Самым последним отзвучало эхо — «С возвращением, сын!».

И все стихло.

Я выпустила запястья дракона, на которых отпечатались лунки моих ногтей и опустила голову, не в силах смотреть ему в глаза. Нет, стыдно мне не было. И пусть удрать Алвис теперь все равно никуда не мог, давать ему раньше времени понять, во что именно он вляпался совершенно не входило в мои планы!

— Закончили? — разбил тишину мрачный голос Эйнара.

Я кивнула, спрятав руки за спину и сцепив их там в замок.

— За мной тогда. Оба.

С этими словами он повернулся и чеканным шагом покинул деканат. Мы с Алвисом помедлили мгновение, и подчинились приказу, провожаемые любопытными и обнадеженными взглядами.

— Алвис, ты сдурел?!

— Я? Ты ей этот вопрос задай!

— Она — глупая девчонка, а ты — взрослый дракон. Кто тебя просил соглашаться?

— А как ты себе представляешь мой отказ? «Не, ребят, я вольный ящер, я на такое не подписывался! Поищем другой способ, а отступник пусть пока еще над парочкой ваших детей поэкспериментирует!». Так?

Я сидела на кровати, подперев подбородок кулачками и уперев локти в колени, и умиленно наблюдала как собачатся и бесятся два дракона. И оба мои! Ну не прелесть ли?

— Мне теперь придется поддержать этот идиотский план!

— Ты думаешь я пребываю в восторге от того, что придется отвечать за жизнь этой безмозглой девицы?!

От того, какие теплые чувства ко мне оба сейчас питали, я буквально млела — волнуются!

И, наверное, млела уж слишком очевидно, потому что драконы, наконец, переключили свое внимание не «глупую девчонку» и «безмозглую девицу».

— Тереса, откажись от затеи, — строго потребовал Эйнар. — Мы без тебя разберемся.

— Вы без меня уже один раз разбирались, — больно ткнула я по мужскому самолюбию. А что поделать! Суровые времена требуют суровых мер! — Да, давайте Алвис снова выйдет на него с помощью гончей. Да, отступник не будет готов к тому, что дракон нападет на него с помощью темной родовой магии и сможет отразить удар. Но вы уверены, что этого будет достаточно?

Страховать Алвиса будет некому, вы уязвимы, а отступник — готов к нападению и ждет его, и Тьма знает, какие еще там заготовлены ловушки. Я, может быть, и юна, но я хорошо обучена, и я буду готова к встрече. Я глава рода, Эйнар. Вам, драконам, тяжело понять, что это такое. Но как вы хотите схватить отступника до того, как его разорвут на части Темные, так я хочу избавиться от того, кто покушался на мое родовое наследие. Не говоря уже о том, что опозорил звание Темного мага.

— Не ты ли, глава рода, не так давно улепетывала от него так, что только пятки сверкали? Эйнар тоже знал, куда бить. Но от этих нападков, от понимания того, насколько сильно ему хочется меня уберечь — не потому, что он не верит в мои силы, а просто потому, что ему претит сама мысль подвергать меня опасности — от осознания этого на душе становилось только теплее. И приходилось сдерживаться, чтобы не улыбаться, а выглядеть сдержанно и строго.

— Я не была готова к встрече. Теперь буду. А еще я была одна. А теперь — нет.

И от этого по сердцу тоже растекалась упоительная легкость.

И пусть спор еще продолжался, я уже знала, что победила в нем.

Глава 14

Он пришел.

Алвис прибыл в поместье первым, за день до того. Летел своим ходом, а под щиты пробирался незаметной мышкой (когда я представляла в роли незаметной мышки многотонную черную

драконью тушу, меня пробивало на нервное хихиканье), не потревожив расставленные отступником сигналки.

Я же вломилась торжественно, с размахом, как к себе домой (и снова — хи-хи). Переместилась на этот раз не духом по миру безвременья, а во плоти, воспользовавшись любезно предоставленной драконьей помощью в построении портала — темным такие расстояния не под силу. Несправедлива жизнь! У ящеров мало того, что крылья — так еще и скакать могут туда-сюда с минимальными, по сравнению с людьми, затратами...

Дом встретил меня распростертыми объятиями и колокольным перезвоном навешанных отступником маяков. Я только хмыкнула, и пошла в дом — выяснять, не сожрали ли стражи Алвиса (или Алвис — стражей...), знакомить дракона с родовыми землями и ждать.

А на следующий день он пришел.

На контурную защиту пришелся удар такой силы, что я подскочила в своей постели от внутреннего оглушительного звона, челюсти свело, а зубы заныли. В этот раз удар был еще сильнее. В этот раз он, возможно, даже смог бы преодолеть первый охранный рубеж. И можно было бы посидеть, подождать, пока он выгрызает защиту, теряет силы, и попробовать взять его измотанным, но слишком велик был риск того, что удерет. На идиота он похож не был. И прямо сейчас он уверен в себе и легко вяжется в бой, позволив заманить себя в ловушку.

Я шла по дорожке к границам поместья, гравий шуршал под ногами, шею щекотали редкие волосинки, выбившиеся из тугого пучка, а пальцы леденели от прикосновения к силам, слишком далеким от мира живых. А по обе стороны от меня, двигались два верных помощника — две твари, которым невозможно было даже дать название, и хитиновые бока тускло поблескивали в предзвездных сумерках.

Фигура в темном балахоне стояла в нескольких метрах, за воротами. Отступник любезно ломился в главный вход, не утруждая себя возможными перелезаниями через стены или крушением оных. Наверное, решил бережно отнестись к присмотренному в пользование имуществу.

Черная злоба шевельнулась в душе вместе с жадной разорвать наглеца на куски собственноручно, но я пригасила их, замерла у самой решетки, не выходя за границы защитного контура, как и было условлено, и спустила тварей с поводка.

Окрестности огласил вой.

Отступник был силен. Он не только успевал держать защиту, но и вполне успешно отбивался от атакующих с двух сторон потусторонних монстров, один из которых шутя приструнил драконов (правда, только потому, что драконы и не думали сопротивляться).

Чесались руки. Сделать шаг вперед, распахнуть кованые створки — и я тоже смогу ударить, вспороть обманчиво тонкую пленку защиты, сплести смертельное заклятие, ударить им, и пока маг на него отвлечется — разорвать в клочки всеми многочисленными пастями, дать твари, когда-то бывшей моим предком, кровавую жертву, он заслужил. Но нельзя. Я обещала оставаться под защитой заклинаний и не лезть. А потом обещала изо всех сил постараться сдержать это обещание.

Алвис ударил в тот самый момент, когда обе моих твари врезались в щит, отвлекая на себя все внимание отступника. Ударил подло, со спины, но сражаться по правилам честного боя с тем, кто презрел любые устои — так можно и себе смертный приговор подписать. И я подалась вперед в предвкушении, видя, как зарождается заклинание, как оно устремляется к отступнику, как еще мгновение — и он падет либо сраженный страшным проклятием, либо разорванный потусторонними чудищами.

Ослепительная вспышка — и заклинание рассыпалось безвредными искрами, а из теней выступили еще две фигуры в балахонах. Отступник был не один.

Двое ударили слаженно, Алвис едва успел выставить щиты. И в то же мгновение одна из моих тварей с отчаянным визгом была вышвырнута обратно за Грань.

А, Тьма с этими обещаниями! Трое против одного — мы так не договаривались!

И я распахнула ворота, ныряя в круговерть магической схватки как в бездонный колодец.

Я практически не думала, у меня не было времени думать, перед глазами все слилось, тело, разум действовали отдельно от меня, подчиняясь какому-то глубокому внутреннему зову и наработанным долгими годами обучения рефлексам.

Лишь в какой-то момент я с глубоким удовлетворением пронаблюдала, как изломанной куклой рухнула на землю одна из темных фигур, пытавшаяся заслонить отступника, и он занял ее место передо мной, готовясь тоже принять смерть.

В этот раз у тебя не получится обыграть меня.

Мне показалось, что тонкую линию губ, видневшуюся из-под капюшона, тронула безумная улыбка, а потом...

Земля вздыбилась, надломилась, как хлебная корка, и расступилась, позволяя выбраться на свет существу, которого доселе не видел этот мир — желтоватый скелет, скрепленный полупрозрачными жгутами мышц, хищный оскал черепа и ярко-голубые огоньки в провалах глазниц. Если драконьи шкуры некромант пустил на куртки, то костям явно нашел иное применение...

Я даже не успела испугаться. Даже подумать, что предпринять, не успела. Удар хвоста — и меня впечатало в стену. В родовую стену родового поместья. Сознание померкло мгновенно... Благо не навсегда — и я рванулась из этой темноты вверх, покидая бестолковое тело, выпадая в безвременье, чтобы увидеть, как сквозь рубашку на моей груди, полыхнул желтым Драконий глаз. А спустя мгновение с яркой вспышкой открылся портал, и драконьего полку на поле битвы прибыло.

Я взвыла от досады и если бы не была сейчас бесплотным духом, то вцепилась бы в волосы. Ну куда-а?!

Куда он лезет, он же беззащитен, его же сейчас...

Я уже почти рванула к собственному телу, беспомощно распластавшемуся на земле, чтобы привести его в чувство, чтобы сделать хоть что-то, но тут в плечо до боли знакомым жестом впиалась костлявая старушечья ладонь.

— Ну куда ты лезешь, дурында? — ласково проскрипела старая Альба. — Дай мальчикам самим разобраться.

— Но... — дернулась я.

— Тихо сиди! — рявкнула старуха и, не будь я опять же, бесплотным духом, я бы точно шлепнулась на попу и примерно сложила руки, как в старые-добрые времена.

Наверное, чтобы понять, что же на самом деле из себя представляют драконы, стоило один раз увидеть драконов в действии. Не в мирном, не в созидательном, а именно в буйстве схватки, когда от столкновения сил дрожит земля. Я едва успевала выхватывать взглядом происходящее.

Алвис, оказывается, успел разделаться со вторым учеником отступника, и теперь тот остался один. Он — и костяной дракон, порождение извращенной некромантской мысли. Черный быстро приспособился к перемене состава в его боевом лагере.

Теперь он держал щиты, ограждая Эйнара от разрушительной магии отступника, а Эйнар...

У меня сердце замирало от ужаса и восторга. И я даже не могла толком сказать, чего больше боялась — за него или его. Потому что дракон был страшен, и в своей истинной ипостаси и в человеческой.

Казалось, в буйстве стихий невозможно было ничего разглядеть. Но все же тот момент, когда Эйнар ухватил бывшего сородича за шею, с диким ревом перекинул через себя и грохнул о землю, а потом, пока умертвие не опомнилось, мгновенно превратился, и заклинание с огненным росчерком пробило щит некроманта и врезалось ему в грудь — этот момент я разглядела так четко, будто кто-то замедлил его специально для меня.

Фигура в балахоне пошатнулась, нелепо взмахнула руками и упала — сначала на колени, а потом ничком на истоптанную траву. Костяное порождение некромантской магии, не успев толком подняться, рухнуло обратно, мгновенно истлев и осыпавшись белым пеплом.

Эйнара застыл, сжимая кулаки и тяжело дыша. Алвис медленно опустил вскинутые руки. А в следующее мгновение оба, будто сговорившись, рванули в мою сторону.

— Ну и чего расселась?! — проскрипело над ухом. — Брысь отседова!

Удар клюкой меж лопаток — и я с хрипом вдохнула, распахивая глаза, успев увидеть два склонившихся надо мной лица, а потом сознание снова померкло и на этот раз удерживать его я не стала.

— Все же, ректор Эйнар, — строго произнесла я, глядя на вошедшего дракона снизу-вверх, подтянула одеяло повыше, чтобы наверняка скрывало грудь, и расправила складки на нем, — у нас с вами очень нездоровые отношения!

Дракон, слегка выбитый из колеи таким приемом, даже на мгновение остолбенел на подходе, и я со вздохом добавила:

— В том плане, что здоровьем тут и не пахнет! Что ни свидание — то в лазарете!

Эйнар хохотнул, запрокинув голову, и я разулыбалась, довольная, что подготовленная шутка имела такой успех. Лежать мне уже порядком надело, вот и развлекала себя, как могла. В отличие от некоторых ректоров, я пациенткой была примерной, не буянила, не рвалась из постели и исправно и не морщась (почти!) глотала все, что предлагала мне Маргрит.

Впрочем, природное терпение и смирение были не причем. Исключительно здравый смысл — если уж она дракона стреножила, то куда рыпаться бедной человечке...

— А я говорил, что надо было идти в целители, — хмыкнул Эйнар, присаживаясь рядом на постель.

Шершавые пальцы коснулись щеки, обвели контур лица, скользнули дальше, зарываясь в распущенные волосы, плотно обхватывая затылок, чтобы не дать увернуться от поцелуя.

Можно подумать, я бы стала!

— Ах вот зачем ты это предлагал, ящерица расчетливая! — выдохнула я ему в губы прежде, чем была лишена дара речи.

— Маргрит говорит, ты хорошо себя ведешь и быстро идешь на поправку.

— Ну, мне теперь торопиться некуда, — философски заметила я и поерзала спиной по подушке устраиваясь удобнее.

Эйнар улыбку, как мне показалось, несколько задумчиво, и вдруг произнес:

— Мы закончили расследование.

Всю игривость и налет скуки с меня мгновенно смыло.

Ну? Ну?! Где мои подробности?!

Ректор хмыкнул, погладил меня по голове и начал рассказ.

Отступника звали Киран Даст и когда-то он учился в академии.

Он был случайным сыном дракона и магички одного из темных родов, вот только родился неудаченьким. Отцовских крыльев ему, ясное дело, не досталось, а мать от рода отказалась, потому и ребенка ее никто не принял. Вот только несмотря на это самолюбия Кирану было не занимать. Нос задирает, верил, что ему должна достаться какая-то огромная сила, у него же вон какие предки.

Впрочем, он действительно был умен и довольно силен, и в академию поступил без особых трудностей. А вот там начались проблемы. Тех, кто послабее, он унижал, равных пытался подмять, тех, кто сильнее, люто ненавидел. К драконам относился странно — с одной стороны, в глаза заискивал, лебезил, норовил услужить, а с другой

— чувствовалась от него какая-то враждебность, нехорошая, злая. Но наставники списывали на застарелую обиду на отца, который не то, что не принимал участия в жизни своего ребенка, но и, вполне возможно, не знал о его существовании. Драконы в эту историю не лезли, какое их дело?

Он прилежно доучился до седьмого витка, а там, когда до выпуска оставалось всего ничего, случилась драка. Когда в очередной раз Киран принялся бахвалиться, да как он силен, да кто его родители, парень из тех, кого он все пытался задеть, его высмеял — да опомнись, наконец, придурок. Матери ты был не нужен, а отцу и подавно, задрал ей подол разок и был таков, а ты тут нам заливаешь про драконье наследие!

Киран вышел из себя и ударил. Ударил магией да так, что чуть не до смерти — наставник еле успел оттащить. А на разбирательстве, вместо того чтобы признать свою вину, он заявил, что увидит парня еще раз и приберет, чтобы наверняка. Потому и был исключен из академии.

Это все Эйнар знал и помнил, и вспомнил бывшего ученика, едва смог заглянуть под капюшон.

А вот чтобы выяснить его дальнейшую судьбу пришлось покопаться в прошлом.

После исключения Киран не опустил руки и почти сразу нашел себе учителя, что не удивительно, он все же был талантлив, хоть и не исключителен, как ему хотелось бы.

Выучившись, много ездил по Империи, предположительно — приглядывался к темным родам.

А еще — проводил свои опыты. Идея обрести положенное, как он считал, по праву рождения могущество прочно засела у него в голове. Жажда стать равным, стать сильнее, доказать всем, как они ошибались. Стать сильнее драконов и войти в темный род на правах равного. И сколько тех, в ком текла драконья кровь, полегли на алтарь его честолюбия, невозможно теперь и сказать.

Так он добрался до Эстана, где и осел. Чем-то Ривад его особенно привлекли.

Он набрался терпения и ждал. Продолжал свои изыскания, учеников даже набирал. И следил, ждал подходящего момента. Может быть, хотел напроситься в вассалы или предложить себя в качестве достойного мужа, теперь уже неизвестно.

Но Ривад — сильные, они абы кого не возьмут, здесь нужно было действовать осторожно. Здесь нужен был подходящий момент.

И от его пристального, бдительного ока не укрыли фонарики старой Альбы то, что происходило в поместье. Благоприятный момент для отступника настал, и он рассудил, а зачем вымаливать то, что он может взять силой и в полной мере.

— К тому времени он уже окончательно повредился в уме, Тереса, — Эйнар говорил негромко, сухо, без сожаления. — Все же делать то, что проделывал он, и сохранить при этом рассудок, просто невозможно. Он не был сумасшедшим убийцей, когда он покинул стены Академии. Наверное, он не был им даже тогда, когда только начал свои эксперименты. Его записи, — дракон скривился. — Были тщательно изучены. Он не думал о мести, он думал о силе, о могуществе, о власти. Месть стала навязчивой идеей уже извращенного разума.

Я потянулась, обвила руками драконью шею и медленно, стараясь не потревожить поломанных ребер, переползла к Эйнару на колени.

— Мы все уничтожили, — проговорил он, пристроив подбородок мне на макушку.

— Я лично все уничтожил. А Лейф нашелся. Лейф, шестой пропавший дракон. Он удумал упасть в спячку, поэтому не услышал всеобщего зова.

— Драконы впадают в спячку? — удивилась я.

— Иногда. Когда становится скучно. Уснул на пару веков, проснулся — а вокруг что-то новенькое, — Эйнар произнес это так иронично, что я не смогла определить, шутит он или говорит всерьез. Впрочем, разве это важно?

— У меня только один вопрос! — я уткнулась носом в бронзовую шею и с наслаждением вдохнула запах, отличный от лазаретного.

— М? — почти мурлыкнул дракон, поглаживая меня по спине.

— Как Маргрит тебя пропустила? Она грозилась — никого, пока не поправлюсь!

— Ну... — дракон ухмыльнулся мне в волосы. — У меня же теперь есть перо и бумага...

Маргрит выпустила меня из лазарета через три дня, и весть об этом не иначе, как разлетелась по всей академии. Ну, либо кое-кому нечем было больше заняться, чем меня караулить. Потому что, когда я свернула на родной этаж, то увидела, что дверь моей комнаты подпирает наставник Алвис собственной персоной.

Я набрала в грудь побольше воздуха и пожалела, что повязку с ребер сняли. Она мне, может, еще пригодится.

— С выздоровлением, — при моем приближении дракон выпрямился и, не особенно утруждая себя дальнейшими реверансами, выдал: — Все, отпускай меня.

— Нет, — сказала я и нырнула в комнату.

Не то, чтобы я надеялась захлопнуть дверь перед драконьим носом и уйти от разговора, нет.

Просто скандалить в коридоре было бы неблагоразумно. А что скандал будет — в этом уж я не сомневалась!

— Что ты сказала? — то ли Алвис и правда не расслышал, то ли сделал вид, но, войдя за мной следом, дверь он тщательно прикрыл.

— Нет.

— Тереса. Угроза миновала, — дракон был опытен, мудр и терпелив. — Ты можешь меня отпустить.

— Нет.

На третьем отрицательном ответе опыт, мудрость и — особенно — терпение Алвиса закончились. Он так бабахнул кулаком по столу, что я против воли втянула голову в плечи.

— Что значит, нет?!

— Нет, значит, что я тебя не отпущу.

— У нас был уговор...

— Был. Но ты не уточнил, какая именно угроза. А у представителей темных родов жизнь, знаешь ли, не всегда безоблачна и безопасна...

В черных глазах сверкнула желтизна и, кажется, понимание всей глубины совершенной ошибки. На скулах заиграли желваки, кулаки сжались, вдоль висков змеиным узором проступили мелкие черные чешуйки.

— Я прибью тебя, — прошипел он, может, и не имея в виду это конкретно, но меня такое заявление вполне устраивало.

— Валяй, — я на всякий случай все же отступила за спинку кровати, чтобы не прибил раньше, чем договорю. — И станешь главой рода. Оно тебе надо, подумай-ка?

Дракон сверлил меня взглядом, и я продолжила уже увереннее:

— У темных родов есть обязательства перед Тьмой, ты знаешь? — Алвис молчал, я вцепилась в спинку кровати так, что костяшки побелели. — Тьма служит нам, а мы служим Тьме. И одна из граней служения — это обязательство передать силу по крови в достойные руки. Если же линия крови оборвется, и дар угаснет...

Я вздохнула и призналась, глядя в непроницаемо черные глаза:

— Я — последняя из Ривад. Мой род пресекается, и этим виновен перед темными богами. За вину рода отвечает последний из оставшихся в живых. И когда я умру, за моими останками придут теньевые гончие, и доставят их в родовой склеп Ривад. И там я перерожусь в неподкупного стража, который будет вечно хранить бесценные знания и могущественные артефакты до тех пор, пока не найдется кто-то достойный ими завладеть — и способный это доказать. И тогда, когда сокровища моего рода возьмет в руки чужак, я, вернее, то, что от меня останется, станет его верной тенью. Обреченно вечно служить достойному за то, что мой род не уберег. Так что... я не знаю, как сработает проклятие, если последним в роду останется дракон, с учетом того, что в полной мере ты все равно не способен перенять родовую силу... Но ты уверен, что хочешь это проверить?

Не дождавшись какой-либо реакции от застывшего изваянием черного, я позволила себе чуть улыбнуться и попытаться подсластить настойку заранее заготовленными прекрасными перспективами:

— Да ладно, быть Ривад совсем неплохо! У нас есть библиотека...

И еле успела увернуться от пущенного в меня проклятия, оставившего дымящуюся проплешину в каменном полу моей комнаты.

— Дрянь!!! — бушевал дракон, наконец, придя в себя от моей неслыханной наглости. — Стерва!!!

Каждый эпитет сопровождался заклинанием, и я не могла не признать, что как наставник темной магии дракон определенно не зря ест свой хлеб!

— Что ты хочешь? — неожиданно выпалил Алвис, опершись на край стола, когда я робко высунулась с другого его конца.

— Мальчика. Двух. Нет! Трех. Всех получившихся в процессе попыток девочек я признаю Ривад, возьму на себя связанные с ними заботы, и когда придет время — выдам замуж с достойным приданным. Их матерей принять в род не обещаю, для этого нужен законный брак, а я что, изверг какой — заставляю тебя жениться?.. — очередное заклинание просвистело над головой, шевельнув волосы на макушке, и я продолжила уже не высовываясь из укрытия: — Но, если ты пожелаешь, дам им кров и право носить нашу фамилию вместе со своей.

Ответом мне была тишина. Я снова осторожно выглянула.

Алвис открывал и закрывал рот, руки его судорожно сжимались...

Смерть моя была близка как никогда. И, кажется, даже угроза проклятия сейчас черного дракона не так уж и пугала.

На границе реального и потустороннего сначала азартно гомонили, а теперь молчали, затаив дыхание.

Возможно, даже делали ставки.

Вдох. Выдох. Вдо-ох. Вы-ыдох.

Я наблюдала за движением драконьей грудной клетки — за тем, как умирится лютое бешенство. Вот это самообладание все же! Нам такие нужны! Ай, Тереса! Ай, молодец!

Алвис дернулся, я спрятала голову, но дракон всего лишь пересек комнату и без сил опустился на кровать. Жестко потер руками лицо. Согласия он еще не дал, но уже было очевидно, что теперь это лишь вопрос торга.

А не жизни и смерти.

Может, получится его чуток обнадежить?

— Скажи, а у тебя случайно нет уже готовых детей?
— Нет.
— А если поискать? — подозрительно уточнила я.
— Нет!
— О, Тьма, ты чем вообще триста лет занимался? — не удержалась я и с появляющейся сноровкой увернулась от полетевшего в меня заклинания.
— Говорила мне мама... — пробормотал дракон себе под нос. — Так нет же. В тот же род, на те же вилы...
— Маму надо было слушать, да, — попыталась проявить сочувствие я. — Мама плохого не посоветует!
Это пущенное в меня проклятие я ради разнообразия, пустила по шиту верхом. Кажется, мое сочувствие нуждается в тренировке...
— Да ладно тебе, прадед...
Я предприняла еще одну попытку, и черный взгляд прожег меня насквозь
— Э... дедуль? — вопрошительно поправила я.
Между драконьих пальцев началась скапливаться клубящаяся тьма.
— Дядюшка?..
Заклинание рассыпалась, и Алвис уронил голову на подставленные ладони.
— Тьма, за что?!..
Я неуверенно пересекла комнату на слегка подрагивающих ногах, села рядом и уж совсем робко положила ладонь на обтянутое черной тканью плечо...
А потом мы торговались — яростно, до хрипоты. Алвис оговаривал обеспечение для всех своих детей (да что мне, жалко, что ли?) и пытался уменьшить количество отпрысков мужского пола хотя бы до двух. Тут я встала насмерть, но взамен предложила ему право поделиться кое-какими из родовых знаний, не самыми секретными, с учащимися академии.
— Знаешь, где я твои подачки видал? — выверился дядюшка.
...но уступку милостиво принял.
На границе реального и потустороннего радостно, возбужденно галдели.
А когда, уже ближе к вечеру, ко мне заглянул Эйнар, разминувшись с черным драконом буквально на полчаса, то он замер на пороге, окидывая комнату изумленным взглядом — подпалины, дыра в шкафу, разодранная в хлам штора...
— Что здесь произошло?!
— Да так... — Я с улыбкой развела руками. — Дела семейные!

Эпилог

Я стояла над раскрытой сумкой, периодически переводила взгляд с нее на горку вещей, сваленных на кровать, и обратно. И с отчаянной тоской никак не могла приступить к сборам. Отступник понес заслуженную кару, угроза роду с его стороны миновала. Алвис, кажется, окончательно смирился с повешенным на шею ярмом и был мрачно настроен отделаться от меня как можно скорее, а значит, какой-то год-два и в родовом поместье снова раздастся детский крик, который будет означать, что Ривад — живы, что Ривад — продолжают в потомках.
Все же решение прийти в академию было ой каким правильным. Все у меня получилось! Теперь самое время возвращаться домой.
А на душе все равно было муторно. Маятно. И вещи эти никак не собирались.
В приоткрытое окно впорхнула яркая диковинная птица, издав мелодичную трель, она сделала круг над моей головой и осыпалась на волосы и плечи разноцветными искрами, уронив в подставленные ладони клочок бумаги.
«Поднимись на западную башню».
В горле пересохло, я облизнула губы, бросила очередной взгляд на стопку вещей и, махнув на все рукой, сорвалась с места.
На башню я почти влетела, запыхавшись на ступеньках, и тут же задохнулась, как от ударившего в лицо ветра, так и от вида.

Дракон был прекрасен.

Сверкающая на солнце бронзовая чешуя, узкая хищная морда с красивым разлетом ноздрей и выглядывающими из-под верхней губы клыками — каждый, с пол моей руки. Крупные пластины гребня, прилежно сложенные крылья. И хвост.

Длинный шипастый. Краси-и-и-ивый.

Я подошла и провела кончиками пальцев неожиданно теплой, нагретой на солнце чешуе.

Под моим ошарашено-восхищенным взглядом ящер приосанился, по-лебединому изогнул длинную шею, и я, не удержавшись, пнула его по когтистой лапе. А нечего!

Дракон шумно выдохнул, выпустив несколько искр и обдав ноги жаром, а потом опустился на брюхо с явным приглашающим жестом.

С трудом сдерживая совершенно детский, почти визжащий восторг в груди, я полезла к нему на спину, где удобно примостилась между двумя пластинами и сразу почувствовала, как ноги и руки почти приклеились к бронзовой коже невидимыми магическими путами — вроде и не сковывает, а не оторваться. А в следующее мгновение, взметнулись крылья, загородив от меня солнце, тело гигантского ящера подо мной пришло в движение, вскарабкалось на бортик башни и... сорвалось вниз.

Детский восторг сдерживанию больше не поддавался.

Я визжала, давилась бьющим в лицо воздухом и снова визжала, когда Эйнар то нырял вниз, то почти вертикально рвался вверх. Земля и небо менялись местами, ветер сорвал ленты с волос, и они лезли в глаза, в рот, я отплевывалась от них и хохотала, захлестнутая с головой искристым, безудержным, пьянящим чувством полета.

А когда сил у меня больше не осталось, и я распласталась по драконьей шее, прижавшись щекой к чуть шершавой пластине, Эйнар лег на крыло, унося меня в неизвестном направлении. От чешуи исходил внутренний жар, говорящий о том, что где-то там, внутри, дремлет драконье жаркое дыхание, и я прикрыла глаза, просто наслаждаясь происходящим и стараясь не думать о сумке, и вещах, и о том, что это скорее всего прощание.

Мы летели не больше получаса, хотя пару раз я ловила себя на ощущении смещения пространства, так что зарекаться, что Эйнар не нырял на ходу в заранее подготовленные порталы, не могла. Правда, заскучать я все равно успела, и радостно встрепенулась, ощутив, что дракон пошел на снижение.

Эйнар спускался по сужающейся спирали, то и дело наклоняясь и позволяя мне разглядеть море и маленький островок, поросший буйной зеленью. Воздух становился все теплее и влажнее, совсем как в термах, и я начала подозревать, где именно ректор черпал вдохновение для создания своих ярких птичек.

Я подпрыгнула, когда дракон без особой элегантности плюхнулся на песок, и почувствовала, как отпустили путы заклинания.

— Идем.

Не успела я скатиться по драконьему боку на землю и оглядеться хоть чуть-чуть, как Эйнар обернулся и, ухватив меня за руку, потащил куда-то в кусты.

— Куда мы?..

— Ш-ш-ш, — прошипел дракон, и я послушно замолкла.

А через пару минут мы вышли к маленькому холму, зияющему черным провалом пещеры, и я стиснула широкую драконью ладонь, едва не запищав от предвкушения. Сокровищница? Сокровищница, да? Ведь да-да-да?!

Сразу за глянцево-влажной листвой под ногами обнаружили ровные ступеньки, уводящие в темноту. Эйнар нырнул в нее увлекая меня за собой, только перехватил иначе — под локоть, помогая не оступиться.

Темнота становилась все плотнее и непрогляднее, я попробовала наколдовать светлячка, но не смогла выжать и искры, вместо этого только споткнулась и глухо ойкнула. Мрак усмехнулся и подхватил меня на руки. От чего ощущение того, что я оказалась где-то вне времени и пространства, в сплошной непроглядной пустоте только усилилось. И если бы не знакомые объятия, не запах, будоражащий ноздри, я бы, наверное, даже испытала легкий приступ паники. Еще шаг — и свет почти больно ударил по глазам. Я зажмурилась, пряча лицо на груди у Эйнара, и только секунд через десять рискнула чуть разомкнуть ресницы.

Свет лился прямо с потолка и рассеивался в пространстве почти как дневной. И пока я, открыв рот, озиралась, в бесплодных попытках охватить взглядом все — стрельчатые арки,

позолоченные витые решетки, горы — всамделишные, как в книжках! — драгоценностей, Эйнар осторожно опустил меня на пол. Под ногами звякнуло, и я уставилась вниз, где все было усыпано монетами, словно банальной галькой.

Он правда привел меня сюда!

В святая святых!

Да такая честь человеку раз в сто лет перепадает!

От восторга сердце готово было выскочить из груди, я сделала глубокий вдох, успокаивая его, и проговорила:

— Что-то как-то скромненько...

Громкий шлепок эхом разнесся по анфиладам.

— Ай! — я подпрыгнула и отскочила, потирая пострадавшее место. Впрочем, учитывая юбки, гордость пострадала больше. — Руки!

— Язык, — невозмутимо отозвался ректор академии семи ветров, ухмыляясь, как подзаборный хулиган. — И вообще мы сюда по делу, адептка Тереса, так что попрошу!

С этими словами он зашагал по проходу между небрежно сваленными драгоценностями в сторону ажурных ворот с узором в виде цветов и птиц.

— По делу? — переспросила я, поспешив следом.

— Да. Надо забрать одну вещь.

— Какую?

— Увидишь. Если будешь хорошо себя вести.

Я показала драконьей спине язык, мимолетом в очередной раз полюбовавшись и спиной, и косой, спускающейся до середины лопаток, мягкими золотистыми бликами на бронзовых волосах, и ниже... ниже вид без одежды был, конечно, привлекательнее...

— Раздеться?

Я вздрогнула, вспыхнула и, бросив неблагодарное дело — тешить драконье самолюбие, принялась озираться по сторонам. Оказалось, что горы блестяшек были чем-то вроде прихожей, и теперь мы шли по узкому коридору, а вдоль его стен на подставках висели уже не просто драгоценности, а артефакты, от некоторых из которых веяло такой древностью, что по спине пробегала благоговейная дрожь.

В какой-то момент мне показалось, что я слышу шум воды, но буквально через несколько шагов стало ясно — не показалось.

Коридор закончился внезапно, и мы оказались в просторном гроте. Неизвестно откуда льющийся водопад разбивался бриллиантовыми брызгами о гладь прозрачного подземного озера, дно которого было усыпано монетами, камнями, диковинными ракушками, а под стеклянной гладью воды то и дело мелькали стайки разноцветных рыбок. Оказывается, драконы коллекционируют не только человеческие сокровища, но и природные!

Как зачарованная, я приблизилась к колеблющейся кромке воды и присела на корточки, касаясь ее кончиками пальцев. В пещере несмотря ни на что было тепло, и вода вместо ожидаемо ледяной оказалась почти теплой. Я обернулась, чтобы сказать Эйнару что-то, но мысль тут же выпорхнула из моей головы той самой цветастой пташкой, потому что дракон уже успел скинуть с себя рубашку и сапоги и теперь был занят ремнем брюк.

Серебристые водные блики плясали на смуглом теле, и зрелище это завораживало почище древних артефактов.

Эйнар улыбнулся мне, на этот раз не насмешливо, но все равно как-то шкодливо, а потом, разбежавшись, нырнул в озеро, обдав меня тучей брызг. Я взвизгнула, отшатнулась, шлепнулась на попу и рассмеялась, когда дракон, не удовлетворенный эффектом, наподдал по воде ладонью, чтобы уж наверняка вымочить меня с головы до ног.

Ладно, намек понят!

И я принялась раздеваться, торопливо стягивать липнущую к телу одежду, чувствуя на себе такой же жадный и пристальный взгляд, каким я сама только что наблюдала за драконом. От предвкушения и нетерпения дрожали пальцы, а жаркая пульсация внизу живота уже разгоралась, хотя ректор ко мне еще и пальцем не притронулся.

И желание это было таким сладким, что даже почти заглушало горечь и мысли о сумке и стопке вещей на кровати.

Я шагнула в воду, почувствовала, как та мягко обволокла ступню прохладным прикосновением. Еще шаг — и я мне уже по колено, глубина начиналась быстро. Еще — и мелкая рябь волн

плещется уже у середины бедер, а Эйнар стоит и смотрит, и от этого взгляда у меня внутри все плавится.

Грудь налилась, требуя прикосновения, соски напряглись — то ли от холода, то ли от этого жгучего взгляда, и я почти застонала, когда прохладные волны коснулись промежности. Тьма, как же я хочу его! Как же я буду без него? Доведется ли мне хоть когда-нибудь еще в жизни испытать подобное?

Кажется, пока я раздевалась и заходила, дракон еще отплыл от берега, потому что воды было уже по грудь, и она легонько щекотала соски, а до цели оставалось еще метров пять.

Я набрала воздуха и нырнула, чтобы через несколько гребков угодить в такие желанные объятия.

Эйнар почти выдернул меня на поверхность и, не дав снова вдохнуть, впился в губы поцелуем. Я вцепилась в мокрые темные пряди волос одной рукой, обвила другой шею, прижалась к нему, приподнимаясь, оплетая его и ногами, как вьюн — кованую ограду.

Вода дарила удивительно ощущение невесомости, и в сильных руках я чувствовала себя легкой будто пушинка. И я целовывала, слизывала, скусывала блестящие капли с бронзового тела, чувствуя, как дракон целовывает, и слизывает, и скусывает их с моего, придерживая меня за талию одной рукой. Тогда как другая... другая ласкала меня между ног, и мне хотелось плакать от острого желания ощутить там уже не руку, и в то же время — совершенно не хотелось торопить.

Проникновение, немного болезненное и потому отрезвляющее, заставило меня выгнуться, теснее прижавшись к дракону грудью. Эйнар подхватил меня под ягодицы, легко приподнимая и снова насаживая на горячий твердый ствол — медленно, неторопливо, позволяя приноровиться и привыкнуть к странным ощущениям — под водой.

«Да мы еще практически ничего не пробовали!».

Сердце остро кольнуло, я сжала сильнее внутренние мышцы, поймала губами мужской стон, и целовала, лихорадочно целовала дракона в ответ, помогая ему всем телом, двигаясь в его ритме, в нашем ритме. Острое сосущее предвкушение разрядки нарастало снежным комом, закручивалось и закручивалось внутри, становясь больше с каждым движением. Я зажмурилась в какой-то момент, вдруг осознав, что у меня из глаз катятся слезы. Только мысль мелькнула — ничего, вокруг столько воды...

Ослепительная кульминация заставила все тело напрячься струной, я закричала, и эхо моего крика под сводом пещеры слилось с громким стоном Эйнара, который достиг пика одновременно со мной, как никогда горячо и сладко. И солено.

Все замерло. Остались только звуки — плеск волн, шум водопада, и рваное жаркое дыхание. — Тереса... — выдохнул Эйнар, не отпуская, все так же оставаясь во мне. — Как ты смотришь на то, чтобы присоединить к своему роду еще одного дракона?

Я сморгнула, и томная слабость отпустила. Смысл слов ускользал от пребывающего в растрепанных чувствах сознания. Я отстранилась, отделяя себя от дракона, а дракона от себя. — Зачем? Угрозы роду больше нет. Да и это не так просто. Ты же не кровный родственник, я не могу просто взять и...

Эйнар закатил глаза и внезапно одним резким движением ушел под воду, обрывая мою запинаящуюся речь на полуслове. Впрочем, долго задаваться вопросом, что вообще происходит, мне не пришлось, потому что дракон вернулся и сунул мне в руки невзрачно серую ракушку жемчужницы.

Я вопросительно посмотрела на ректора и под поощряющим взглядом раскрыла створки.

— Я предлагаю тебе выйти за меня замуж, Тереса.

...на перламутровой внутренности раковины покоилось ажурное колечко, сверкающее бриллиантовыми капельками.

— А это — та самая вещь, которую, я надеюсь, мы отсюда заберем.

Я почему-то всхлипнула и повисла у дракона на шее.

Эйнар подхватил меня на руки и вынес на берег, где я решительно поняла, что воде я все же предпочитаю сушу. А еще...

— Все же заниматься любовью на золоте совершенно не романтично! Посмотри, я теперь вся в синяках. Даже на попе синяк!

— Зато он с королевским профилем, — хмыкнул Эйнар, с удовольствием разглядывая упомянутую часть тела.

efZ9mtk2Df5CAa/5t1A9IPDR3qCC/az54ryy70UuU6TnTpyaHf8ATnBBepa86myrfnLqfP11
7EVy0mz5azdcSyzTIjyBLQZDIU3G7Txdgf/Rk1eovoYvGxLE6XT8j03n3tm5+n4d9QXEscX
J59foHPml6m5VjPzL8T2/BdXm9nG6Luc0LfPcaOV61n8teceg8Kt69TqWrXLOHZ3ydc5t4yZ
pQZOcmJ/N0sSAQioOzo/I9dzXoMsduHrzYz9MHPdKxZqdAulh6HHWmGIOerJM21FhJuetY9K3
wrHnfp3G9ThumxdX1RdnHtdMdkIFrxPPcP61zL0fsvHvVOnK5B2CIyxKuO2w4xc25ySkjLDO
Q5oXm+hzt2EJ7Xsy0GFnUi1NCglldw1qmpXysOYBaDcs3Nyh41zPs09Wfy3b1ftclaYXpN
bWxtDzGy/ObnJyuW9L4+1qT8x9L6ZJOY8xFA1ZL15882S1J51ZIWercqs6xCmN2s0e6TGqIu
myctQhpUAYoY0GAZ+nnO4K3gsaGFsc7G0vN+p6b1D54u3Pbyz6GHmNPQqas/QA8dWCjf87wu
htUda2i049MWOBmWDG0MwEoo6LEqiTQDVQ70qd7nuUgxzvYzNDHivYzblqpEsNZpSlf65jOU
MZBYFgmsbTy9br0tauJbs6Z2lm05Z93CpEloirKknDHNYavFrQqkJzSQmYEtZqWfHc74MekW
r9vLsY1dVOzh2snVp43lIM7CkQoRM8stcNqtVFXkuqla46/ZC9mjOPTnrbfG7ebVzr1bLr2u
c1CvsSGhkoxOIhY0UY55cNx2OvGETwqpUtWtVMxpQAthxp6VO4WISsVebXMIJ9Bk0BtOGYsEo
kqkGLryr52vlZ9Ik02hJn0a5cm3k1LOXc56vXKpylB4dcqpaYsuY6mdXCnfEDMETQQIVWbaz
dcCSwbU6xsG9WsEWYmpCjBLjV8xzvFhVNXoUK1Wqazu3LpOevY2O5TU427M6Q9GxGibJb0MM
Wes9PmJ1048Xe875yh1rZ24w5uZoZfHeVatg3kW1SFOL3FHICzMIRs/rcgus1aXR1Uzm7eKk
Oe31WzftZOXR5m5STT53YLoYxaAXeJYe2bpUNvL2Q0KFnodnm72L5GrJ9RsaNhiGNIudPYy
pizEbloUalNNg+Mm3ljbIkBSOXLko5jdFDIqJvLAKmwq+dWwooa1WpV3nXtYV01pNepGsyG5
nzVztzFxn0dG13xtVh5nG0wkz1IHBVLVPWJlVwWECaufWNt5HQJy/V8p01cx2HGarc37nNP
Quw43uyxsXteLroOb7fjK2uS2qWrq1IWXDzdrF0T3eeuZ1RsaOLW+LndPwD5sPVHJ6fj+lxr
mHrG1nrOW2Meei4fqaUdGTD3eWyXhk2ZqgtY5yXQNowNawBueNuGifN9XZxrnydLPLS5zsZV
X5fsGqlyXa1qhxN85uhzvUZOyN5NIEio6/n6clPsg7zi4Xe1W5Ra8EzKmyubuc9s6Jcp1Gf
V2Z/UltVFnAmcw2SbCfWStGVTMI2WxarGxo7ieiyDMiUI5mk7Dq6TZ0q+8zqwr7Hi8dZ6vSx
b/i76Jsa9VsgY0aic6YdLrA1zi2m1npLmFR788ra2OSw6bM5rCg8HDTHNJmCYSFjPKaY3ymI
MpPNnHOz9vn+ierIaio6ebvNMFofTNRyQTWt81R5b7e7xPRY10NrIucdXISkQyghV7MOPrjr
4caXrz0qubo40eAlzlxZOFKCYpQnzGKIgzkMhHKludEnFFDmuo5TahSB0nG8UFFgaIECyTqk
Loo1tCbR6Hi4c9em2+T3vJ10FWgR3qF2WIUaLYhO0YvFKDJb5ySVFMIJJZSGS5y2CpC7pTLA
S1ZwUui40mBXS112SoVIJKQEtEshLKfeSxPJeDtXilsm6QNJJomk3//xAAXEAABBAEDAawMD
AwQCAwAAAAABAAIDBBEFEBITICEUIJEGFTAjJTIkMzRBFjU2QEP/2gAIAQEAAQUcD8oKIID/
ANQb4WO/HeR5wmMUBmMdmFjtx+LG+FhY2xthYWPwO+VEEB478dmFjtwsbYQCwsb4RH4sLGS1i
jZ3DsuWxVbFDK8cY3PDblUOr3YV24KjYa8zwGRPeG22IdXsP4MLGzIEIcINwsLCx2GzHyDpS
uTwp4/3S1P6eKnX6EaPYbcfMOMk5vCnj/d7dj00NKv6aLtpfHYWNmtx34UvOzNHEyJqc5sbX
c7Iha+1bZi8s9f8A0cszYIvYydYKfnbnjjZExOc2NrudoQNfbuxS5bHf6krLTjaq2PVMk1D9
OB5lifdwytI6eDCx+XCsyiJMle1o6M2EZmgieI1pzmVqIbWqWXSdMsay3J779Q19pMxBmNtj
LYSXW3OZVoBtWnqAldWjly1jmvNK34pWcOebZZPbj97Dlu2FjuwsLCwsKeZIZklh001Szwdx
yvSQoMDQsJsbWLCxtjbGV6WFNYGjCwmXNysLG2PzeVxXFO9otapHCpp3zOBUBIVf1YOKLVxW
FhYWFhYWFhY7MfIHbwXfCEWL6ghEU/IppURWlnMAWEQsLHZhYWFhY3wsLCDUGLgiFhYWNsLC
x2nbCwtYfz1JNUP8tIBMWN8duFhYWN8INXBBqDVhFFq4rCIWFxQG53KAWPE0orwveZHoKtE6
WSCu2vCRsEezCwgFhHbCDU1q4Lgs17AItRCO2FhYWE7bCwsbaxBYt1XxlhQX07U5SYRCvxvX
FYXFcUAsIhYQCAtdyiUE1FEIhY7CisLG012GN3VuPQ5Y1/TzYicPLG5Ok1uhQwi1cUWrquKL
VxQauK4ohELGwKadsoojZuxCIRHbhBq4p8U1kinA12+tUvSXX3zWc11ffc4rCwsLisubORWFx
Qag1YWFhYRb2kLg+FxXFY7vqOsJaTXcXaNqroVDduuto5xqFqVeWQb4WFhYRauKDVxXHcnCs6
pBVMGt1Z0HhwPZHYRauKAWN8LHYWBYsaZTtLUPp99Naf6FmPWajxqmu5VtssL/p4WIo1b16
pVdJ9VTZ0q3Ytw4WFhEdpWr3jAySUvLSquoSwKnbFqPHbhY7sLCwsbPe2JrdYpPk16jFVnZI
55j6brWq6a+7bvapWoN1DXLF5MY+WTSfp5l5sys9sjsDVpjLOd9EtcZgezKztIZWVIDbCwsL
U9QZp0Eli1qExm6T3zGUxRSzx8v11622ty6hraJetN0fR4tNj3cVyWe2QZGrwBr3BYRVV5jk
gf1Iu7O2V1Aodmq2jZv+pmpMi+mNQnVP6bpQRW6XVp/8OziP6XtOtUtBpUx2FOWEAuKxsdtS
r9SB7MOTIF86TJyrfiCBWdrZbJH8ZlWgtkZRbyxvjcFqQHYdn/ABqtcFP8bNOFPfrjKPxz
TsrX0urIQVIS1JIdRpw+mq9pP6nbhY7CjvqcOKsuwUL+B0+16iH8P9QmQvls5QKytV031zKu
uGBfd6KGrwyKJ73s2fyMu3U/VWO0lFE4XrKxOram2Zj/KKCBwtIJDvvyxWHOd1ar0N3xskD
aVvqGAFVtNnfJM2JcsCJ/UBOAxznyB65oPzLyRKzt4RWt2yX4TvLHfJQX+9Jx0M/iPIDx32J
DFBUc6pJbtRTqN8rcp3yxuNqdQ2SxCl1eqJAKawtcHDO2PKJHLVW4tIJ3y5BFUbj6r62oCUg
g/kG42uf4zxIQMbjqmOJmOj1XExgIv4uhka0NeZCxr2qAc2AY2Kv84HasP11/utFGVxwqMUL
hHGIm9+OwdjPgsbYtse0JmQofh72iS0PZFKmX4a7Jjd5YD1K/hhWQh/KeVpWrNyxBrk9f7TV
FH6itVa6KxWcXQdh7cdpcA25qATJRydLxcLTY2eta0NJex3KN8I5u9LAWvrwxJnTDA4ZbK2G
M2OaDi05U0Tueq/4yYP0p/nZvzpT2if0QfbADQQtGocSY3rkCs7Z/BdtRtaJBykfwcyVqkcyJ
QsYVQijfF6SDPTiK6cUbi1pWGMf7S2zhjrg5cWJ/LMw9mqn9JMH6coy9kXN/wBnmlY2s+J+

OL9Nui1EnvyuLnKOk4qOARoIQwuXpYllZ3zvOcSeS95yWNL3vcZHRwuEVKXEM36iazCrcjLJ
C1BsbU5wiXWLnkGergj3Gy7izVj4WPYA2TBQfKgzipo6csbmmto+vLCPURNqMCDQ3bAWFw
WHLKys9nyJ4RFIGkRuiPTqQOjBheXdN72se+OOvYcxr3OEXWZGfWgn1Tub283FmOgPJ3lqh
cXSSmF8erPzOPJ8ltctKkXyilajpnJsJOJ+nreWLK5rqrqoyLPYD2aiznM9vtHyX8Y2O4AvL
g9pcOAJije7Lm4jhhZxjLiAJQXAtZ7HcsqDPVJy7VNM66rxZlPhwconcXxTtlQCyWLUNP6q
jkkpz17MNqHI24rgF02rgxNkDlxWENwtSZidzvZjDy3i1wbkscHR8IxKcsbDIwvBxLKMwPwp
B54OaG/xiCrN/UL+CVYpCVPyE0oFAkvZaITJGyjCv6cLaQW36dKybqt5OQc5ZXhe1ZTHoOBW
cLksrKvM5w/7c1OOWGT2xuLwBxRy9Di1sbnENaImYDgtHNSowYo/EYUTnNjKD0/LFkOU8Mdh
T1HwJpyK58ICUxzRSNkWFrIqPbFJNXkpu9TW6T103oQylelkXygh4WVlZwURzbxDP4L4i4Q
QEkUMqvCJGxxp0PtaHBZ902Ax7hge1sZPBsyiPKP7gx1rrBwceKZOHotKlqNcuL4XZ5D5lid
xeMFSRtkZNpsnPS7Bpx+tC9ejeeV6uRrArKygy5ZWUHIycGwx8YxHldPwlhwazjUMfCGHwpiAj
/blf4kPIO/tNidK0RdJrimHjT5e+Oy2Vc8r+JjmwS AotToWptZwPGVqinZlunSRjInGM9Bw
XBi/TC6jdsrkuasrLmFK/mmgBgGwX/zsZC5eccmfDGlRgyObmL2qOVwaSitRn6Onn5aPEcz
mFp6iLOKjI4FruQwCuCblqMmU10eAil04V0oFwgC4RldBcMoxrgvjfJCiOXseg5Epjsvz4tO
OScGN3tCc0YEFihgOxCDcnVJupZAY9nwoJOLmuD10soHgmPD+zDV00YiuJC9wXLC6hWUCiE5
ZCynvKaQECg5OKrnMmVZ/nxysLjhcEImoMCLURtJkpeE3etNyTflczKBMb4pQ9Y3+FIZWUQC
umFlZCKenOwjImuWu1yDkXqr/IKwwILwsIbZ2f4BTacM8Lqoi7Mlpr2OQEOtg0v4FqgsLwd/
KJRcuSys7ckTIPa3AZzLY1wXHCUDUwqH3NBwp3ZegNhuUU5VT51+XblRu4Pa/Ky1Me1dLKbya
g7KKyipRxxJc15yAi1dNf3XcAAGrC45RCIVduCThP8lZQXws7IPKjfwmttxM7s/2CQmTNTRI
M5sTHh22N3DkpWcFyX8UPKOAjnukeA1nY34QCYPL2osyuC4LBGwKysJwCf4RU/6sDvkdgGRj
KALXMIcog5yHhYRYsHZzOY9OsBeFTu+ul1Cd1GK250ArmWSOK0X3y3CNuxzrWZbFKpZt24G3
JptlC4L9WTU3fcrdyWC3qVx1KKzZbUrWldmvXiyY7NroP61uOx6uw+4JpnTw3DJbs3hSoyzP
bXje58VWd1hk8pgiNiVkt7XCt1bAhdZkdNFasyQ2tQlrB2oy15Z77o5vucsE9zUpa88moyVp
QsbanL0ahnhi1LW8+m5yR6jYkFWvNNFXgwCoB1Kemj9mo+u+z6p/1gnG13Y4nRahqejYtQ1O
N81TUa7bFW9ans6Sz+Gf37llAzfeajpjFO0tVgtmiuM40oj6iLTW5r3R/SymY15XNNGCSzn0
3WboYxx112DNFNelgOda1v8AxtTL/U2jILLJfy2ljsyXtUrzXib9ezbgv1H3atmC7YZfgktV
JzcyjrdO4K+nGcVaUN6lVNWydkfRbbjsVbL9RvUZrFzVa8tuvqEFq7BqFN9iEDOrIJ7rDm25
J/T2m3II7Hqa9aUKWkRS1GGUV4Guig0yF8TL0LpIXRzujkhPQjZZeyJroq+nV56jdQrzWHeV
PWk9S6CW1LbrzzTy1LFxy5ntDkCsriOuXFrXLCyi5ZXJZ2yinlclYtclOiVuPrudUUCZY8j9
SWPg7hyNSrwTnLkPaFgLiN7F2Gu5upwOlsXoaZGqV1BqlexNIS6hBDZU88VZjtZrxifVK0Eb
tZqtX3at1LOoQ0zHJ1GM1Su+faTUq4kZfhkmtxVE3V6jBFJFOy9ZhoRtw9tq1DTTA2y9e9V
6sYZADq9drRI2RsupQQS14DIb8Fp+UL0PqgVlArG00ohh0NnOkeqyw76h/xgfGnf9zXIZyq
wTcaEH1+uywtsRHTIydd/wAy5RZbP1IP6exYZVh04yv1raoOV/TxnV/qAYpeHRfT7i2O5+42
dBsCftVqMftklj0ek09LhipWALmVtCsnHcYbOoD91C0IZMpETJWogY0gjCYPONr45UdCdnTl
9Q/42fGnn941SexVMWvR6DMXU9L9mt4217/MX1N4rQMOoTV//IVL12GLSo+FPT3fu+vHNP0D
po+kylXom0IdOkfVv63Pz006fGaWnambtSGTh9RuyyqDv3bUmtm1L7VXWge06w4vivNtTVNJ
m61EJfCvyv1Q1bGmyyi7asaxBYtta93Tpw2Yr9lluW7k8dPq3K963p0wt2ptRsV6ULoKmr1L
lu0zLm67Us3mR5MUNW23VsLU7Utiz6uzhss1K7qzJLTK0rzwUfU2Ya2TDdqW5NQ1GtPYgrdV
kEEFincu1HTSGxbLatUVo547D7okJZpNozVf07n3OQ/p6TTuU3NZ5+BtlZWdigge0Jre97g0
CVrk6Qrphpt3lWWCZucAj3QtFasZXEHCMOUIXKfG5i+VhA4MJQKn1OpC77tVDMsB7WhOXIZ
WVIZ3AQTUO3OFJZRdyPIMUsjnAuC5BP96cHkQu91fZu3hZCdG16fST6pRjITMtOjStU6Fah
G+Nkrb9H7JJnxbnKysrKygggmrKys72X4ROzijiF2QThcS9xe+NznAmo72l6EmEyYHfkQhIv
lOja5enC+mmjjYszQWY9VlhgvNbY0/THGTTsLCKys7jYd9xDKB8PBaneU7ws4Tn4P8klnuFd
sjfJajY5kgegmPQOdvhc0H7abMKGqvrQyujpQRN1+70KcEQrwZXJHsCCCG47LAzCsolo/tyM
yixFuUYwo3GF8oL0WuaYLTmKG0HIPTCgdiNhJhWa8V2KK3q1EP1fVJRXqFkvJely7QghuENh
tN/ZRR+CTnxnwn4DeTAfCHgORhLm++NQ6i5qgutemzIPysrwi1DwsrOxR7gghuEENz7gfBKJ
RGUclHzs6E4aMLGDy8YOXQtJHwLJS19S2C1rsrKJXVXNelyXJclnuCHYE3tuRhkp3wiim7N
8pjA4/CzgyxtRUBiFUNfyB2cmkrKysrKysr/xAAjEQACAQMFAQEBAQEAAAAAAAAAAARECECAS
ITaxQQNAUVBh/9oACAEDAQE/AR/5EWj80C+adP8A0j8UEwfOoqW5HDHFQVbvvgjGMqqSIYRyx
abUuVH4owbG/MofvYxODtTw634bm+cn1p9t8+FLiW9LVqXGU2nB9Xgi83XXFpjomdjfwh4Lo
aHahvrGCLyaindkbjRN6CodkrTk2ahVbFJqJt6NFBUQaUaYJtOUDpXRAn/bI9KmU9DvS5Z2U
oeCeUC3GTtGE4d4SSThlldsocuCrKpysdQqhO6Znmz4/0eUEEWZl2STiz4/RTpZVHFBpNjPe
rTaRnVU8M4znUilyrTZMbWecWi6KexrgkknCcFZODZrGCMFZDHgiPDwQjyzFqQREDSRaCLdc
KxnGp2XNqUCeDRAkRwLNVCC3jiXAU8v/xAApEQACAgEEAgEDBAMAAAAAAAAAAAAQIREBIgITED
MEETIIIEFEBCMIJh/9oACAECAQE/Af4N7K9V7LL2WWWXtv8Ag2Py1L/ntsWyyzTZ5IkXasss
sssvFlI+ImlLbebLxZZexHRGvK3i8WX7bx8F8k1zeVuvD49aiRjXY9zPDHixxvsfDrF7krNK+

S0Wi9zR4H/XHm7vC2sixsr0v7ZJiPJHUsLYsI4w4tOmK75zZZYlboXhj85feL3x7JVJ65dn0
XD7iSj/Y+2uENJLklXWIWpl58sF/ltsvPj8E2xwPKtKNWmJDyrokRkKbM+VscqtY07v08NT5
NI4H6mOuLSZ+2f8AsPxtSps0N8WTTUKExLIYuj6rGtSFFiiUUVxs8D+6jWR8k+ZGrVwzyQV6
kLTVs8lXwW9NEUJ8kETjaGvyJ1socc+N0xM6HLimSk0qIP8AIkr1E5cC7K5PG9Jw+iaJRogx
5oo0lFjlhdydnEPkmtKsjApM1OI5XhohmyjSjQNFfE4IF8UUT5pC4GX+ToTGWjUXiJRPlIce
BF4sROPGoixEIlMY1mzWazUN8bKEdoWWhieaL20yisxEqwsNWJF5ReO82WWJ46F2T4RDkld
dRRWYisoeG2+BNqRLyN8LNlieGuShofQxMixZfQn8nyNEj5F0I+d1liZdCZESGiT+BTNQy6Z
ZyPkrY9iRQkJY5K0iYiEecNbHtRQs/St2Sg0PMZfjkX6lbrJeNMIFx8WX6Y74k+sLZ/8QA
QRAAAQMCAGcEBwUGBgMAAAAAQACEQMSITEEEBmiQVfHIDAyCSNAQIKBkaEUM2JywQVQc7
HR 8DRDU2OSk3CC4f/aAAGBAQAGPwL/AMFDC57vC1XaRUM+43ABFI0q9r25wcl4qVTzwWNg+vbG
F1R3hartJqun3GYAJ1OnWqNqNzh2S8VKp57pW9sx5Y+sWMmo7kxfidAebljT+RIUXO8MYeaur
ccGjmVji92Lj17VjJqu5MxX3QHm9Y0/+JIUHu8Jbh5q4YvODRzKg41HYvPM+smg0ltNvjI49
FaxoaNVziAAsGBjObs/kidrcyhgCRmU7cF7TGeCbXsxcYDeZV9UwqVM0Y2nXEajQ4atpM+8I
49FZTaGjppLnEABRYGM5vz+SLtrezR8GulzKdfDbDBPBuWkZsqTaf1T6DmBtrbpmU6pbayYa
eY5qpVosvp083kwD5Jr3NtLhMKtUa30dHAuJ8R6JIR7LC7GPUge9KkKpdgKhuB1Ws917k1X1
jc4ZDg1VXnzDUwZudjAzK2c+krG0AeyFTZJzoslo5ITU/wAtosZzJVapUxqTYGjNVS7AVDc
DqtZ6R3Jqvq65wyHBbquZ4g0qmM3P3oGZUOMbr4DuTQjb91THi4KppBJbU0hw45BNo0t2mXC
nf0WjaMPR6Lnj7UJrDTtp2XSc/JUaTzs6dVxqPbwHTzQMW9D39z/AIDmtoUBwOer7pqgAAAdN
e60DyHb+6aoAAHTXuta3yHqslW0xc/8Akruk62O6fuZtUHF/DsEcj+5q+Mw6Ow4xuz+5X1X
ZMEpzzm4zrDG5kwm0h7l/ctSjQAJjzd0UEEHw6ucmYDz/clkl7/dZiVuUGUxzqP/AEC3iJ6L
b05LqebemukOLhcf3HFV2zpe4w4nzKY5IMNLMo7DgPC7ebqplmVo/dG1A3qZ1bF7tx2R90o6
L6IubxjxasM0aV1lQGLX+oQ6Seii4sP4lqfUhpAyvS6OwmmBBRraKS+mM28QhVdLukwt5+zP
4kaWiGBxf/RN2wNxF2KqUK9N7I3hd11Fomq4e4vR6PTH5jKu0jRzT5O4HurWmCVJOwVw5Ke
PEepF73BrXKDG1cT0wTAlMgbT2OStCosc+2k5284rRX02ywYOM8JXpHy73G5otHo6XuhCnT
aXOdkAhV0qKIXg3g3uz07FpOfqN53nu8Leaxvqu90ItcIiwIwJPxT3UKRspCXFSm6O2pa1oi
RmpJx6q4Utmzm/BXHeruG87l07y4Azx7AcOca8cRPqFV87jN1q+xf+k/wC0zNW0BPwV1Syn
OO+7FNfFamK1Ti4p2iUA2ixwiQMvqv8W6fyJ1K+nY3OohDN08Y3u74w2SMcOx5oN93vztKFYx
iB7JPwWkVJptspxnLabufWcXlXMLEienqZTqreQ7Aa44P7w1KjoaE7SKzbHPwa33W66uitg
F8hs/RUqPuNA7TR39U8MOWIKx8TcD3WdD5FbXSGCGj0YmQOwHsNtZmR5rYftFjqdRvtxmv8A
FU1FBlaufwNwUvp7M+7M6/FEa7OndYqNvSn8yNCI4eJ7LeThHdRTrWt5nFNajqI4Pu9nr2
Yexrh1Cw0el/xUDDVUaOBQnjknPwylT11GoGmNZ8u3saZhoz66p7LD3cHuHuGcLaOe20Zplh
kjMclbjMJzabirYglF5WUoD9UYyfnt4w48FI1zqA4lO1EdOzhlyQaM+JWHqNTy1HBQ3xPOa
tMmpUxHTkhw56pBTj0+aulxOaIkdViTmo1iqMRYWuCa7m0dsIXuLZwkZKJn1C5xgJ9NonDNH
VivC0ujim288V01c0PMKp5yjhX1hHceipu1F3Dsn32IUXeF+CZOcd/KpsdaATnyWBnVB+UJh
hGrTG7MSUJqHHog1295cE2ZlyTtw4CfNAtpjHHFHqPBD7jgAsGnVkkKn27He1/NNqciSVhri
Vn3bqUunpwUoxXRRbipcAepTpDcOic23dkFTZ9Vk0qA1ouPzWMJoDWRinM2bYjkt1jR8E6+M
1kEB0UzCpah5IoN5rcieRRA8Q4GNUHCo3xDn11w0LeWDR8VvMC8K8PcO81hqqGET9E6pfcMH
AIRJWBcoNQ4g5leN0eamTK9HgSZct/FThgvgV56qPlqA6Kvc0ZFHqnkYvOmQU2o3MfVNezWu
EyscVh2M14+4IeGnko1OdMSMiME61gwzhRioanfUppb4VmsSlnA5BNdeBwXTmF8VzQW7iRwQ
Z7jY1QsDKNPjnqwrR08/aGp2iu9neb5dnNeJeLuB51YrnCPlxyTrs+EK1Wt5YrxGXfJWtlks
RfgpluJy6J0QbUDJhATEqAimwuRCNaiPScW+8gOWesPGajisVIRqUh/6ptVviYU2qwkB30Xj
C9krwLwFeFyy+qg9tp95qjkiBjKzq+oAeStO9hh0QnEc0BzzKIsxlBwt6q/2EAwYBTGPRTT
NvRA3XLGcUOqnkEeBWKNWj95xHvLyzGu5uCh4+KkHUXNwf8AzTqdUGwnHormODhzGrMrxFZ9
zdxbihjCtAn9FEw1YeIhbx4qRGCJTeKIxA4KLeYxVzSRAU5DzW6oP9nUYUHArFYyFb4tf7y5
t1RqlvxUjUKgGlzXonlpTKl009oRxXiBWS8JWXCfp4rCcPrqKk5Laj7viiS50N4oErquQR4g
4IeaCzV04cVkiR5J1LlgDzUFYKHLmFLN0/RbwIU6muHNYogqG7P5q0gOY90+S+7C8AWQC8Xc
XHHorsccPLsPbzUN9oqCgfmgeKABl0rljvkVshjgRxUHPU08wruMysMDy1wclhqt8ILXA+a
xY4dRisXweWwOAYlboWJaFi/5BZfNeFvy7gU44iTyVoy7EJuKKxULIFScBEzRbg6XKMwDkVj
nqpNGbghq5jr2MNeBW+0HzCiLfiJYT81iT81/9XhW7AXib3FxpPYGuFPHWJXH4LKNQCLR4Gbo
7Eap7eerNY6s+3ash2fgp1R297Pip7EHPVisFjn6rJ1T3GGp73DfylDemexIXXUVKhywPaz
7UITw7Qj4949nvNUdmdUrOFIOrfYdrw68Sg1sgeIOUDuJ7pruqPawW+IW64HvJKtYY/VQOR3
GHeU6vSD59xhnyq7qqwtssxZ+JvNMLKTXtLrcXQqYa0OrVDAbOC9LtsfxCdo1oDcbXcyM9Vc
NpUiKOZL88JX2jZsBlkNuTa1OhRh2QNQ/wBedN2Dbmgk0yeS2tmzeCWubyKboVokHc3k5KjQ
ZSY4VsiXZIVGsa/GMTC2tYfbvNHSH6MwNHs34ppcAHEcFTpMZtK1TwtY+JKnVpUiyphdTJ3
VU0ZIGlBdJecvkjRq0mthtwLXTKdo9SmGkTBBzVQW3uJ3R/NbaxsxMSg+ACRMsry0NxxjAov
a0GFtTSYW54OxW3YA4ZwVtdhTdhdafigxJJuLA6S6IVWu2iwtpeIXr7KLCK0NAuiCqbNKot

a2obQ9jpEpuj0m31XYwTg0cyqdLSmMAqYNqMOE8lRpMo037YwC50QVsbpVBjWVTaH03zB7BA
MGpuD4rRXUSbS3YndI8lTjPatVM6XbviymWZAqpW90T8VodRjnGpQfL9wiZz1aXX/wBUv18o
gKn/AAz+qp/Z9nHSb/EtK/hlVS77qvR2o/MBitAv+8c173+ZWhPeYa24k/BfaqwLd5ops90f
lTmvfs43ruSe51BoYY37s8c4TfJOnhRw1V9ls52bZvlH7R473KvpLRjQ0m74QJWm1RixtKxh
64Eo/wAP9EykPAALz+i/EVU8kPDZbjbnCNnhtwWjxbZIm3yQeMCq4/3nLRIEkVhgqWOpilS
puv8UklaVPuCEzmKohaFZF20MTktHdptho3buz97r2KNUbPZUuE448U1lIsBDrnmHJU2jZBw
cHOxVotbVBDmnkVRaRQ3XBz9470J9FltzG8cAqGhww1qssvDsgOK2DaOjNbbYPSHD6KtoRp
sFSgLAbsDKbQDNGdb7Ref6J2jFzHVnghzicMVo/2lovomd04KjpLRSSpAjF2JlaPVDaRp0jM
OOa2NGwb0kuKbRbsmB0bQz9Avs1CwDAbxyATbwA6MbVT0qgW7VmBDsnBUi4MpU2Yk8lyqaQ
BSNwtguKdUq2Bttoa0rSW1hTtrG7dK+x6Pbjuy8ptlhgqWWnHBBsNkZjH25zgnMZEEnOVs9xo
iJWyZHLFbNgppxeymgQXNbxOZVRtXZ7zi/dKo7LZxTdfvFYpulULb4tc12Tgqbq4axlM3BgM
yVQqUxTikt45qnt9mymx11rMZ7pry0XNyPLU54AudmeffypWGoLpqq96GocS85MaJkBSO1p
vdkHshAVi4TlurKt/wBRWyp3l/Kw4aqejPJ2j8tW0qvDG9Vc9mkNZ7xpmFTqPebauLYGaAca
gnKaZTAcvDnYAFhCArFzZ42oPEweYhbAbTae7Ydbqfpbm5jZlbOneXcrShtrhPGFvGo0czTK
D2ODmniEKIUmcYwQc3IiQga1wB4hsptakHWNmIX2cvN8xgOKNSsQxo5qS2u1nvmmYQexwc05
ELZPvD+VhxV00+WKLARcYz3ctX2aTtO0+ofZbKqaXUxqVXZqm52dN1wVL+Jq07++Oqp+0h4t
rLPyJBMqjVlOD8aejDAdU6nUxa4QVom8bdGyB4r9n/n/UKk4mHUN3A/oqP8RGo/IFVVXVm2
vLJllr06p+JrPkFpv8AffN/Ogl+LS3GVXjwX4KpSdi2jTmfNky0+KnuJ35gm1Pa2YDRZMKl
TrMDn+Nx/EqejH7uiLyOZR4SDgQtJ0Od1plq0P++OrSvzpz3ZNER9PPjdUud8Vh2a4GdhT
RycdVL+Jq03++Kc1njqbjfivsv2EW2WfehGkffSdC0xhzMn66/2f+f8AUaqB/wB39ENLeCKD
PuWnj+JaR+T+mp1R3haJQfU8dUmoFitNMf3KGM+kQFTS65aRlgEbRbTYJReNFvNU33bQBvQL
m2X71spw/EFTraO6o3SGND2m6cYQefGMHKo53ttw+WrsanDJaG05H15r/N/7CtJH41T0akLq
ld0RPBPpHQrRH+oMIVM8W7p7T9hT29B+NswWqgdhsaVN1x12JTKdKnIabpLkC5lro8MqrXfR
htX8QwVKoKINKkerhipjHkqtU0AKVU4i8YJmnaHbtRg5h9pOpUtBdSc4QXOqDBUaT/ExgBVB
1CgC2gZkvG8gXNtPLkqdKhRDg03FxcE26nszHh5J+I00eKb93xiRqOgsoy1hDn70XBR9ibP8
UJ9arR+/MeLJNp0mTjMyheLT5rY0WyHZmU25lhAiJTdIpUBDMMXjeQpU6WeJk5JgqMtcBGaq
mmy6i/qmV6JAqs+qtGj2u5l2CibnHFx5qjWZSlL8WauDJD7qq7akAKhmQ4YJukuoejaLQLx
h1RtZefdmJT2VaIFN5mQ4bvqklGJKwjFV61120j4QimtuxDgV5nyXD4drDt7N1S5/usFxUPN
SIP+owhAggg8R6nDPmsTqjh0WSwKzCHXJZ9xh2BoNBxptAurVBwHJWapSazrxKLHtDmngRKG
laPP2NxrS9z8QWHqIbqnsMF6TPzQjJ5justWm1fadpDm/ALSrG2t0fatuGDSnGq2rUdtms
g094A25x54Ks1wwfSofktHJzs9RadR5a8NU4yoW7v+S8dMDqVaHh3dVtGqYU9K00pn8XEJzn
sDi5mzPVvJFoZILg43G7H4o6PTx0jSfRsb/MqnSGTGHvqLuxEYqYhby4KACsMRxCmTjzUrHu
dnUHUEZggy2np1MZEml6tpaBTOfiqVJ/knaTXqmvplS3nh0HqT/LsQoOrmuIV7RvfrQTgoxV
zRKBUFCvW47MrLzVzWSzWSELA46pQIYEtYcROuO0ZRCpYUBfAlTqAnu//xAaOEAEEAgIBBAEE
AwEBAQAAAAABABEHMUEQUWFxgSCRobHB0fDhMPH/2gAIAQEAAT8hWfvpnoaCHSoEqVK6kqVA
611qDoEIIqVeiSpRRX1Z/vouZQgSpXQRUqVA6AlQJXWvoBUCEHRroSMHQro/RU2+4HTqiuLS
oEqV0VKIQgmpXROgiodAQdFdQ/XVYuhS+4rK4EqV1HUIEGqDmZJbNv4m4F6Fh35XiYsB3K/x
cTH5q+qpUroDTWhzAF1zZ+PlgExss/K7JgK/cv4LIWmDzl/T6BEldHpUqEEUS51CgPoCpUC
XtH2F17dEzH+D2IbFXeR0jOvquAoIgYV2vOgOoLiS8Euww9uiZT1s34IbXXeB0nUfFLxLYLH
nkycr80h9BBElSpUqBCCcJXRVKISpUrNdbGLnMTwhEx4IEY7TLBS2EPPycPmWkYj45TLXReb
hkdd3krck8TNvY7xAhlaCXu9GBxOQ3hDQDxFTeDZYK7YhZ+Th8y2XAH9kiJKNylckznkLd
s4IWMwez+eOrTlodUFWAb19u6VWYy3UMNnKBRx/aURbtujpYqVagdHpUqVKldHGnIHNcwE2G
FqVXq6pPxD7JUB+ze3RDQMgfd3zLgbiRPNPmlYrwcKOT8R+ZZW7cFE0tRmx50+Ms5b+PMCC
DqvV1SficXA0H7N7dENgyD/F3fMvwsilHlhpctGYCYyfu/2ymn6J27wyEnAdov4lV6z6He+vMJ
ZQ5YU/z5i0m8sugHfxHWlqGIz7RTDDoKTONUCB9D03qVrfsUebXR200VJzBCRSWPDGy/wypN
cCiJ0X2X3g6lZnpKiAiCPDLm/wAMCHXAo6t11N4JpDCpWPEolSp5jLly+1w6P1cGQ+C4499K
UQjc346LTuy5e5l0X/ydCpUroqVAgSpUqJ1eglRISp6dL0uEy09tc9TsT6dEHpVKlFUKpXUy
6gzT0ssV0EE1EidBRAhJm5fyij8Y6lUbbG0w6VGEISpUIJZqVCLi9TEiWRpH6DUSpUEegsm
Tobry/ibiQvnrJW6yaDaL7vfpBDElSug6NpBEh9AGEKRVLlvXBA6H6ATo0hlOIGGKbPlpHo
g0iajiHEqXg+V1DNRJIHokEUx+lMEqJMOgopkdZwhHovoDKC11Vj2jeeJ/z5mLY5oogSoKA
33e5V0UX8yB6bI9aPotIiw9Jgx1C+gX06SKcfWA/QK7/AD9uvRNzXmOPPeGulSg/6p4+8Qod
8RnhdSeutRgFRlgyDoB0CFozkmL6A9IFQej0mElQvCT6SoElot1RscMSyMNTbff9RXLJeChu
vZKhCqPA7xtZ8xN+O8Qm4kSH0mPSOEMoEqHF4+cG6iTRuDV/MvwJ46Bg9Hqh1KpXWqVAqIMc
T3LWYf8AYECyOL/Ifhen2pf2o0P5lXrp7awOFOOVS42R+RCRot8aD2uIw3yKH2y4MB631noK
6V0VEui5BESFe8zbj4WnLUDnB6AhKlR6lFRX0hU30gSiXrVob/ICct1HLueJmtXL2hHxPhXD
6+HID/H5iLwOT/iWSu5d+3mNoahWsp1u7P7mV0cR6TF6XLmDNNY9JLRIFjYyzoS+pfQ9RpK+

gU40u+/qb/rgVD0cRE11gyMujiVq8RvhvFPnvOY3Dfdw09xuJXm1dsu2os3PRuCQ3D+Dx9UI
uVKjLCZUi/BJQ9Aqc5i4eqF1XLly+i/oBWQhNR27pnY7QcfQsVxp2C5fW2RsV+puZdrS+DtE
u7TEPNCKY/FV+52S0tnqu/iItqNls7dvpHSZfQidDM3tdtXMD7MfqJFK49mJcr2npydX6nou
gZwYTCBL7DbEp6+HPF9jvAIRDg8Hn8QU+/nUqVCANAdKhqV0ZbCKZUY9DPwpVY2+8f8AJil3
LB4g1IGF1r/AH1P/gMHI+Z4PM5Lw9+Xy76VJazCFVjn+kVJFVTv9VfeD9WUrKIR+gYRhhh9
3+4rnMRyRNAuzxKp6or6qnGmPI3+Ynxayzy+4dQEi8Kp2f7nEiLYe/8AZMd/ljfvR/JxCTI5
BH26pKG8ArfP8y+mj2dVfQiA2HHQAVAd2CA8Skzs2vuzZBXRiR17t74+h+hIwAvmyPgmsdql
vg+O8CYdBng6RMUsb6w0gHY6KZl69ameaXUNzthj6gqclqe5L5jWC0xOZrqelHj0LaLMLqhc
zaXCbHuhSHzDD/EFKdkGZoeJu1p+IF+h6MeoAgI4R5gABoxB6DBgwYcYnC++oP8AajTuDZbb
Cm0qlu7sVzKVIw9TnIuClgvKcNag4xlG/wBIZdJL2RM0e3JrxLX2SnLniXEIRk1LHNeLlovG
8d57FEhs7y/uGpGYMQZgm19zU3osomIbaHoy+r9BCKJUJtst/8AUHFKEPU7dfMtWonnVf77
yoVvs0P5ZiNqnB4/zF9t7mpGLupXkzgOIdUvQcdoHy/1xdwKTlriQXxBaSGNl8nmWWLuXKzB
Pgxxjuu07E26dZiDZsrzb2hgqnev46X9F9dQLldDroNRCUuWMvvnfU2ycQBqsypxWEJdxIus
SmrgxHFywMUxntMtM8L2mgdOInD7IQ3s+NRYNvGPMGxeYoM3VMf2nqepeY6g0YXkqEMWYIqt
UO9TcFX8Rj7RixZcuKX0JvoOhk6Or4jKkpbX4v7nwpvioSgXZfeNhpvSDIu844lgHdN+O8zg
a1wp9U1VrVdiPYFG8F4maagdkWPF3Eim7Kc6uXtGQb7y8G5T3g/GQuDwhCri0TU7i9lxZiTB
kqmP4YVrBOMVfwmMsfPtSoCoFjHzaHaZ1YQ1IyhRz03Lly+ly5qicuqlbnc5IK13GtS6Vdul
5W3Yh4pP4YmcdG4plFou7yoFoB4gdx0dxm02W6zM/wCAftFGYV8swfUVEImawFXKlr7EQBoo
1NU1Xbcw/LbHcpmvvAzOVQIYRToxnn4iF7ZfdKLIKzjcxW6MMgNRyQzJWPEztiKuyTs5ngTe
EXL6Li4xCEo5XXLGnxNzYChj1AvdLfe0yHu1Do0cDEX+/DLVSV2Y96Pu4ro0thqcBhr/AD4+
0B9JtYW1UkveYYQ+DLi+iWN/QTAcXFtd4OINBq7+Zth8YmoHqLjwGcNTDSFl6ZX/AHEdU3Nh
frs5JwSwUzFoKoBcNvLJXvHLFJ/g9BJFy4RLC6uWITsqV5juwZa5z2lBvIJ/szaAf8SBWu6M
Q2SPvmI6F3j4uXhCTC77MLPkg95VBU/LNztiGxZomvMvnHFnHeoBW1/n3hQ64eo11Us52nkn
iAI3U/e2XAIYX7ViByo7Sm7wEswc+OYLv8TDI4H7nDy6mf7Y+/7jMNxp2ivBH/JEYtHMGD0D
PTMe1gD/ADLXAX+ohCqNq4iiChD/ADEvbvgyiK1c4lkrRkuFzaRb+kyHOpFBRTiTz8Rg+YLC
oTDJdcSkF7Rm9Tzx6nOoaPlif7wyzULPF6eYjAgr8I3dKn3NCS7ljoNEZEzfM2iyXju6P4
gH1Yp57jBGBdd3IzsJ7iXx8k+X5ls/HfM86GKfmPZLwQhBKEWv0MDswulydMXNggDwjsCIKa
lGqhVdSwLy0XkhqMTclI3iPwORzcMbo0Gzhc5gVojnxBVA0zyl17luc9yNNMMpolqbP27RuF
AmNwSUWujmUaX/MeIC/08y42Uqk4mv8AEoSgDAsjlr0IRbUpdf4gczGzAn3D7wbYdLZPLOSE
FzCIts+UsNTCWzQMZAYGE4ht+zTAwKV1dahtYyxD6I3i1ZchOw+ZdH5XUMgZb7MeHpUSu8yA
yeZyKBWYLODuCCqXgbuZbbOmG2EXF8eJcbqzxAouKdS4xVcwG7yS9oneHaWfbdc+4steY4l
ZDWu2OjvJ07zenk7SkqL4KdpdOb1p9kL0wrQBUJa+VE3+E0v2OjxlAd5k3MjcIKw7IGGCoKW
NO2EMbgma3B94DB7pVdDIYKYd5bhITRUsOzWllaF+abToUqNus4Od5jLrp7cQ9pznUSBCeER
O/hh1mrsv+oZkjq3iFc/eE1Bd/mUqGk54gADuOgjdS8koZFwxqs5z+JoUPOEugVn8Z2YtNF
NN8Kf7EohluD6BN55IKA04bXtB2CID2OpzSVwYAEFvOPXAveiaZa3uGWVfbqzbKGpmtsU6z
+5WDV3XKruZGi4H4BgOhCJShq9SnnLtlHbRPmKuXgMpFYdoaxcz4JffT9+JRvln5x2lLC8p9
CfgybYxkCn4hnm+ekNmWW6y/aXqAXibAPIiJA47+3SC5i4OGEvCSBK4jQOYOahRK2UTgEqh
4TANDdTBfuVY3BVLLpFJZiVSI+fNRNNKikr6j3R3Z/jma7sAMHmJSq9mZVLSakeLzCpAgsh+
DEUajNdoFmR0ie0tQHH5UiaUoyohLobxrfRZ3fcf/YiXL4J/lcrpiJLcxvDpV8zNvRLIKpI
3eYuhTLjP5IUXxcvOBALINN3jP7lj4NwQjBmZz8EZ0DwJXb+YmktqL2kvqVHiDCJKx/EQpI
8ipfmp32hMdiFR4I1IHDX7ytR90TQGL6Ja4iblnENRLiZSxXafeYIB4JoYbvOyz2JBVmLE+U
LMlaYicHO5R0IE1N53KW+nYjxuXeAa9tPQCjzpO8xvySuDXSFI+YIF19ZUqZ5S5vpT6nCE8E
BtlcRFil4gRQY3HL894rZG56fbiVh6ZnCVXLiUriHhO+KFRhRjsYvd5jWatz8cPuDoTGcckS
oysyhWk5lRemGWNnp mugvEXUbO8eqoIybjKJ3SBMNR6xgZcnJJB YgjoK7XmEMowPUXYuYuT
EXogw44lWFdKdJn+8WTG/UNP56VBmlA07gjYneUOUXQpd5Q0r7kfNmUsKnk6QLn8RMuOvWDA
XFVUwzuomHnyjXj+4j8cphlA9GrE8E2jUN3fkQeOTM7rhaDFilkLijL1Go4CZ5rwwzKhmgkZ
ty3SeRONHhj0NnaYTT2hUVGDCNRFctPinYIbSARIwHIY7s8Q9GHtBuXx0rOILKDKqylDLER8
8xguNMp5RHeB2mc1z+Cmwd3BTDGYI2ErE1EbiuZaLA8zko+4zZQ5bwSgrfmZmGJEnocV3qNk
qKkRTzGv87wVyKohdcSknj7Ky32IYcig5Nxx20H2MRXmByUkCno7Sg2S8pDu14mWrqA7gRAYW
UJHNbxHSyMbgqLFYbBBaa4KjvIRQw3ZUH7JZazqptGKHNa4JXg60638VK94KKwmRY7aVynBF
kmdoVeRipsdMta9o/vJIMq7SqYq1Gf8AJgTtrjL4qW5s+qvcX9bNH3ikdgyTdMSLWifpDzo
faNgwLFYg8RbhhV9o4dYqy8ajY2SxbW6xFnuQvr41MDxa7sbCGrO4juCCR3avYHUL0WR9jGp
jAhh8ghAVKwyxUIY4WnJ+C5ump0T3I9JpX8xC11tu+G824j9BxB34H3hSCI+007ynwjzD4X1
P/A6Tj3rxxNq4jJeCMRfGHuA2z3zP9fENexjghMguPO7fl8SIMqXpnLMVQhr4jLpn4X9Sszn
+c7cyD4IVjtCr9BV4rxMhXzDASvv2eKf0S5HJs7YRVqHDzjX+ZUxqmUX/wCXDJxDZo8zWaj4
TKVWyuu6+IBRbu+ZYuaL9RkXyA1fiZ51hB2jGiOjcP0xm3P3LMR72OVG6g6gO+ji3zUqwykG

oYWdSdkU6Qx17osdsQh3yXVnBiA3twYDzA0K1gfDWoRjsLfZqB8VaKFnTdRct3RhVUA0shbT
epTeLQe29QoXEexb1MZAeUscZNYIvpUUORxLM+j7v8QeFwZGvROdphX7Ey22RD4BKaVBZZBB
gcV2d8R2vOmT1qAZ5gJA51E7sVoZu8kJTNoilVqY8O0Nu8G4sMCtaYvUpHHWHCyx1pX3gY6
FmpaW4BVhr+habPpXfjqzGclAoAO8t/Bizl2ZI/YDkFpxqDQQDyDAN03Cva4Zn60H761qc3K
yK7aljy1xTO61iZG57IIRlxuVS6EL4LLt23FgSKirdNQbh5T2iTG15JSLLRqdFV9oWhPJG0w
wBcGNexUqThlxjLUFSExCIRRG8vLphSQKgRmutsqbqRE/wAEGtKILTmscJH5hj/L9pbLmUPI
2hB8VVOBgvVsq4rFueX9wylaOUBSK1Wn+Y+j6h3+IOx+WMv3OKIAkfmAJIWDL7TkS0q499Whw
yRjd7k0q99olaOgaQ140p96mtHCWMIjsra2rLfwZPDOLFDB95xWFFy75gU7itwdizZ1FkC16G
fzM7AEWmtijQT4d47bAXRb7I0L7kPZhsK4besaur627ovMzDDfaR823PsSy/OT9eoPsv0xKZ
dRZvcBq1o7zgi07Yn5zNGr++btZfrTP3/UC6yCZ6ra164v7TvJGdkkLuKMP+kYfFo2uA8wx1
uPFwPtCMqjX8gnpcfGP6YNcAA0qoNjr/AJ/UGiO/B+wRkc6vjX4gjTD860gAghYjN8t+ISF9
o6L/AKhGwrHJGglV3Ga/qYOA2YZ8J/zMADF6IGzY9eh9oKdHJCLEhcbJl+uGBxX73Li+2/TN
XqZD3G2jCO//ABFE0SeLepvRTHtv+52tA+x/mEV0cSAUxh+0W2H8p/if5fHRjXW/iJjX6Tfi
oIpZ4GN64HuGGVqls5PGCWwkkSzCLVi9YnH6uSud+mMzFwCyZ7FOJSmPWd+8PELpWf1LtljLR
aX+R/Usa1tqfVNDn3AFKdM5y1WspL7yiltLzz6iExUWZ2PmNUsq0HW/UwJzWh3VsinEbeSVxSw
lCbsRD4qNZbVDn3AFKdM5y1WspL7yiltLzz6iExUWZ2PmNUsq0HW/UwJzWh3VsinEbeSVxSw
LWOUrNRNvy1o/cSmQWicVvQ8cJuPpiUfDhYGM/jpZtjCwBrwZjeJU3/wjgwoUHAyCqykPUGa0
pMpYH2Mm00GN8VTveoe4RgKZ+25fSWIJ6TGJSKOuYaVeqif/ACaI73odplx8V6+XzyvyUHEg
2DeXFEWwBxteoN0stWzj8wrndzgMKrg8AfcZWuJStfjgly8/QmbQfREYh9FSzNEtB03xEIUH
LtL4uYFNBUODMb4Fq8wFijg8IBgv+XMVekky5ksGwPwUUMkdIGjEgDkel7iVfvgVwMi/ea4
DJYwd/QGHoLKvoGCYwZcuDKC1oOkGfO+ZXuk+ZeDlAGuEy6r7xiunPfJFRFtQu7lAKyqDFJR
5IEKQkXkgbgPEwqQ2CPIKFuMeWGylZB9x2zeTysYBOh2i/4fH+K0tZ3jaVGGGD6giDoDCNIU
JbEg5UWJT4jeaMR0stqBUhcTLXp3E9gVariocetCdh8RYVnqZyJRLW5jGWJGCJdFI2kN+15V
XT0IH5Ycb6IAVMu0xCzwVLKK4jl5Yi+DEmkhj7pPtj+JfoWY9AYTSB0jBgwhCB+8Syg7zCOB
LgQu5ydp8z3qLX6dxqj6ltLAeRJSxt5VMQhofwyU5TU0jDyMUw9ElxGBENm9R1i6+uPtjIR
WwXVwTJFUrliivUuHqLecegI3d2DvRHrElZhrocWOohgQgT0svo73zGrep4oL8jMsDwNEfnr
vxFyrJ5aIgKtIj19IXPMdtqd2L3xEvGUpde5ZU8vQehkjKmN1JdhXdD3lsdmL+eGLk728+I
BltYYOzwRI6TH6QYh026SCVDYHfLqKbnm4mrGbC8XNlns3BLIQ7vEDL/AM9RpAzYziOCizoz
ARpW7QFqp37S8CmMbPiDtM5G4kDfEYq7dmWwhKy1LNS3VqPqpcWXGD9EGHWOIMuEVLiVCoOz
DHmbM1Hd/AwjUK1uUNCHntLTZd4l0jQ8TU/eX5XhhSmXvNTMNFIAjdyGpmJrlniCmcPJQuRS
CNwv9HpEMsj0PoSEPpiEDA5vu5qwmvqOorn7wk5zfcddqeID3liLDxLqyoW9W6uGpyuxyWx8
pp2ptgRUJeOtKlpeWi5ef//aAAwDAQACAAMAAAAAQdKYVjPoGYQqJfepyIt8OkAcgO04U6GC+
Zpz2E06WycrLiTjC19kSU97P7u4G8c/jY0z9O5EYmhtBHWLQNN7wqQ6CP78jkAv27MrUafW
tM03PYsfZSW+CT9gxnQRpsnL0IoM7SRomCR4JrIdQAPhVIsfMSall7TFMdj/ADH6myAJbyTU
hORazKuzYDKENPzcGTsBar4Dd6xQoJ7s1eIB3AFsqEE3ZgQTsIfV2L/yIFNVMSUJK7nY3by
U4OIgM0yMJTU0cQvGgejXdzlhgLfPMNH06o8H+/jYHvKdXxWqFq/sYh+xMIZq4cWSYvdcoM
A2DmiZ8KAnX6I1FV8i2VhajFCp5jjwn85dKEMH1rYEdtjalJMO9WtPlx3D56710DAQ19q2Z
sikMJa12vE8GZA7JCRsepFbXGfTx6lpTjWbv3dbbiMUgMzQdLjhijE+hCR66psGUsFm5R57I
GZD0LeYeCCefLkXj3kBSszYIFbotrphZjoncME9cX0CgtHtYU+ENBfl39hzmFuhdUJZTqeWu
V8uYXisj/N67nYT/AJQ9a0UrknrSOY1hOglWtXefOapXM6vSkJKWHHmTqHXRCbFXU8mEzK7
nNinxwF+IFzwGCMN/wDCgg9/hg//xAAfEQEBAQEBAQADAQEBAQAAAAAAAEABEHEDEgQVFhMHH/
2gAIAQMBAT8QyXmf8SyyT8t7+R42WQepZP4E8ZZ4HhktmhbbyyyDzLLq4j48ZZZZ52yz
llllk2e5MflaNiyZllllllkH4gsstdt12+yWj4nmSQSeA8yzznuBONh0sjZLLPAWSRHpZ6k
Te+Xpf7AkTj+WWWSYaxiae5ZZ4zIIO6QubD8Qfr09GuXF/RL0Qn/ABD8J31jLY/v8jDsnD8f
FxPH8gf7YW2/httvmEjt0/5ZJ64+w3DDvgj0jxHfl21Ccss5LBzwvg/hkwzF/kMZWgCf0Y2P7
4RbcGGP5owmWSRywSIdRox9v1JfCSwvqIEG2zbb+GBPNr0Sx1L/xBThe+sY68Phly2sbHgxZ
nf7Z4z0kvGKAsHS5ZHfhtgav5TzFv5fPMXgnLlpafbCSw80Yw6QFrdHPA/eSKQ4ZOrY5DL
jG76Q8tiDLogztlw6ByWwL5ffnpztxEsLCRIS0W3Xx2HLvk3e36yCLE+3/tN8vsllr+2vBO
6cseECO8I8LCOQH8GeuTDP8A19k8GINlxjv7gXFgzH9W+OpQo/fMhjskv8hYgTibO7ljmxd
SkwTO/LE37DInGAtJhtvixRlpt8vjfy/psyVdvt8sNG2TfufpZ3sn6kuWzM2JdnP3Ln4Hbv
rGFo2X6LA+zhL46uLYt7LkffA5DnublyoTgF4XbvfcOnhaT6xBZJfbqV+5h7sftIm52NGT1t
z+xxbtstsQ22w/d8lltxjXbkjaWRzxfx8I8LInsyMn9gsZ2NjGHJBty1Y+N93w9Pj4kEhA
JPGY2z4eEfnJmXh/D//EACMRAQEBAAMBAQACAWEBAQAAAAEAERAhMUFYXEGgfCRweH/2gAI
AQIBAT8QGAJYmW6s7429vLvdlt3yLS7WXU7C/wAF5W/3DH4v7149dXq0jvyz94OrfDbb/csc
jeXLL7PsQ2yx/MNt07k7DtbbDbb846tJUIS0HrgpeuO+JfirtjSjD/DHhg3/ADwIS2w8GtgBM
xsgBbDbLMGXg8DkbbbBeiBw33XwtyIMcGwy8n+Iy2syyyFnG73EOct4aLhaWPO22285C5lo

bEhXTdnfLmSmlm7yWGxG3rF1gWcMweN5ZR6dJPotzJPwu3tl4eNDLpfxFgEbtYW5aMa+QxyC3
ViZN3xIkyyxfqF4hwjfgWQyGcD4JvCy2b+WHU7sPj5YYrCMgk3aQxanW5E9z7nBNmP8ADz/u
95/pCM9ngPf5r/WbIMHX8SDUdwd2Dj2ZA3zLqkW5Jf1bvG2xwbwIUw9mDruUf5+yB+/dk+HZ
d5/3csldXsfc/f8A5AfYnyRp4+QWs2xLvkhf8QS7TGTxJP8AUI9v+/mFdz9jqF/zCH7+yfb
Tq+//GycO57Bhh3yw94/pyLPswYfpafT8JQxMmfze5eip1/3kANZnso16Xd37HnbeBRh84B7
Nu7u1Zdk7Gyixja9l7jdH/kbB/Z7YqDU8/8A3+rV/wBjKzKzMBd9RrHycN8Q7jKN+WLjAO7q6
mr4a2fmdEYXQ2zQsdsggd3ceOQOrJj7CIvcgmFh0z7xbS2BYbaQdkhwnNmCRqaHbYj/ANsw
S00nRkT48iTqUfhYsfk8DrsfrhwTYGdSymblthJncpfSH42Z2WkD7wOkuQLp0zud28PZ785i
xUu4PA9WHd18bV/mN+zjP54Gjn2+bPTI+3wh7CifbuXXciSSGTpN2YzvLtdfIb3sBxsHGTrZ
pfdS5yPGwb3ATk7Y4DOjFmp8viW9GQm2hH8cR+5bfcRPbyBfITbs4F+chVP4gNQ7qM+EKuW
PpCXqfhgg7k1OgtmGzqhMtohdBLE7fcj02BUWQkuuZdf+bAr5T7ImGNstfsd9SzykPoYDsJa
SGshb8IMyx6XUbA8bxa0Y6pYscgPbR0QWZZkpJONe2NdWdh3dpl3xjphd+ILLbbTwXsLHC14
XL2ekYZ77CW9dStTeZLPZBNIUsHWz+xMQOPskk13eMiLrNlcn9cG7kd03UZgNn5EezM8++D
2L7MSUiL2PbxPP8A/8QAJxABAaICAgICAgIDAQEAAAAAAQARITFBUWFxgZEQobHB0eHw8SD/
2gAIAQEAA8TQRHy/maA3CojtNRgIKIEEv4RdTGEBAhxKQhYBxKioNTLxFXmZ71VedTslkw4iI
ZMfwEmU8IkWLFX8ce7fzDjUqsSkagGoTWB/AUJTr8VgrlJLPEthFSvEfwLWCZSlsTjQwwiSI
FTLJ2/qUJSVJEEYkqX6lPnfzMIevTEAIQFwgiyBNx6MDA6PxGeJdzM0ScSz4IFyzULMog/xd
hLfEolEb/jnziCsQJWY+IjUbjfMIB4npKHHb+Y8WmcmJWEeEJDWIBORjDcu4i+n2G2rff/cO
J/rNrkvmFspk1S/wmDB18h4P1GgWMLyeFolkpl7x+J1g2JWd2zVvi8eY2Cf0oXI+YRZGR7V
PqQqg+vLz+hExAcLz4FofTKIUQBIVJLme8QCKZimeEtgn4DRet/MosQTBK1MeI9IM8wz6nlg
/wDghc+RgFLfBX+w/cJL3IdPhp+pY+WjqhV7yMuXQ566PXL6nPCHtt/BqCEDWI/iU8zomt31
fkYYZHgyfD9yoWcg0+EH6lvK4uGvIkZSdradIro2+ps2CvbKfg1GpKIErP4smpQ6i8x4Zj3j
KrO2ZNSken6hDBzGsq9TOPXP4gyJfXM8Yr0RVGWNwVuaXhnXy9vImXUI6FroJe4EXqGhJ6qv
xM3yrQm1Ch053gjjaIKrg0Q4pzhREgiOptsgFNNLdaleAAOQvBtXKpKG6XhCj1bFmU2O10dY
3BW5pUuVHt7fLDtBKha6CW5tHqxoyeqr8SZeI2E2tA6c7wQH4UWoDc8U/CJANt01fnFSuC23
cJnHBhIDeshdZxH5HdGAo4FuCYyweoa1du8Eea6Zl9FzpY8ESVaFq23BAI49yGsvZmIqUHcT
Kx5RAPgtzuUeJixtGFHqNmFuLmKXTZ0/w4lp48ePEGUYgCpS8Oxexxqllny4jHvEE/Tfbfhj
LYpW7sP2c9BDDt6bGt/GX4nvxYfAHOKzo5YZlBwunnfKWt7cYJUKFMmlcyBxyx1AveWkDTVV
eiszhiYXuL0vJvjcolBri1KILw3YvY41AGjJ3xGx3yCeWt956GI+6hb+w/Zz1UE6wJsa38Fv
xPdWQcAPVZcHLOU4YiuHlmuD4i65mnCDk8QZTF4zE4/Gx8fgd+4He6XKMB2SrYbYUpVE4V+I
0bSvUQiNYVgHtYwyWah15+BQ4LRy07cEEexjQDizjFY4jU6ohjTr8FEWJcp7Yly0TkieIXZ4w
wfAP8xlS6g1xCYavDxxZH58RCxPJH2ejA+QvrAQPgl5FpSYiyb2Bb6lbtCznqIUaLNNZIHK
i9X4gBUAu/MKQ27UhY+xjbLOtPrU0sgIHwfi2xVkfTm4k+6JRQljhEu4WQKq4qBaIKwiYhY
ATpLihRQUBL4YBZQs09SrWBRss1Gn4Iiz2l4EVbiiy3uLW6zHxI+MrxTVIn0ETaRSS/N5XxOT
ATodBwQhxuWguEs2Q9WH+Ji1KHUZcx6yxLRfiHgT1IeM9YUhbEVIIGer1+WiMZbiRwRsn8Bh
DmIqe8QVAXngnicH1BUKAQNIHbN/qLYvHTKltYAu4ybvD0gzLDEuYOpwVKELxgMpCmZUxnpL
9fiJmDDojpQIsqNS1+GL8DLF7Ko4TwsGl+oejiWM5BK8IGZkOAJT7H8BVqVCpVwYmnTcqHBY
Q6I1UyYQfjco9Id5ZUurE8MIj+KziPCRL1MepVBqpeWoseH8DfiL6rU11Fsol8SmKhr8Ara
OhTs+fh8tHzGztr7Ur/Mvqc2M9KE5VmdUC+18mUfhHmYJiYwSXmeWylPFMksl0vrEqmpThCg
BC7BopWOJVeJTAvmAKG8TlJSDMsZ6RNL6hQBtK7gZijLhOMu3ESapMKNiMCqZjHLH3KB52Pw
fzFPEdWPBnEvxLcIpxB3qPW096j8Jefgc5Y6hgQ5SoVS6nFLmHVQkLVmKKUxICEwYhuDuXjs
AligSyxrDA+3FZqKlnZrxz+4QGpZJHwKsu2jZhm0nTns9RanuOQSqhkXeX+Klmdwh9ReoW4
gmyAmoZ6ngIJxLNEEgrmTUG34WjjFXKUS9QkQm4smHUqdRYty2C43ljpekGQzViv9T/azH8U
vElA8nefMVUiuwx8SzUzr2Z+Fj6nAlwNrONSzKaf1LZUS8QeJlcXOqeCXtQA1EH4xhjy1GrU
aKhGpHOGENhdS7BSMNyyP1FION+ABx+FSqgYhF+Yr1jKV0dppxKmUR+oBq1TsQxTs7PnuWG0
FCg2aFLPWNwLBFGRoXV8Qi7TxVaRXXwmBBOxuHX4anUMNrtCGZ45n1C4QzSEGoix9pK+zpl7
WkD1RwHGAp9wexFirGdiKS2VLI+E8UzalZqUICUnhLTHiDw1+FdicjxRP4WHf5aAwMw3Xmz
5RNX37gc05tSghvOiyneq11/wBFgx+qwRE8WYHnfUODcJStK9/5IxWeyGAh8175hAqgBlE
OchAe4bV+rioteGmeaoi/BICvsRtOr0/hUgwHiYyiUv8AyxJYEsyHjzGrNIV39yvdWnNRUik
VtHjqFkYlmmx46nhAn4glYDADqAESJiVC5iXYPqCIZQRD45ZwHuPUuKAXQoouPq7HEt9SX71
jFeqchI+oeZvodnoTHzKJU01KGjkBZ8I+ke8K+Th5YdazDhP3empmR80PBddhl/P3ODjuAK
rEojIKqfIPwXGLAbqloGa8FYMcxJzCyFjroFL0/9/mAZXmJISQxWUgRw/CiIGFoCBhgaG9T
yL0OX4iJz10Ig4EaVijCwiPMK0oWCpwXxAoBXAm109DMvTSVXiU0Fj8UXqjGJUhakL3ObYvu
zZ6cFFr9VAWCVeRnpHLtgrItSsxHLcumZLMcZhKcckF12FXgP8y9o5gRlyoyVI+mY2ljH2TZ
+PaKPx3iuYyxaYiUEUHUCFUALV0RVymSca+zbfmBylsLTTtoLeR7iXKUAybA57uE1WCepVP
MrBzwXSIC1CrXuKTDYXI/aNjFqVLw3/i5ZY1Q3pZTQvg+4W5lc8Qe4AyghWyK6R61mCIVJB

DZUt6BULQMDvd14lwBa6SnwYdXq5Yyq3afL/ANmUC+bf+4T4g4JVwR+pc/qK1F/CjxKqIbuE
0xfUuCIFSrYA0tt4OPEGIFy5JZZcKOC4sApnVyOUUXjlMAHgsPgvMyhSDmF0Ra0FQPw4JU3A
qZYljUa8k3I49QVDOU2gF0vM+I6lqoaDR+SB9Ea/W46lS1ibPUFFU4SbvfhPx4RYz+NlKs4x
pjTHUtmioC5crtCByuCNUNMsh5Cr4lvMObMSdWkLtSd/C4RNxKEGa+bjTH8EvuZ6xYPev4h
AhgzEvULsjksgXiNYwYPxdwbjdgAODIwmXbmDQTCr0leJfGCwu0ZjSA+aw/MLqPmPSJUyK1G
5SYoAOblfav3BvQDFxpozobSz4jXf4i0G8+dpddxrOTgw3OIA5Bz7B3iC4ITSx+qinSF/wN
DncbGHCuFvXEtg3MTneOh/Z+ptBiC6Zv9rj9DCq7mWSEV4iRITcQLg+MR7hdAWpQRUYWov/
M1EdRVjglEjdy0JqLULHylQHtt8YpX7T5hoifglKzFmWi6UCY2tgAdZU+Zj58BMwgBzwG6s
jal1mXKIO62afZMl4uzb9QQM6EA+CDbRtiyVcJhLp3ofmCE6KWrcW+iyIJF8oGdfUVvCVY4E
hWnGJWhkZCgBHcHpT1K0r2zuaig982v9ky0GJbVKVHpcyBe/3KWhG1bfMu7fEPkjA5/wSxlf
meU55zl+k+oJvNQUq1KmtQsL2iYQpX2SoXRsq/H5SiYH401Cn4NQfLoFgcIkIGAdBC0xs9f
kbJk3KkwrqBNF8C3OI9qhaC2Pn3UvITN0BhUrdGFlr/KLWRhrFZPPEPxIIyPn6P3H0ABgQE5
uEqRNgDoXxWTXzK5G4OGW3T4jpuMBpjGT4+ZWSOqhopY3OngcVTMqIUKdvX0QTDQN4ur3Fji
TcVef4gd9EBbTa6DufcUy3uAroxZfZ/EN7cOcxBFXKRfLkG8VUZU59j2fv3HCvAeLa5zy0Q2
E8NzB8xdRi85mKmcrlBpCO/wWpdjubEwd/gGY+MDTzhHVQBZoV4ixVirXHPvuNTnE4ByzwFt
eYt+DZl2vt9GM6+4OcafrCKtFe65vPM3J0xBs/4mZ0u3cunxzKXAxLSi4/bXoj+gQHmZdp
P6RvIK3NUVzAJYrW3e5RMIyZibOclFWd4xjkuPgzzqy7/cLZRhA2D9MyYYIacmpY6BcedbWP
PibkBCE47hu7zMYo8tXSW11Ki0qyH9CLzH2iy46HmMX4ikElg1ONBG4KSH2JXX4G/VeGAQR6
IZDYOf7IEILYUzf+YVKYOW7u6wajEVQaLzuA+IOhuXo7+5qZYSpWZvg1hfuK1VBUTYv3uNa2
G7FvLez16i3oAD4Xrr5Za3JACll5+TWP7h6YrU8l/iW+xQwusbIzXWLIKQ0uvEpwG5jaF0UH
ICGyh/X/AFCiiFyqG9tVLSMjhgse6gy3rUcq5rZ4imsJoMFh5HUutsg6XNHiv0y1qpV3Zj+r
+ZglRn/4WrhmeosRqFDYzPcAYih4iUyspJd3ibJwQUoQ6z9PEsRE2acDrPwbqzqNuGD1KMeY
ae2uShR6zxfmPRYVWvXn2zX4062vW7ePXmCn9iCrYpvOnz1K7FEsHZY8OKshRbIHQUFPYe48
RtAV2GHfivXcRkHFcG8U/POYgytVTNQ/DGKKG5HJ4/zAEgeSUwHqAYqC9Or88VBYULms+Yzo
WNqo5vxBy7VPi5mmYrYs1DlIRPNylt6N9QVRHh3f+YwpjrqrfrnHzUKVufsYUPIV+IIdgjr
Ucds8YIOCMXKti8QoSTxMIZ+ouIpyynf7hVTziFjcO8BL/EvKoltM5QLeeLDuYN05UKsO+pZ
F74jLIor1dsWYIcrX+rqVv5aHB7i+SkKFHY+SNFFQ2QHRt37iJQclC9XS1wQ/pmljzGZXS0A
rQfJSwdoou/jcp0GgGK03ptggBpAuyKa4xFGlaCZvcwgxfFpwQQ32rTdlmVIVi5XilSyMOep
a3Ri9sO0PEzTRHJMrcR3Kq/4Pb/cQCID0Uj0fLcaRgsqnlVv3qOfcAptRXp58XLOEAHQffP
T7IJaugtG1G24hZnGCHiCmhHxYbclmk6xgr+JSoeq38UG3ds5BqGO4SDUM7i25ViWWqq6LP3
1KQQK6aD4nSUL3GGwW9Qbb7ao8xGKqgWpUFTVbVd+cXGBuMavGiMAwLSP6GC0kKVC78x0dYU
BtT8SjW5gqMqc7z/aHRQW3Qcbzv9QxDEIW2Ltv/AMjtcQdJXB6iK2UoclZ381C8jOGsHf6i
d4AwVC36g7WVcdx/sQ6IVMsooaNG4lBbLdT/UuDwO84b+IXMt5MAFAeA/uX0B8YtYDVGH/O
Y6labrjPPmKFVromE8Jie+1ZTx7NfEVsS+dSvJ8EwrbeP5D1MdCtKu7lcBi3O+eeF/wTdR
AEglmzzCF91ue1fn+nmdkuSvN2myD1LbCv2jnVSuwOBdo4XXF6h6FpsEtyZc94uKgaRDL524
45mUjhHw8unWpbD1YtC3vw+IiQYqELyZrW41BEUKEGf3LFgaVcF6w7zK7qI0lunPmufcZMBE
vFMee/8AcsvNKK6aJus6gptUaqnlqLS9gGt9eXW5cbktPiNFpo6HP145hXMO/E+2MRctfMaI
VQsq1POojYRVUuqNtOQ/mlqj3YfHMSsR7cRSQyx7Oh/P3LAsZ1Kb2+x2n9SH5SIYAfm16r9x
mVf2zTaO8x28/ikXNj9xXnFpHAWo5Q4YjiIAPQg4QDIoCqYu0NkgILYcP+8wQV4Bc9MtPwVv
LNLkyV1R6tnigGCHx9/tjBJHdsc2Pi9SvLCALMn7xfgqxpRusPF71ARVAasxdlWnEtKF6gYz
k84ddTJreyUdoNa7bi0Q5G6c15PMIVIV0K2nt418xt2ZBlokOMNwSGEiUMNef6layMUBTgPe
+42wtU9KMyyq7Oa4SIRITCcvTx59zMzEliHN+bxLBTzTGpW8Ij2uQf3HFkP/HuOgk2cjmW
wFcg7P8AMEJrj6R5R1zUKRSWwdeEijCensbf2IcMtx4gRNPQqxF2r0LF+T9MW/mif+bICV8a
QdqAOo4QJMoOGMqDCOhQa+EY/aBkFqhQ/r+YOMA18mO9xaYZVasIJw2f7lcSxSfazZ8QDG/F
Iujd7xGbUv3AY1rj/mAn9liDC+KxUfTOA0ANGd492wKmrDUI0OqzuXDpFbb031XOIhCKcWl
bTkrnxrEsi4TF0rqztMYNS9NtoCNAX6/1ArxwZL5UPm/iDBbYuW+fXUpCGS8LRC/oKD2xGgB
wnH+0OKPSg1/tzz3MhVAKVzZxLkXZv8Awl2OIoVwQaccxss8Bn5OfiLbWpOR6SNhmsnf+kM9
XCj2/wAzEqUBenORNh4SaZHON+HxudSgyvKWzbB5uVPqFl/+UG12ysEx3NEXLxzCr1KjKxdu
iZ9Cme1g/Z9S5RTRai1LGrmLSsF/My6MYcTFviAEQWNWDF+uuSfyUwLVfPW4xs7JY5Fe3mL9
NWKFXxzDIL7BYvxnmEoRaF0JWzVJ9S+LczajGHrivGo2Q9YGrTeb/wAwcUK7BWM9c8pHNqo9
KYyqt38Md66kuuDP7jBEjQKA7/iBBGbdBvErBsvKxnxwYji+yPi0Gv+3BsFFGN9nPzPNUHt5O
P4l0u0wxyS2nlnUBWeIVoo0moAGCnnt8X/mWtiCfzLx4V06Pw/zLFM4P+kfmZFa3BUDxz8y8
qvh/MwS/2jGSQMX/ACJnbZW7lsMGX0E7ghmhl7F5l+VBTtzPcoMCscgCj0NfmXhV4bhlMWBo
/wCZlYpVJkD+oR0cQXTm83immvJKhBQAvp+v3G9NtKcZ3/DLIA7GA3CUrAtVVc++o31Qs2OC
+uYogOqWFYf2QgBop/R9/wAxqAJyHpSz0roU0YDlt4iNNRXLX6glEM58H+Woy700nZ4t9y7d
KoZ6eSooGENB6ffUBy/oP8RQB26DL64+JnAWN16SO4oWZxM3LW08EFRujORpP7mRD4ZYHZIC

AXWPKPFj2qyhyDw415jEEgva5Hhou5te/8AU/tcz9JFv5nlfSonJTByt8wmkZ21QEw/UJfK
mLba2poHlWoSe4JWlnsG88soCpTzC1szXuUxoc451AHe3rPH/dRUc13pts/UyZLoij/yLnER
NsDYen9x5FyAleGjFzFTUsILl2cqPqKntaXS0PrjMxuACvbnzmVb1LBCILrlELjGBAeHTysy
s3IjmMpD3MnP1DpKe4u4SS4vArzXcYa9Pcc0pU8UG2jVSfRigr2skahN56v2a/UZk6qt+4s
/UJcxQRrNv4mLnmWy5KaiijcYV/uAWNdrWJSy7APMo+cK5IUrW38tRUaXN9/B+EpYHIsDzDV
zGq1TAmFeY+nEDJLp0VqjuhzcP6soy+/d/zN0Zv4it6VjrItwECmXVKgcpDgrVP9RAiCvVf
9cULzsSvD7INBRkJIKNyg2SgRrlR4WpfnzMEldgrBbAC87zASsQygPOFA5pGvMtnH8qZwxjL
j6i23aW/c7FVvUX4BWEKVYKknlFpVM4AbWSf04cIXcbIPaod9M2Ke1qHm7B2TwBl+z5kN5v
SyqNnR/SLV/n/AXiJ2IWvv8Aca23jm39Rqce8mwV82Y8cBzeZao9wqu6vOie8n+Y30qYmpqX
ebgtFcQq4F3Aw+DMGP5zLbtBaumUrnJz3HtVXWN9TZOlFMmrMoAty5I9kubyxclmXHfr1Mes
KcC2sTgVtgaejt1uKCKXnz/z8wd+ES/nK9uJQAgdFX5rcYol8o4jsWokbovcYHWTWFL7ueIR
ajAmIPmv6ggRWiWEEGiKa8c3B86O+3qK3k9wEUpBzMRrhT3BbCuprAppMoCsdGagOxl00hxU
pxKSprMzgPhhnNIFxB8Mf0IDicRiULDi0PB17gwH3RUMbHkuEqxFdjZWix5Syh5xEl+EO7bQ
0951BZdVmWi2KN7xAxDJQFhCqHGujgd1ubhypwq3j0Q1sA6xFFcPmYONAJpFGFDYwXYCx/T
8yihUfDyRkWOIuHYylg5b7INBTZCsUzpjFIEeHMqTCYNnOnkH1LurhuKM3D8xDvL1AXgU3P
uGPW12FmpT6nCG/DGXL5ESbBqWIDpG1d3t5LGSNOKCMFqyERi3XQdzBVRouha3dahrKFEIc
Wb4mTg2QrBB8wF4xMRMS49xMweCFvEu84hed7ZVLE6U19Yhs/wB2hzJ7GEag/mH7H+JZDrCG
wViLdyqtA5MwLLSVecwH0wt/coGpqzMTgLV0MOQ7luTFMUK2fYE1L+5VYPSS/wD6g3S5iCYf
iWLQgpzHHiWsC2rABF82MOK4zLgBYyJcerMALSodKfUpQKCDk6TxCbI4zXELJJ+6XoB4gDDd
9zFnM2Bz1MWdxphGZTWY4MfPwiey/wCFhoCxYnJXMvPFj+otp4hkelligYog9kNqhFJKdNFV
5npS0B+IhEDJpYkWaaa38w945rJFi7fctdO50CkYI58kEN3iep9zCSVwx8yJeJvJKhQAXGLi
vAeL0L56Q1GhtyryvawRbDpZiFLWpRgJhAjm2qKjzDbQkr2wEMMUyIpi4vtmGSCF4OYAxKRL
h6hVxDFTiUTzTT+mKF0Jerb3HRwNoeb3HPDI6pIlg3eIwTiHqPYIjE5V3lPrcN2rybAjeJtvm
XiHnpD29JN66uULiXniN0R6BqeuLc0azAgbLiXJhtwSgxAXrOXEHWbj6AtLZ+5XuoA0106jI
XLG2UJTIZl8DFzWF3FsY6CUEBghmDD0cxdVC11BYBBuWh0QRpHzHU+CczZ1BTC2ydlN/V/Ms
a5y5mBcQAKbjnYTXmUKIXcKzY1HIMug8wRQYYox2Ljg1XyQi4HL+48+J2h2N/hAWwlupqZG0
qMRMyz3GZVuBFqByvEJz5TapRRxeBIU1pvD2KQm7gzVtCmzIuou66h6Lu0KQIvCZ+YIEki6
dHGLT4mOcSneaCSigeeXmJWNvIHgLBQ8Su/kuURXAtO5Swl2iDjYFITmbC+dXRsR+YFe1Chw
K1Pk8RJCD1ZVfxkzGpPffJ2UG+biAtaF452r9tagTLaaWAlZsnMDqQ+5LoUF+odr8YqOaafS
vEQDbodC81Q4JXLkkYaCrIshPkuO2FopGKfpCrKhYcrl5enELXoNAD8kBoqkejRTdJipkK6
Rlll0+8QeBZq1Nrgx1LFht+ysNOcyiGalgLukDjzDvTvbvjFDkWDL9fNhRzriP8AkPxWNEYk
qfjf7OM/EONuJkJKdK6O941LQIGo6FBfchwOqi1pALV4ALZd2HP41tOKbYorjzDdB6Jk8wa2V7
OhkD2ReHqNuiIT3H9NQRgAWuVg4g5rhOCuELdfUYpKLV6XXEvIVW0Rj1QbqsdytUAvF71BK4
KDhk0Js8xCryBwTuDcLnrAm9I35hXUZ/kiyf7ga3q/i+YwwD/BNGSVhAC7H8kyc9qjR+LPSN
V3kAEQKMC0Nn4xelHcw/CG8jRybuJ3c4QAFaIevMx4/8KZjzleLF19ssMsmzqCcqJfEN7uZN
Syn/AJvrXMirMC36AKinZFLEIfH0MIVQvsOT07jhbKpdMn8uDEKikOMIRNAgv3SWZ6nQ6Lp
wutwDCoDqxj3CoGkZ5VcWVXXNq8z6GgvBDqvpbpeAcWWhgLG+ZV+jQxAX7FZmYu3jO18x8uF
mzomk1/YgK9TMDGLfUzdKxu5Yvzcs5iqyM64f9UFBDRfecwTwwJdqgru/GpTsI331TdG7tqt
S4S3K9mqXVLMuoijzDFYOKct811A8iQmQaIRMYInfaiBYNhXNNbLupUYUitrXvRMO04Dk0s
FN4M+Iw/DcClkcb7IEdyPaBstCAUfqV3K2AgyBXYIGpUjKawjoYJeC81xcQD4NW14GFUJlmt
LdHhewBLt3cSG0LWjbyTA21dVUKHhJcBAEtwHEPuuVvCsKcmOo2161fmBUW01/EWKmtSwFCU
W6f8Stzx0Ckji1qLITJMzKjL36JTn3FABeCA33AACSwOLstPgl+SKxpYLZuhqtrMMxA3nLV
l84lt0pa3bliGpVz9iABylDbgggKmq6gaKMsxWFiAN3gc/5nrZ4dVA2j9D4ABmignvNMUd+/
FNgGMYYGwULmoAWK5jmBBsAeQeZkEtzSg0cNcEtH3IBqmAcbGNGIfdGioxvzLgRGv8AUgeh
PcQE3CwE4ijuMZuJDzXwUSkWABT2BcsMMrpvFoJb0LUVUNMtMiWCrY7gMDUuruIcDG+6qC8Z
gRV1LRdxgRLgMglwaFj7mwhOWgj8kpeav9xpYqpn9kiBW2jfnEpJyH4hg6viGKznMzxgjLMA
MS8RgblyoE5QtBdtfhGYjmBkWs74vmoCMTvbrvVwt8L4Cr8SjSwQvu6oNrTA7ZZiXBZG24m
Ri0nIUxk51dt0BleCuzsz7ape/Uf8PDcG6CzTcSRVID6Ly3xFWxKkqNDF8wZOb7ngBvNux6f
RPFrJ8yybLIFNtjAbtxLyxzDEteCTdGnh5lNnWyp7sYe427PnvVhV+IioaPWeUCYw/vhDp1H
Di4LMAT26UgWP0wVqOQ3pBh8Ms4K2j1DKnh5h2VdbOD2MNXFbXnUD15b4JRqDKNpw18QAY4I
PDCr4DMBouGz1LVR76Og5vxDDPafaAouKsOI6NDBz9huuKiXmV9S+CwVTZCQFs7sa/UdCuuw
3B0WvwBxBxJ3wbOWNsWeJW9VKB1DnxKEd5fCAQAyrg7hCoOeK/pRIYH1xS0+GyV4t2Qyix3e
/hEGvpuk2eTY9kvYYA76CWMiHBmFzp73EgCvUBtV8NH1BRTJ/nFrgg3DS5TiLa73wL5KD5gu
GiXj1CO3+wkEDnL+EvVRwoyUypu78R88Gbi6br4jkkL0Fa9ghPw7d11+4PiY1Wfzsp/QR2Ri
c5bxwQSLq5tsozk1viHQZScnU5yn77iVHAWIUIzQcwrwur2K+JixduvlCAk2cQgJmF77ZvAW
wSTwg1+qqfMdzEOR1LW4g+ICilzbUu7ogc5P9Rvc+FL/Qktd6l0aPAw/iUWt/0RKfUylxNf

aHVYWTw9I5l6ZsYE0/dPicEGjyf1AxqMTEgSFdX2x0aFi8EHZArVfSPmsHX8jH4xqog4kV4F
186+YMQb1ptWM+EUjz4dYfcpIRAW8CF6mu8vIoybEgMMUd0Wq8r3DaJsHnCwCP8A2cIXwBhy
fUYK2/8AbKsgQ7C20XkKCsQD3mLkmhwJT9xRMMnm2P5S5sXNxSd8pf2Insc7UrQyeyNqNhEA
LrVttFdxDAJA+SsA4LfmHUNr7hAZoKoi3QzJm8SGlczAMt7iKPM0mFlmEeJVgP8AFZo4x5A1
UsRjXI7RcF0eZS6wzWkAm+bucqwIANAazWHzmGAEaBQig51mpeeNmLdVxxQ9eYOj1QAmuS1f
F3UfpE8texpbYdtQzlmD/pwXDPQ7I84aTjFda1dOK3EEeIJRTTz7nScgfAmxpnOZZp09XWh9
kviDElqU3y2xZMCARcQOCYxXEC7YzWYGDnmh3LC7jivMoAEpVwvatRWAQXK6+HFQMS6wSVyD
ddYnUKLoJQvz2d6h5TygtAWJxLEzHEpuot5QVh3hwTQGHBM4h0TYE2avBKF5IVHcat9st8mI
FZRqWgUThrUY+9TnliC8IK5I4ljrTdnjb8KRrTWUr0rL3U3bPcenwf3GKqFtsatx8xyBofMA
096g3z1BtgNt8jqXbhet1e1WqqdY4iJxpkBitB8zCigFR4G0SjHREHGJVUUi0w6jaNjceNz
NSypdXmDAAXDhEQahXUqPhKE+K9vogXJtVD5gOgLso76/UA2Eg4BZhVp4qWRQM3innZz3Dw2
sWB1WzDW5hWAAtVXeusxRSbbBVsKPMb7haCYmBmYwQ8IREDMWC4lGhTgcdQU1iGmV1LQHcS
0JpKHpMB8LGCXcpofRPuDNsyAdiYYcl3dRbcxBfv8Acsl6oXX3KppxL0lASyEGctiiYFq6CWK
TQl0y+iEAAFWupgjL5wDt7XdRAKyzUr+5kRQ9wEqUogwX/2/MwysaEeAs/ccjZhVL4vw8QMi
jaDeO5qxmDqfMgBEzJAtmJU4lOO+5lriGubHl1BytQmoN7tvj+PwMGcwXD9vk9sLn1FC6RsY
jJUEsTlSKUcsP1GmkGhqyZF5wPn2P/amMNtaKckf8BEw2y29PzC8HtW2b6PNefMscxtmlThA
G+fUvN6TGY6q8RQRQEXMzwzAwpNismLLA7QYHRX3Ke9Cy1818gHxfslDYzWajwC3KyLGF4Fk
OONN3LzdCbLSxyI006SN8RSuXIP0Jkl5mZ5ZRLKS4ixCoxHhbmL8u4LiqUhGm14HCF3Lqbcj
3ojFyjKdv/kynFLBtPfuTjwjd+aiL2DsjLnxfmG26UaTbzALCvGCot0+ZQqKtEPZ5xFdsVAC
NXlGF5R2tV8i7w8cQAVrrDNVERFPcSyAwSCN/hIYi1KzGrFrahMl4R0yu2E9HKRrXrw1EVUXV
WvnMJhmgL2lPLYpUq0Et6ZjpDntPMrzEegX5bfmVk95uzZDqnFBogFECMewajuWV+ISxmN4o
+qMLM29+49PRZuMs2pV9/wCpkhUVnEyP6/qYMTIGvt4iq2MDJp2VHUcRcmOr6zqFGooHKP66
+4oqwofg9OORl4AUthfzWe714Iw20Aten4mzkQdRr4LCHYIkxIRfuATEsXERbl7MSsOVMLXG
H/sM4AVdwG2lc5XlGycqt5oQspxAr6M+r9S13Dds92IjNTSS6YiC24SicEuuY7hYI7Je3MKm
A1tF61C5M2aJS2cI8VcWLAU7GHMBACgG58cspICsL2ewvH3GAhq8jbrXkmUI0RvIdK3/wBq
VnOjLysbv4rmOicVqobzXFeqhUtq0vHBvn/mLoBgxIVy8xMxajOgu0ZqYwrsIpez6mUIwBtl
moWlIdAyS8jOVY4sJXB5IY5YnuCVCRIxmRhbmLMRdz2lcRgEGooJbqUWuUwz3iCKSY6bJggb
5BqNl+5lyZ3XfiXNlvgFB/qVH1lWzCS0Ly+3j1EGjya+phX2dqvf1FJZstEW+/6itdw1uH0/
4hPWFEplOuzxqB182NjXrNVzL2kGQDhvbefRV7jqBeW8N9QfdWWncWAT3szAC8MDdmaRjFRQ
3F9y17h5xb8Z5IpdQXVygT8Rgjbjm01uAahiEA5m2pVIDBeCwx0YitEMIVAsS8mKlQqxt3HJ
LKDDyxwIUdTTDWA6gVggyblF0CqHDEVQtBnlINoNNsGRytFYRshsALqZTG4jWh9roqr+4DV
tDRrMQ3hKYdJXFOY8XuKbMwyYZeq4vmAELdxq3M3M85P/9k=